Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Педагогический институт

Кафедра всеобщей истории

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И РОССИЯ

Материалы VI Международной научно-практической конференции

7 – 8 декабря 2017 г.

Владимир 2018

УДК 94 (100)316.722
ББК 63.3 (О)+60.033.15
И90

Редакционная коллегия:

Лапшина И. К., доктор ист. наук, профессор
(*ответственный редактор*)
Захарова О. В., канд. ист. наук, доцент
(*зам. ответственного редактора*)

Печатается по решению редакционно-издательского совета ВлГУ

И90 **Исторический** опыт мировых цивилизаций и Россия : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф, 7 – 8 дек. 2017 г. / Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Пед. ин-т, Каф. всеобщей истории. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2018. – 160 с.
ISBN 978-5-9984-0745-1

Сборник содержит тексты докладов и сообщений участников VI Международной научно-практической конференции «Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия», проведенной кафедрой всеобщей истории ВлГУ имени А. Г. и Н. Г. Столетовых в декабре 2017 г. Представленные материалы отражают современные подходы к изучению разнообразных тенденций цивилизационного развития Запада, Востока и России. В сборник включены исследовательские проекты студентов, специализирующихся по истории стран Запада и Востока.

Предназначен для научных сотрудников, аспирантов, студентов, а также всех интересующихся вопросами истории.

УДК 94 (100)316.722
ББК 63.3 (О)+60.033.15

ISBN 978-5-9984-0745-1 © Коллектив авторов, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю 6

Раздел I. Материалы международной научно-практической конференции «Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия»

Ильин Е. В. ИЗ ОПЫТА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА 9

Ковалёв М. А. СЛАВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1688 г. В ОЦЕНКЕ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ ТОРИЙСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ 13

Козлов В. П. ЭВОЛЮЦИИ И РЕВОЛЮЦИИ ПО Н. М. КАРАМЗИНУ И В. И. ЛЕНИНУ 15

Красильщикова Т. В. БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В ЖИЗНИ У. ДЖ. КЛИНТОНА 27

Кумпан Е. Н. НЕЗАКОНЧЕННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ГРУЗИНСКИЙ ЭКЗАРХАТ И АВТОКЕФАЛИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН 29

Лапшин А. Г. ТРЕХЛЕПЕСТКОВАЯ РОЗЕТКА В ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ: ТРИНИТАРНАЯ СИМВОЛИКА ДЕКОРА СОБОРА СВЯТОГО ПАВЛА АВРЕЛИАНА В САН-ПОЛЬ-ДЕ-ЛЕОН 33

Ларин А. Б. ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-БРИТАНСКОГО СОГЛАШЕНИЯ ПО ПЕРСИИ ГЛАЗАМИ РУССКИХ ДИПЛОМАТОВ, ВОЕННЫХ, ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ, ПУБЛИЦИСТОВ 36

Никонов О. А. ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЛЯПСУСЫ ПРОЗАПАДНЫХ ЛИБЕРАЛОВ 40

Парравичини Дж. РОССИЯ И ВАТИКАН – 1917 – 1922 44

Петровичев В. Г., Красильщикова Т. В. ВКЛАД К. И. ГЕССЕ В РАЗВИТИЕ ЛЮТЕРАНСТВА В ЭСТОНИИ ..... .47

Рогачева Е. Ю. ЛЕВ ТРОЦКИЙ: МЕЖДУНАРОДНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ДЖОНА ДЬЮИ В МЕКСИКЕ (1937 г.) 50

Скоробогатых Н. С. НЕОНАЦИСТЫ В СОВРЕМЕННОЙ АВСТРАЛИИ 60

Суслопарова Е. А. ПЕРВЫЙ ВИЗИТ БРИТАНСКОЙ РАБОЧЕЙ ДЕЛЕГАЦИИ В СОВЕТСКУЮ РОССИЮ В ВОСПОМИНАНИЯХ ЕЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ Б. ТЕРНЕРА 70

Усманов С. М. ЗАГАДКА «РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ» 74

Черноперов В. Л. Г. Е. ЗИНОВЬЕВ НА IV СЪЕЗДЕ НСДПГ В ОКТЯБРЕ 1920 г.: ИСТОРИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ 78

Раздел II. Молодые ученые и студенческая наука

Букин А. В. «СКИФЫ В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ». (Научный руководитель – к.и.н., доцент С. С. Демина) 80

Гужева Д. В. ПРЕДПОСЫЛКИ СБЛИЖЕНИЯ ДВУХ ПРОТИВОСТОЯЩИХ СИСТЕМ: ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И РОССИИ (Научный руководитель – к.и.н., доцент О. В. Захарова)..... 83

Котова Н. В. СУДЕБНО-ПРАВОВАЯ СИСТЕМА США ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА В ВОСПРИЯТИИ АНГЛИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ (Научный руководитель – д.и.н., профессор И. К. Лапшина) 86

Котова Н. В. ЕВРОПЕЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ США ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА. (Научный руководитель – д.и.н., профессор И. К. Лапшина) 90

Лапшин А. Г., Исаева А. О. СИНИЙ ЦВЕТ В ПРИКЛАДНОМ ИСКУССТВЕ ЕВРОПЫ XII в.» 94

Орлов С. К. ОСОБЕННОСТЬ КАТОЛИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА (Научный руководитель – д.и.н., профессор И. К. Лапшина) 98

Смыслов С. В. РОЛЬ П. Н. ИГНАТЬЕВА В ПОДГОТОВКЕ РЕФОРМЫ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА (Научный руководитель – к.и.н., профессор А. Г. Лапшин) 102

Шириков А. А. ОСОБЕННОСТИ ИСПОВЕДАНИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ВЕРЫ ГРИГОРИЕМ ТУРСКИМ (Научный руководитель – к.и.н., доцент В. Ю. Данилова)..... 104

Раздел III. ВУЗ и школа: методика преподавания и первый опыт научных изысканий

Афонькина Е. В. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В СРЕДНЕЙ И СТАРШЕЙ ШКОЛЕ..... 108

Данилова В. Ю. ОЦЕНКА СОБЫТИЙ 1917 ГОДА В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ПО ИСТОРИИ 113

Дуров В. И. ОЛИМПИАДА ПО ВОЕННОЙ ИСТОРИИ: ИСТОРИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ 115

Трунникова Н. К. ИСТОРИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОМПЛЕКСНЫХ СТРАНОВЕДЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ ГЕОГРАФИИ ЗА 10 – 11 КЛАСС..... 119

Раздел IV. Материалы по итогам видеоконференции российских и немецких студентов «100-летие Русской революции: взгляд из России и Германии»

Лапшина И. К. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. В РОССИИ ..... .128

Флорин М. МУЗЕИ И ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. ВЫСТАВКИ 2017 ГОДА В ГЕРМАНИИ 131

Андрианов А. А. ОБРАЗ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ГЛАЗАХ ФРАНЦУЗСКОГО ДИПЛОМАТА МОРИСА ПАЛЕОЛОГА (Научный руководитель – к.и.н., доцент А. В. Борзов)..... 136

Дирофф К. РЕВОЛЮЦИЯ КАК МЕДИЙНОЕ СОБЫТИЕ. НЕМЕЦКИЕ СМИ И 100-ЛЕТИЕ РЕВОЛЮЦИИ ..... .139

Исаева А. О. РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИИ ГЛАЗАМИ ДЖОНА РИДА (Научный руководитель – к.и.н., доцент А. В. Борзов)... 143

Мосина Д. А. РОССИЯ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА ПО МЕМУАРАМ ДЖ. БЬЮКЕНЕНА (Научный руководитель – к.и.н., доцент А. В. Борзов)..... 148

Херцог М. 100 ЛЕТ РЕВОЛЮЦИИ, 500 ЛЕТ РЕФОРМАЦИИ. ДВА ЮБИЛЕЯ ОКТЯБРЯ 2017 ГОДА..... .155

Сведения об авторах..... 158

К читателю

7 – 8 декабря 2017 г. во Владимирском государственном университете имени А.Г. и Н.Г. Столетовых прошла VI Международная научно-практическая конференция «Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия», организованная кафедрой всеобщей истории. В работе конференции приняли участие представители Института всеобщей истории РАН, Института Востоковедения РАН, Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, Университета Фридрих-Александер (г. Эрланген – Нюрнберг, Германия), Фонда «Христианская Россия» (г. Сериате, Италия), Российского государственного гуманитарного университета, Военно-воздушной академии им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (г. Воронеж), Ивановского государственного университета, Кубанского государственного университета, Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского, Владимирского юридического института, учителя общеобразовательных школ г. Владимира, преподаватели, студенты, магистранты, аспиранты Педагогического института ВлГУ.

7 декабря на пленарном заседании с докладами выступили член-корреспондент РАН, заслуженный профессор РГГУ, руководитель Федерального архивного агентства в 1996-2009 гг., лауреат Государственной премии Российской Федерации 2002 г. в области науки и техники В.П. Козлов («Н.М. Карамзин и В.И. Ленин: два взгляда на прошлое и будущее России»), зам. председателя Фонда «Христианская Россия» Джованна Парравичини («Ватикан и Россия: 1917- 1922 годы), зав. кафедрой всеобщей истории и международных отношений ИГУ В.Л. Черноперов («Г.Е. Зиновьев на IV Съезде НСДПГ В октябре 1920 г.: история и последствия для коммунистического движения в Веймарской республике и советско-германских отношений), профессор кафедры педагогики ПИ ВлГУ Е.Ю. Рогачева («Джон Дьюи и Лев Троцкий: страницы мировой истории»), научный сотрудник ИВИ РАН А.Б. Ларин («Перспективы российско-британского соглашения по Персии глазами русских дипломатов, военных, государственных деятелей, публицистов (конец XIX - начало XX в.)»), профессор кафедры теории и истории государства и права ВЮИ С.С. Новиков («Эволюция понятия “военные преступления” в контексте международного права»).

В ходе вечернего заседания участники конференции обсудили вопросы визуальной культуры средневековой Европы, реформу фабрично-заводского законодательства в России конца XIX в., школьный дискурс истории Российской революции 1917 г., различные аспекты кросс-культурного диалога России и Британии в начале XX в., проблему национальной идентичности в российских СМИ, опыт патриотического воспитания в Институте истории СПбГУ и др.

8 декабря участники конференции сосредоточили внимание на вопросах истории религии в странах Европы и Америки в новое и новейшее время. Доклад в онлайн режиме «Между православием и католичеством: восточнославянские эмигранты в Северной Америке в конце XIX - начале XX в.» был представлен профессором кафедры американских исследований СПбГУ Ю.Г. Акимовым. Доцент кафедры всеобщей истории ВлГУ А.В. Борзов рассказал об особенностях религиозной жизни греческих эмигрантов в США на рубеже XIX-XX вв. Доцент Т.В. Красильщикова в совместном докладе с русским проповедником церкви Михкли, г. Йыхви (Эстония) В.Г. Петровичевым осветила отдельные аспекты развития лютеранства в Эстонии. Аспирант кафедры всеобщей истории ВлГУ С. Орлов выступил с докладом об особенностях общественно-политической активности католической церкви в США во второй половине XX - начале XXI вв.

Утреннее заседание продолжила трехчасовая видеоконференция «100-летие Русской революции: взгляд из России и Германии» с участием преподавателей и студентов Университета Фридрих-Александер (г. Эрланген – Нюрнберг, Германия). Вместе с преподавателями кафедры всеобщей истории и студентами-историками Педагогического института ВлГУ они обсудили широкий круг вопросов, связанных с изучением революции 1917 г. в России и Германии, освещением ее 100-летнего юбилея в немецких СМИ, его отражением в публичной истории. Видеоконференцию открыли выступления модераторов – зав. кафедрой всеобщей истории ВлГУ, д.и.н., профессора И.К. Лапшиной «Историческая память о революции 1917 г. в России» и доцента Университета Фридрих-Александер Морица Флорина «Музеи и Октябрьская революция. Выставки 2017 года в Германии». В сообщениях немецких и российских студентов были затронуты вопросы новых подходов в изучении революции 1917 г. немецкими и российскими историками, аспекты революции как медийного события, освещение ситуа-

ции в России накануне и в ходе революционных событий в зарубежной мемуаристике, жизни простых граждан и представителей русской культуры в годы революции, отражения истории революции в документальном и художественном кинематографе и др. Поставленные проблемы вызвали оживленную дискуссию среди участников видеоконференции.

Работа конференции завершилась награждением дипломами победителей межвузовского конкурса исследовательских проектов по истории Великой Российской революции 1917 г., проведенного кафедрой всеобщей истории.

Надеемся, что материалы конференции будут интересны специалистам, преподавателям, студентам, магистрантам и аспирантам, всем, интересующимся проблемами отечественной и всемирной истории.

Зав. кафедрой Всеобщей истории,

д.и.н., профессор И. К. Лапшина

ИЗ ОПЫТА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Ильин Е. В.

Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия, civi@mail.ru

Одной из важнейших задач изучения курса «Отечественной истории» является патриотическое воспитание студентов вузов. Выполнение этой задачи сталкивается с целым рядом сложностей, таких, например, как сокращение часов, выделяемого на этот предмет, на факультетах негуманитарного профиля. В такой ситуации требовалось найти другие формы и методы подачи, усвоения и закрепления учебного материала в курсе гуманитарных наук, читаемых на естественных факультетах СПбГУ.

В 2000 г. на историческом факультете СПбГУ был создан поисковый отряд «Ингрия», задачами которого являлись: 1) проведение поисковой работы, направленной на выявление неизвестных воинских захоронений и непогребенных останков защитников Отечества, установление имен погибших и пропавших без вести; 2) осуществление просветительской и патриотической работы с молодежью.

За 17 лет поисковой работы, которая ведется отрядом «Ингрия» в Кировском районе Ленинградской области, удалось обнаружить останки 3 132 военнослужащих Красной Армии; установить имена более 100 защитников Ленинграда, найти родственников погибших солдат. Как проводится поисковая работа, с какими трудностями приходится сталкиваться отражено в ряде статей [6: 45–46; 2: 290–296; 8].

Поисковая деятельность позволила привлечь в отряд студентов разных факультетов и курсов. Бойцами отряда за время его деятельности стали свыше 200 студентов и аспирантов университета различной формы обучения.

В 2003 г. на базе исторического факультета был создан музей поискового отряда. Его основу составили находки, обнаруженные во время

проведения поисковых работ. Они активно используются при проведении выставок, лекций, бесед, учебных занятий.

В поисковой деятельности отряда участвует наиболее активная часть студенчества, которая, как правило, успешно сочетает учебный процесс с поиском и научной деятельностью, отдавая последним все свое свободное время [4; 5].

Другая форма деятельности отряда — «Операция “Звезда”» — приведение в порядок объектов мемориального характера (памятники, стелы, обелиски, братские захоронения), расположенные на бывшей передовой линии обороны Ленинградского и Волховского фронтов. Малоизвестные широкой публике памятные знаки, возникшие в годы Великой Отечественной войны, сохранились до нашего времени благодаря стараниям тех людей, кто жил и работал на этой территории. На рубеже XX и XXI веков памятные знаки и захоронения оказались заброшенными и должны были бы исчезнуть. Уход за ними приняли на себя несколько поисковых отрядов. Сегодня у «Операции “Звезда”» нашлись последователи не только среди поисковиков разных поколений, но и дачники, и просто не безразличные люди [2: 301–304, 308–312; 1: 97–98].

В этом же ключе следует рассматривать и экскурсии (пешие, автобусные), которые проводятся как в черте города, так и в Ленинградской области. Инициаторами их проведения выступают и сами обучающиеся. С течением времени сложилась определенная система, которая включила в период учебного года и курса «Отечественной истории» 5–7 экскурсий.

Изучение курса начинается с экскурсии в Музей СПбГУ: студент должен знать историю своей Alma mater. Эта первая и единственная экскурсия, которая является обязательной для обучающихся. Все остальные — посещаются на добровольных началах, в внеучебное время, однако, процент их высок — 30–45% обучающихся.

Последующие экскурсии связаны с именами выдающихся деятелей России: Александра Невского, Петра I, А.В. Суворова, М.В. Ломоносова и др. Так, экскурсия, связанная с именем А. Невского проводится в Усть-Ижоре, где Александр Ярославович в 1240 г. нанес поражение шведам и получил почетное прозвище «Невский». Экскурсия, посвященная деятельности самого прославленного русского полководца проводится в мемориальном музее, носящем его имя. Документы, оружие, другие материалы позволяют глубже познакомиться с личностью полководца, непобедимости его войск.

Музей артиллерии, войск связи и инженерных войск, военно-морской музей, военно-медицинский музей, другие музеи города посещаются в зависимости от тематики учебного материала и интересов обучающихся.

Особое место в учебной тематике занимает Великая Отечественная война — битва за Ленинград, блокада Ленинграда. Обучающимся рекомендуются музеи, где они могут ознакомиться с историей блокады Ленинграда, подвигами, совершенным жителями города и его защитниками.

Симбиозом спортивной и военно-патриотической работы являются разработанные нами в 2004 году маршруты лыжных походов, традиционно проводимые в памятный день Полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады (27 января) и в день Защитника Отечества (23 февраля). Эти походы проходят по бывшей передовой линии обороны Волховского и Ленинградского фронтов, сопровождаются рассказами о событиях, происходивших в этих местах в годы войны, возложением цветов, салютом. И всегда пользуются популярностью в студенческой среде [3: 42–43; 7: 35–36].

Еще одним видом военно-патриотической работы является экспозиционно-выставочная деятельность. Как правило, в течение учебного года в стенах университета проводится 5–6 выставок. Они посвящаются знаковым историческим событиям в жизни страны: Дню Победы, прорыву блокады и полному снятию осады Ленинграда, а также «отчетная» выставка, рассказывающая о поисковой деятельности отряда «Ингрия» в течение года. Основу подобных экспозиций составляют фотоматериалы, находки, обнаруженные в ходе поискового сезона. Все выставки готовятся студентами.

Надо отметить, что это весьма не простая задача для молодого поколения. Находки, обнаруженные в ходе экспедиций, необходимо превратить в экспонаты — отмыть, атрибутировать, поставить на учет... Сегодня в музее поискового отряда имеются коллекции личных вещей военнослужащих Красной Армии и Вермахта, предметы снаряжения, вооружения, наград и др.

Самоотверженная, систематическая работа бойцов отряда позволила выйти за рамки университета. В 2014 г. были подготовлены и проведены выставки в Государственной Думе Российской Федерации (Москва), в 2015 г. в штаб-квартире Межпарламентской ассамблеи СНГ (Таврический дворец, Санкт-Петербург). Без сомнения, выставки эти помогли привлечь

внимание к проблеме забвения территории бывшей передовой линии обороны Волховского и Ленинградского фронтов, проходившей через Кировский район Ленинградской области. Благодаря слабой развитости дорог, здесь сохранились почти в неприкосновенности многочисленные оборонительные сооружения времен войны. Фактически это почти готовый музей под открытым небом. Более того, это была судьбоносная для Ленинграда времен войны территория, где в 1941–1943 гг. были проведены 4 из 5 попыток прорыва сухопутной блокады города. В январе 2013 г. в Государственной Думе прошли общественные слушания по этому вопросу, приняты соответствующие решения. В ноябре 2017 г. Общественная палата при Губернаторе Ленинградской области с привлечением общественности провела слушания по утверждению границ и регламента территорий, которые войдут в воссозданное достопримечательное место, связанное с битвой за Ленинград.

В 2015 году в учебный план основной образовательной программы высшего образования «История» по уровню бакалавриат в качестве эксперимента был введен новый вид практики — Военно-патриотическая. В 2016 г. эта дисциплина была апробирована в Кировском районе Ленинградской области. Базой ее проведения стал поисковый отряд «Ингрия».

Вопросами войны, сохранения памяти о защитниках Отечества интересуются не только в России, но и за рубежом. Нам приходились проводить экскурсии для бельгийских, датских, немецких, американских, английских студентов, журналистов, работников военных музеев и др., которых продолжает интересовать «русская душа». Сохранение памяти молодежью России исследуются иностранными исследователями. Так, например, в нашем отряде в течение трех лет активно занималась поисковой деятельностью и исследованием вопроса о сохранении памяти защитников Отечества Иоганна Далин. Она успешно завершила работу, защитила диссертацию и сейчас работает в одном из университетов Швеции [9].

Разнообразная работа, проводимая в «связке» с учебным курсом «Отечественной истории», позволяет студентам расширять знания по истории Родины, последовательно на практике получать определенные профессиональные и спортивные навыки (поиск, музеефикация, архивные изыскания, умение передвигаться на лыжах, ориентирование в лесной местности и пр.), формировать активную жизненную позицию.

Примечание.

1. Ильин Е.В. Память и мемориал // Санкт-Петербургский университет. 2011. № 9. С. 97–98.
2. Ильин Е.В. Reversio: записки историка: Сб. статей. СПб., 2015.
3. Ильин Е.В. На лыжах по местам боев Ленинградского фронта // Санкт-Петербургский университет. 2010. №4. С. 42–43.
4. Лапченко А.С. Атрибуция вещественных источников по истории обороны Ленинграда (на основе материалов СПО «Ингрия» СПбГУ) // Культура. Музей. Образ. СПб., 2015. С. 60-65
5. Лапченко А.С. Отважное сердце // Военная археология. 2017. №5. С. 8-11
6. Розова И. Это нужно не мертвым, это нужно живым // Санкт-Петербургский университет. 2003. № 4–5. С. 45–46.
7. Соколова Ю. 70-летию прорыва блокады посвящается // Санкт-Петербургский университет. 2013. № 2. С. 35–36.
8. Сохор Т.Е. Прикасаясь к истории // Санкт-Петербургский университет. 2010. № 7. С. 53-56.
9. Dahlin J. Kriget är inte över förrän den sista soldaten är begraven: minnesarbete och gemenskap kring andra världskriget i S:T Petersburg med omnejd. Linköping, 2012.

СЛАВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1688 г. В ОЦЕНКЕ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ ТОРИЙСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Ковалёв М. А.

МБОУ «СОШ № 29», г. Владимир, Россия, mkovalyov.89@mail.ru

В британской политической традиции, а также в историографии данные события получили наименование Славной революции, которая противопоставляется кровавым мятежам сер. XVII в. Однако среди просветителей Великобритании XVIII в. по данному вопросу ещё не наблюдалось единомыслия. Небезынтересно рассмотреть взгляды авторов торийского направления – традиционных сторонников королевской прерогативы (виконт Болингброк, Джонатан Свифт, Александр Поуп, Джон Арбетнот, Генри Филдинг, Тобайас Смоллетт).

В эссе «Идея о Короле-Патриоте» Болингброк одобряет идеалы Славной революции и критикует режим вигской олигархи за отклонение от них. Якобиты же для него отщепенцы, поставившие абстрактный принцип легитимизма выше интересов общества [1: 216, 217, 236].

В труде «История последних четырёх лет правления королевы Анны» Свифт пишет, что Славная революция привнесла «республиканский дух», с которым он связывал коррупцию в парламенте, подъём пресвитерианства, участие страны в континентальных войнах [8: 87, 116-117]. В то же время в поэзии Свифта высмеиваются как якобитские заговоры, так и панические настроения во властных кругах относительно этих авантюр. В одном из стихов Претендент выведен в шутовском образе Панча (Петрушки) [7: 134, 136-137].

В послании «Августу», посвящённому Георгу I, Поуп сыронизировал по поводу привычки британцев свергать и призывать монархов [2: 210].

Схожий намёк присутствует в комедии Филдинга «Пасквин», изображающей аллегорию приглашения монарха: Здравый Смысл засыпает на троне, и в страну прибывает королева Невежество в сопровождении танцоров, певцов, канатоходцев, прыгунов [3: 258-260].

Произведение Дж. Арбетнота «Пчелиный конгресс», представляющее остроумную аллегорию английского общества, содержит такое высказывание: «Я никогда бы не подумал, что пчёлы могут столь далеко уйти от своих вольностей, но с тех пор, как они это сделали, не остаётся ничего, кроме революции пчёл…» [4: 152-153].

В молодости Смоллетт написал стихотворение «Слёзы Шотландии», осуждающее репрессии, проведённые в 1746 г. против сторонников якобитов [6]. Его перу принадлежит также труд по истории Англии, содержащий развёрнутую критику новых порядков. Автор вовсе не считает, что после революции королевская власть ослабела; напротив, сохранив за собой значительные прерогативы, монарх использовал их в интересах сектантов-диссентеров и денежных дельцов. Следствием этого стало развитие коррупции, монополизация собственности, фракционная борьба в парламенте, втягивание Англии в континентальные войны. Смоллетт язвительно обыгрывает и тот факт, что в армии «борца с папизмом» Вильгельма Оранского наёмников-католиков было больше, чем у свергнутого им католика Якова II [5].

Т.о. часть просветителей из числа тори, не отождествляя себя с якобитами, тем не менее, скептически относилась к Славной революции. Они

считали её не торжеством прав и свобод, а победой враждебной группировки («денежного интереса» и диссентеров).

Примечание.

1. Болингброк Г. Идея о Короле-Патриоте // Болингброк Г. Письма об изучении и пользе истории. – М., 1978. С. 197-239.
2. Поуп А. Августу. Подражание первому посланию из второй книги Горация // Поуп А. Поэмы. – М., 1988.
3. Филдинг Г. Пасквин. Драматическая сатира // Филдинг Г. Избранные сочинения. Т. 1. – М., 1954. С. 217-280.
4. Arbuthnot J. The congress of bees, or, Political remarks on the bees swarming at St, James's //Arbuthnot J. Miscellaneous works. V. 2. – L., 1751. P. 130-155.
5. Smollett T. The History of England. From William and Mary to the death of George II. URL: http://www.gutenberg.org/files/19217/19217-h/19217-h.htm (Дата обращения: 4.12.2017).
6. Smollett T. The tears of Scotland. URL: http://www.bartleby.com /270/3/8.html (дата обращения: 4.12.2017).
7. Swift J. A dialogue between mad Mullinix and Timothy // Swift J. Poetical works. V. 3. – Boston, 1858. P. 132-142.
8. Swift J. The history of the four last years of the queen Anne // Swift J. Prose works. V. 10. – L., 1902. P. 1-192.

ЭВОЛЮЦИИ И РЕВОЛЮЦИИ ПО Н. М. КАРАМЗИНУ И В. И. ЛЕНИНУ

Козлов В. П.

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, lapshina.nni2012@yandex.ru

Они родились с разностью почти ровно в столетие: Н.М. Карамзин - в 1766г., В.И. Ленин - в 1870г. Они оказались земляками – там, на прибрежье Волги, в этом бесподобном по своей красоте и кипящем котле национальных и социальных связей, они росли от детства до юности. Поволжье

Карамзина еще оставалось российской глухоманью. Поволжье Ленина уже бурлило жизнью новой капиталистической России. Они прожили почти равную жизнь: Карамзин - около шестидесяти, как и многие великие российские историки. Ленин – чуть больше пятидесяти, как и значительная чреда выдающихся российских политиков. Оба были энциклопедически образованными людьми, способные на равных говорить не просто на европейских языках, но и по-европейски. Один больше года путешествовал по Европе, пораженный, но не обольщенный ею, оставшись приверженцем родной Отчизны. Другой прожил там не один год и не в качестве наблюдательного путешественника, а эмигранта, спасавшего себя от гнева российского государства. В конце жизни первый из них тоже подумывал об эмиграции – добровольной, чтобы взглянуть на Россию со стороны - с солнечных берегов Адриатики. Оба были литераторами в широком смысле этого слова, не чуждались публицистики и занимались историей, прежде всего России, абсолютно профессионально. Они были людьми и мыслителями, как и все, с не постоянными взглядами на мир и историю, но с фундаментальными и не изменившимися основами мировоззрения. Параллели можно было бы продолжать до главного сходства – оба мучительно, много и все годы своей жизни думали об истории России, ее настоящем и будущем.

Но на этом, пожалуй, и заканчивается сходство, пусть внешнее, но символическое. Дальше начинаются различия и они становятся не символами, а глубокими рваными ранами, залечить которые не в состоянии и мы, их потомки – адепты или критики разительно отличающихся друг от друга созданных ими учений.

Прежде чем рассмотреть и сравнить их суть и в меру своих возможностей дать им оценки заметим, что Ленин имел одно преимущество перед Карамзиным. Оно заключалось в том, что пятьдесят лет истории XIX столетия, которые для Карамзина оставались неясной, но явно тревожной, исторической перспективой, для Ленина стали вполне осязаемой, видимой исторической ретроспективой. Здесь был и суд над декабристами, которых Карамзин провожал всего лишь трепетным, хотя и осуждающим взором, кавказские войны, самодержавная длань над Европой (совсем, совсем не та, что при Александре I после победы над Наполеоном), 19 февраля 1861 г., почти покончившее с одной из самых болезненных язв России – крепостничеством, и, может быть, самое главное для Карамзина и Ленина – бомба террориста под ногами императора Александра II 1 марта 1881 г.,

продемонстрировавшая радикализм российского общества почище декабристского.

Неизвестные Карамзину события истории России XIX в. оттачивали гений Ленина, добавляли новые аргументы его постепенно формировавшемуся учению.

Ленин, конечно же, читал Карамзина. Во всяком случае в детстве он должен был обязательно слушать чтение главного труда жизни Карамзина – «Историю государства Российского», на протяжении почти всего XIX в. бывшей необычайно популярной в дворянской среде, особенно провинциальной. И очень даже возможно, что в споре с ним, в его отторжении потом шлифовалось ленинское воображение мира и исторического процесса.

В «Полном собрании сочинений» Ленина мы не найдем не только ни одной ссылки на работы Карамзина, но и ни одного упоминания о нем и это при том, что с другими идеологами самодержавия Ленин немало и ожесточенно спорит. Конечно, к концу XIX в. главный труд Карамзина – «История государства Российского» - казался морально устаревшим на фоне работ С.М. Соловьева, В.О. Ключевского или П.Н. Милюкова. Другое дело «апофегмы», по выражению А.С. Пушкина, т.е. нравственная составляющая «Истории» Карамзина – здесь вряд ли кто осмелится и сейчас подвергать осмеянию их простоту, выразительность и воспитательное значение.

Исторических трудов Соловьева и особенно Ключевского для Ленина (да и любого образованного литератора и политика того времени) было вполне достаточно, чтобы выстраивать свои политически ангажированные схемы исторического процесса России. Престарелый Карамзин, эдакий российский недотепа-философ рубежа XVIII – XIX вв., рыдающий искренне над сломанным цветком, или воспевающий несчастную любовь крестьянской девушки Лизоньки к красавцу-дворянину, вероятно, казался Ленину не просто представителем ушедшего навсегда в прошлое литературного течения под названием сентиментализм, но и вредного политического настроя, примиряющего с тяжелой действительностью, а то и романтизирующего ее. Поэтому Карамзин у Ленина заслуживает лишь презрения. Для Ленина Карамзина не существует в истории российской общественно-политической мысли. Он словно поклялся вычеркнуть из нее своего земляка, ставшего фантастически популярным в России и за рубежом в начале XIX в.

Однако, как нам кажется, был, по меньшей мере, один случай, когда Карамзин и Ленин заспорили заочно друг с другом. В 1802 г. Карамзин в издававшемся им новаторском журнале «Вестник Европы» (название журнала означало, что в соответствии с программой его читатели помимо статей о России будут иметь возможность получать «европейские известия») опубликовал свою статью «О любви к Отечеству и народной гордости» [1: 92-98]. Статья появилась не случайно. Суворовские победы над французами в Италии и Швейцарии остались в прошлом, на западном горизонте победами засверкал полководческий гений Наполеона, заставлявший поеживаться от его успехов и в России. Россия нуждалась в патриотических идеях.

12 декабря 1914 г. в газете «Социал-Демократ», когда Первая мировая война уже стала состоявшимся фактом, Ленин публикует свою статью «О национальной гордости великороссов» [2: 106-107].

Нет никаких сомнений в том, что читатель легко уловит общее в названиях двух статей. Это слово «гордость». Представить себе, чтобы Ленин употребил такое слово случайно, очень трудно. Если верить «Словарю языка В.И. Ленина» [3] это слово употребляется им более двадцати раз, но менее пятидесяти, в том числе шесть раз в этой статье. Несомненно, что по крайней мере заголовок статьи Ленина есть ничто иное как его аллюзия на заголовок статьи Карамзина.

Но не только аллюзия. Карамзин предлагает своим читателям порассуждать о «народной» гордости. Ленин в заголовке обещает рассказать о гордости «великороссов». «Великороссы» (в тексте Ленин пишет и о «великоруссах»), по Ленину, это вовсе не «россияне» или «народ» по Карамзину. В тексте статьи он уточняет: речь идет не просто о великороссах, а о «великорусских социал-демократах», далее он продолжает: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т.е. 9/10 ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов» [2: 107].

Не станем поправлять Ленина, неуловимо в политическом задоре вычеркнувшего сначала два – три миллиона «великороссов» из числа испытывающих гордость за свою родину, а затем и еще 9/10 жителей России, в результате чего оказалось, что в 1914 г. лишь великорусские социал-демократы были носителями национальной гордости, а значит, патриотизма. Важно другое. Ленин пытается спорить с Карамзиным, для которого

«гордость народная» означает любовь каждого человека к своей большой и малой родине, означает любовь к другим людям, родившимся там же. «Сия любовь к согражданам, или к людям, с которыми мы росли,- пишет Карамзин,- воспитывались и живем, есть вторая или моральная любовь к отечеству, столь же общая, как и первая, местная или физическая, но действующая в некоторых летах сильнее: ибо время утверждает привычку»[1: 93]. Для Ленина нет такой любви. Он приводит слова Н.Г. Чернышевского о русском народе – «жалкая нация, нация рабов, сверху донизу – все рабы» - полагая, что «это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения».

Иначе говоря, если Карамзин полагает, что любовь к отечеству может быть физической, моральной и политической, то для Ленина существует только политическая любовь, связанная с необходимостью революционного разрушения существующего государства.

Попробуем сравнить понимание такой любви у Карамзина и Ленина. Для Карамзина она связана с «благом и славой отечества». Такая любовь, согласно ему, соединенная с «желанием способствовать…во всех отношениях» благу и славе России и есть патриотизм. Он пишет: «мы должны любить пользу отечества, ибо с нею неразрывна наша собственная; что его просвещение окружает нас самих многими удовольствиями в жизни; что его тишина и добродетели служат щитом семейственных наслаждений; что слава его есть наша слава; и если оскорбительно человеку называться сыном презренного отца, то не менее оскорбительно и гражданину называться сыном презренного отечества. Таким образом, любовь к собственному благу производит в нас любовь к отечеству, а личное самолюбие – гордость народную, которая служит опорою патриотизма» [1: 97].

Итак, по Карамзину, есть как бы два критерия любви к России россиян, т.е. их патриотизма: «благо» страны, достигаемое через «благо» каждого россиянина и осознанное понимание ее «славы» в прошлом и настоящем.

Слово «благо» в письменном языке Ленина встречается более ста раз, но только не в названной статье. Здесь его синонимом выступает «с о ц и а л и с т и ч е с к и й (подч. Лениным – В.К.) интерес великорусских (и всех иных) пролетариев», преследующих цель совершения «коммунистической революции, порождаемой капитализмом». Иначе говоря, по Ленину, будущее благо России связано с коммунизмом, а ее настоящее благо

определяется степенью распространения идей социализма среди пролетариата. Далее, если для Карамзина благо Отечества неразрывно связано с благом каждого, то, по Ленину, такое благо возможно только в стране, «строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий» [2: 188].

Карамзин указывает несколько признаков «славы» России. Во-первых, это ее в целом героическая история борьбы с внешними врагами, обеспечившая независимость государства. «Мужество,-пишет он,- есть великое свойство души, народ, им отличенный, должен гордиться собою» [1: 95]. Во-вторых, это государственное устройство страны, олицетворяемое прежде всего самодержавием. «Наши гражданские учреждения,-полагает он,- мудростию своею равняются с учреждениями других государств, которые несколько веков просвещаются» [1: 96]. В-третьих, слава любой страны связана с состоянием в ней наук и словесности. В оценках их современного состояния в России у Карамзина присутствуют элементы критического настроя. «В науках мы стоим еще позади других, для того – и для того единственно, что менее других занимаемся ими и что ученое состояние не имеет у нас такой обширной сферы, как, например, в Германии, Англии и проч.»,- пишет он. [1: 96]. Например, словесность, делая несомненные успехи, все еще поражена подражаниям западным литературным вкусам. «Патриот,- замечает Карамзин,- спешит присвоить отечеству благодетельное и нужное, но отвергает рабские подражания в безделках, оскорбительные для народной гордости. Хорошо и должно учиться, но горе и человеку и народу, который будет всегдашним учеником» [1: 97].

Слово «слава» в опубликованных произведениях Ленина встречается более пятидесяти раз, но в названной статье оно отсутствует. Здесь Ленин пишет о «нашей прекрасной родине» и любви к «своему» языку. Однако прошлое России для Ленина – предмет осуждения и ненависти, поскольку в нем ему «о с о б е н н о» видится рабство, «когда помещики, дворяне вели на войну мужиков, чтобы душить свободу Венгрии, Польши, Персии, Китая…» [2: 108]. Призывая к созданию «свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии», Ленин далее заключает: «Именно потому, что мы хотим ее, мы говорим: нельзя в XX веке, в Европе (хотя бы и дальневосточной Европе), «защищать отечество» иначе, как борясь всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов с в о е г о отечества, т.е.

х у д ш и х врагов нашей родины - нельзя великороссам «защищать отечество» иначе, как желая поражения во всякой войне царизму, как наименьшего зла для 9/10 населения Великороссии, ибо царизм не только угнетает эти 9/10 населения экономически и политически, но и деморализует, унижает, обесчещивает, проституирует его, приучая к угнетению чужих народов, приучая прикрывать свой позор лицемерными, якобы патриотическими фразами» [2: 108]. Теперь возьмем на себя смелость попытаться постигнуть и прокомментировать смысл понимания Карамзиным и Лениным российского патриотизма.

В размышлениях о мире и России, человеке и людях для Карамзина и Ленина определяющей и разделяющей их мировоззрения была идея счастья. По Карамзину, счастье – это все то удовольствие, которое испытывает каждый конкретный человек, свободный как личность прежде всего в своих духовных устремлениях. «Здесь все для души»,- утверждает Карамзин рассуждая об окружающем его мире. Через счастье конкретных людей к счастью всех людей Отечества, а рано или поздно – и к счастью всего человечества. Он не знает в человеческой истории абсолютной справедливости, в том числе выражающейся вполне материально, а потому его даже не раздражают на фоне крестьянских скособоченных изб безумные по своей роскоши хотя бы подмосковные усадьбы Архангельское, Кусково, Вороново, Валуево, Останкино, да хотя бы то же Остафьево, где ему довелось прожить на странных правах немало счастливых лет. Карамзин по этой причине и не верит в настоящую и будущую справедливость. Зато он признает ее в сфере духовной – там все равны, утверждает он, хотя бы тогда, когда каждый человек всегда остается один на один перед неизбежным – перед смертью. Вообще для Карамзина справедливость в жизни конкретного человека и человеческого сообщества покоится на православных постулатах противопоставления добра и зла, правды и неправды, чести и бесчестия, нравственного и безнравственного. Поэтому критериями оценки событий прошлого и настоящего, поступков связанных с ними людей он делает два: их соотношение с укреплением или ослаблением российской государственности и соответствие православным добродетелям.

Для Ленина не существует понятия счастья как удовлетворения чаяний отдельного человека. Он не видит справедливости в уже состоявшейся истории человечества. Зато он верит в возможность ее достижения в будущей человеческой истории. Справедливость, по Ленину, это равенство во всем, в том числе в доступе к материальным благам и в их распределе-

нии. Счастье человека, считает он, возможно только внутри определенных социальных групп. Оно не может быть внутри его, а только вместе с социальным слоем, классом, к которому он принадлежит. В конце концов, полагает он, такой класс – трудящиеся всего мира – станет единственным в своем равенстве.

Своеобразным поводырем человека по пути к счастью и в определенной мере ее гарантом для Карамзина является государство. Государство создает условия и открывает возможности для счастья всех и каждого. История России, по Карамзину, это пусть медленный, порой зигзагообразный, иногда отступающий, но все же поступательный путь движения государства как демиурга человеческого счастья, к прогрессу и обретению каждым человеком духовного отдохновения. Поэтому впервые в российской исторической науке свой фундаментальный по тем временам исторический труд Карамзин называет не «Историей Российской», как В.Н. Татищев, не «Российской историей жизни всех древних от самого начала России государей…», как у Ф. Эмина, не «Российской историей», как у М.В. Ломоносова, не «Повествованием о России», как у И.П. Елагина, а символически значимо для его мировоззрения – «Историей государства Российского».

Государство, по Карамзину, это система институтов, развивавшаяся в России, как и в Европе, и испытавшая воздействие четырех социально-политических сил. Первая сила – это народ с его постоянным поиском своего интереса под лозунгами справедливости, брожением, склонностью к анархии, приводящими неизменно к власти олигархии. Вторая сила – это боярство и чиновничество, исключительно в своей основной массе преследующая свои частные, почти всегда корыстные, и корпоративные интересы. Третья сила – «удельщина», постоянно стремившаяся к разрыву страны на части. И, наконец, четвертая сила – это сила равноденствующая, успокаивающая, примиряющая интересы и страсти представителей первых трех. Эта сила – самодержавие в его монархической форме. И Карамзин становится певцом самодержавия, не скрывая в то же время своего беспокойства относительно того, что монархическое правление не гарантирует от появления недостойного по степени своей ответственности перед государством, а значит, и страной, монарха. Именно это не просто волнует, а тревожит его. И эта тревога связана с неприятием как «слабого», так и деспотичного самодержца.

У Ленина все не просто иначе, а все с точностью до наоборот. До написания своего манифеста строительства социалистического государства «Государство и революция» он камня на камне не оставлял от почти тысячелетней истории России и ее государственности. Он не то чтобы признает, он скорее соглашается с прогрессом в истории России, но во всем этом прогрессе видит подготовку к неизбежному и оправданному краху. Если Карамзин российскую государственность не сводит только к самодержавию, придавая, впрочем, ему определяющую роль, то для Ленина государственность России и самодержавие – понятия и явления полностью совпадающие. Монархическая Россия, а значит, и государственность страны, для Ленина являются субъектом саморазвала и объектом разрушения революционным путем. Самодержавие в его представлении – сила, исключительно выражающая интересы дворянства, а с конца XIX в – услуживающая еще нарождающейся буржуазии. Зато народ, по Ленину, все более и более настойчиво выступает на историческую сцену. В прошлом ему не хватало организованности, теперь, с развитием капитализма, у народа появилась передовая сила в лице пролетариата и его руководящей части – партии социал-демократов. Если для Карамзина любое политическое объединение, а в рамках самодержавной системы до октября 1905 г. оно могло быть только нелегальным, - это всегда объединение заговорщиков, то по Ленину, уже хорошо знакомому с теорией и практикой западноевропейского парламентаризма, легальная политическая партия – дело вполне привычное, а в условиях самодержавия конца XIX – начала XX в. оправданно действующая и нелегально.

Карамзин мечтает и верит в то, что через расцвет российской государственности и внутреннее обретение каждым человеком счастья может наступить благоденствие жителей России, которых впервые в отечественной общественно-политической мысли он называет россиянами. Он признает как вполне естественное явление на определенном этапе исторического процесса такое благоденствие только для отдельных народов, но верит и в то, что рано или поздно оно наступит для всех народов мира, каждый из которых к нему придет своим путем. Иначе говоря, он верит в прогресс не только России, но и всех других стран мира. У Ленина совсем иначе. Трудящиеся всех стран мира имеют общие интересы – освобождение от угнетения, достижение всеобщего равенства. Значит, на основе этого интереса они могут объединиться, действовать под руководством своего передового отряда сообща. Отсюда призыв к тому, чтобы трудящиеся во-

ющих в Первую мировую войну стран дружно желали и действовали так, чтобы в этой войне не было победителей, а были бы только побежденные, включая Россию – тогда открываются большие возможности для слома их и ее государственности. Отсюда идея создания третьего, коммунистического, Интернационала.

Карамзин и Ленин размышляли и действовали в разных исторических условиях и обстоятельствах.

Карамзин жил все же в сравнении с нашим временем в романтическую эпоху, эпоху, когда высоко стало цениться знание и когда просвещение – просвещение массовое – уже невозможно было отрицать, хотя и трудно было реализовать, когда в том числе благодаря и тому и другому политика «просвещенного абсолютизма» приносила позитивные результаты. Победа над Наполеоном заглушила на время реальные социальные противоречия, существовавшие в России. Еще романтичными казались отношения с Княжеством Финляндским, еще в Королевстве Польском только начинались смутные брожения, еще не было походов на юг и юго-восток, продемонстрировавшие цивилизационную миссию России, но подрывавшие ее внутренние силы, обескровливавшие страну, отвлекавшие ее от освоения Сибири и Дальнего Востока и оттянувшие отмену крепостного права. В этих условиях Россия казалась эдаким колоссом, покоящемся на мощном основании успехов в прошлом и устремленным в процветающее будущее. И ядром, стержнем этого колосса казалось самодержавие, каковым и было оно в то время. Карамзин не то, чтобы не замечает, но как бы старается отодвинуть куда-то в сторону главную проблему России его времени - крепостничество, без разрешения которой невозможно было не только счастье материальное, но и духовное, нравственное. Эта главная проблема покрывала своим саваном мертвечины не только российское крестьянство и дворянство, но все государство Российское.

Ко времени Ленина только ленивый или ангажированный политической экзальтацией человек не мог не видеть приближающийся крах государства, ускоряемый характером его главного символа, не способного к государственной деятельности. Самодержавие казалось уже не колоссом, а неким монстром, упрямо цепляющимся за отжившие еще лет восемьдесят назад институты и механизмы государственного управления, да еще к тому же упрямо сохранявший уже ничем не обоснованные имперские амбиции. Системный кризис романовской монархии обозначился на рубеже столетий абсолютно во всех сферах российской действительности. Его судоро-

ги во время русско-японской войны, событий 1905 г., во время попыток реформ и после убийства Столыпина, наконец, после бездумного вовлечения в первую мировую войну все более и более даже не угрожали, а становились беспощадной реальностью энергии разрушения, конечно же, нелегально и где-то даже изящно подпитываемой со стороны.

Общественная атмосфера рубежа XVIII - начала XIX вв. в большей степени культивировала романтизм, чем прагматизм. Карамзин был скорее во власти первого, чем второго. Столетие спустя в политике проблемы романтизма уже не существовало, разве что романтизм оставался уделом очень малого круга людей, к реальной политике отношения не имеющих. Ленин, как и все его соратники (и многие политические противники), не имел не только капли, но даже молекулы романтизма. Поэтому не с авантюрным фанатизмом, а с полным знанием дела он тысячи раз говорил и писал: российская монархия обречена, хотя бы как искупление за несправедливость современной российской действительности. И в этом смысле он оказался выше, он победил Карамзина.

Но тот человек России из рубежа XVIII - начала XIX вв. уже тогда подготовил свой ответ. Каждая человеческая жизнь бесценна, не раз повторял он. Государство обязано ее ценить, оставаясь в своих решениях и действиях в рамках гуманизма. Любые государственные катаклизмы создают угрозу для человека. Форму государственного устройства не выбирают, а постепенно изменяют, если она не отвечает новым реалиям, приспосабливают к ним. Любой стране нужны реформаторы, а не революционеры. Тогда и российская монархия может трансформироваться даже в республику, не говоря уже о конституционной монархии. Нужны время и люди, искренне озабоченные не своим благом, а благом Отечества и способные без бездумных заимствований усваивать позитивный опыт в государственном строительстве, культуре, науке других народов, не забывая и о своем историческом наследии – позитивном и негативном.

Итак, счастье каждого через счастье всех, или счастье всех через счастье каждого – этот вопрос получил ответы Карамзина и Ленина прямо противоположные. Другой вопрос: чем хуже, тем хуже или чем хуже, тем лучше имел у них такие же непримиримые ответы. Третий вопрос – что и как любить в своей стране – также не нашел единого ответа у двух наших соотечественников. И, наконец, четвертый вопрос: что же делать? – опять не встретил совпадающего ответа: Карамзин призывал к просвещению, к внутреннему совершенствованию каждого человека; Ленин мечтал о революции.

Кто прав? Ответ на этот вопрос должны постараться дать и мы, сегодняшние. И не столько потому, что он важен своей историко-академической составляющей, но прежде всего в связи с тем, что «вечные» для России вопросы, на которые пытались дать ответы Карамзин и Ленин, сохраняют свою актуальность и теперь, несмотря на то, что почти двести лет отделяют нас от ухода из жизни Карамзина, и почти сто лет – от смерти Ленина. Эти своеобразные мировоззренческие ножницы, разделившие Карамзина и Ленина, и формально выглядящие всего лишь временной шкалой, на самом деле щелкают и над нашими головами

В своих взглядах на Россию Карамзин был мыслителем-наблюдателем. Практическая деятельность по реализации своих идей его явно тяготила – не случайно он отказался от лестного предложения Александра 1 стать министром народного просвещения. Он хотел быть рядом с властью, но и отдаленным от нее. Он желал быть ее беспристрастным советником. Особенно-то это у него и не получилось.

Ленин был тоже мыслителем-наблюдателем. Но, живя в иное время, он был еще и политическим технологом, причем, свои политические технологии он не только провозглашал, но и стремился их реализовать. И здесь два земляка оказались далеки друг от друга. Ленин со своими соратниками оказался успешным не только теоретическим, но и практическим политтехнологом. Поэтому сегодня мы, зная о не просто печальных, но и трагических для России последствиях торжества ленинских политтехнологий, должны устрашиться не только ими как таковыми, но их методологической составляющей. И вольно или невольно обратить свой взор на человека, который лишь на первый взгляд может показаться «последним романтиком» России.

Карамзин ошибался во многом и прежде всего в согласии с оттягиванием на будущее решения вопроса о рабстве в России. Тем самым он взращивал почву для Ленина и его соратников, вынашивавших идеи великого эксперимента над преимущественно крестьянской Россией. Как радикальный ответ на величайшую несправедливость в российской истории – крепостничество – их появление было неизбежно.

Примечание.

1. Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М., 1982

2. Ленин В.И. ПСС. – Т.26. – М., 1977

3. Словарь языка В.И.Ленина: Алфавитно – частотный словоуказатель к «Полному собранию сочинений». – М.,1987

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В ЖИЗНИ У. ДЖ. КЛИНТОНА

Красильщикова Т. В.

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, skyskytter@yandex.ru

Благотворительность в современном мире является одной из особенностей развития любого государства. США являются одним из ведущих государств мира, где достаточно большая часть населения связана тем или иным образом с благотворительностью. В нее вовлечены люди разного происхождения, достатка, вероисповедания, уровня образования, профессии. Политики также не остаются в стороне от деятельности благотворительных организаций.

Говоря о благотворительности, У.Дж. Клинтон представляет свою цель в будущем – делать что-то полезное людям, протягивать руку помощи тем, кто в ней нуждается [2: 6].

Сам Уильям Дж. Клинтон вспоминал, что впервые о пожертвованиях и благотворительности он узнал еще в детстве, в церкви, куда он ходил с родителями. Но самым ярким примером благотворительной деятельности стала активность его жены, Хиллари Р. Клинтон. Именно ее он назвал первым, ярким «примером общественного деятеля» [2: 10]. Потом, с течением времени, супруги Клинтоны вовлекли в благотворительную деятельность свою дочь Челси, племянников. Они в 2006 г. подарили им книгу Фредди Зайлер «Пожертвования. Руководство для детей» и очень надеялись, что для них благотворительность перерастет в потребность на всю жизнь.

42-й президент США вырос в семье с небольшими доходами, в маленьком городе [3: 8], где каждый житель старался копить заработанные средства. Но в своих воспоминаниях У.Дж. Клинтон указывал, что он всегда уважал тех, кто стремился делать пожертвования, невзирая на личные трудности и проблемы. Также указывал он и на наилучший, по его мнению, способ пожертвования денег на благотворительность. Как он сам объяснил этот метод – «продажа товаров или услуг с целью помощи добрым начинаниям». Именно по такого рода действиям работает большинство благотворительных организаций Америки. Пример подобной организации – «Монетки от детей» - организация, созданная Х. Клинтон и компанией «Фьюче Тек Энтерпрайз» [2: 50].

Наиболее активно благотворительностью У.Дж. Клинтон начал заниматься после операции на сердце в 2010 г. Именно после этого ему захотелось помочь другим людям избежать подобной участи, помочь им пройти дополнительные обследования. С этой целью им был основан фонд «Союз по борьбе за здоровое поколение», который финансировал лечение взрослых и детей, страдающих сердечными заболеваниями и ожирением. В последующие годы он стремился сделать это общество всесторонним, охватывающим как можно больше людей ежегодно.

И после ухода с поста президента У.Дж. Клинтон не только продолжил активно участвовать в деятельности благотворительных фондов, но и всячески пытается помогать добровольцам, работающим в этих фондах. Старается каждый раз при удобном случае самостоятельно поучаствовать в мероприятиях фонда или пригласить своих друзей-политиков. Часто на его приглашения откликаются А.Гор, Дж. Буш-ст.[2: 171].

У.Дж. Клинтон и Х.Клинтон в 1997 г. создали собственный благотворительный фонд. Это некоммерческая корпорация, занимающаяся глобальным финансированием филантропической деятельности в таких областях, как всемирное здравоохранение, ликвидация последствий стихийных бедствий, права женщин, экономический рост и изменения климата.

Таким образом, жизнь бывшего президента США У.Дж. Клинтона тесно связана с благотворительностью, с помощью людям всех возрастов, достатка. Особенно ярко эта сторона деятельности У.Дж. Клинтона стала более заметной и внушительной после 2010 г.

Примечание.

1. Благотворительные фонды США // https://socpartnerstvo.org/ru/news/all-news/1422-blagotvoritelnye-organizacii-ssha-blagotvoritelnost-i-blagotvoriteli/ (дата обращения: 11.10.2017).
2. Бооорис Дж. Благотворительный фонд семьи Клинтон необходимо закрыть // https://rueconomics.ru/191924-blagotvoritelnyi-fond-semi-klinton-neobhodimo-zakryt (дата обращения: 01.12.2017).
3. Клинтон Б. Жить отдавая. Как каждый из нас может изменить мир. М., 2008.
4. Клинтон Б. Моя жизнь. М., 2005.
5. Трифонов А. Благотворительность в США: взгляд изнутри // http://philanthropy.ru/blogs/2014/07/15/16666/ (дата обращения: 11.10.2017).

НЕЗАКОНЧЕННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ГРУЗИНСКИЙ ЭКЗАРХАТ И АВТОКЕФАЛИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Кумпан Е. Н.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия, e_kumpan@mail.ru

В начале XX века в религиозной политике Российской империи начался этап модернизации религиозного законодательства. 26 февраля 1903 г. был издан манифест, провозгласивший необходимость соблюдения веротерпимости [12]. 11 февраля 1905 г. императором было утверждено помилование высланных без суда за религиозные проступки [4: 9]. 17 апреля 1905 г. был обнародован указ «Об укреплении начал веротерпимости». В 1906 г. изменяется уголовное законодательство, закрепляя продекларированные принципы [13]. Но модернизация проходила в ограниченной форме, не затрагивая институциональные структуры управления христианскими конфессиями, в то время как религиозные группы стремились расширить пределы своей самостоятельности. В Русской православной церкви вновь поднимается вопрос о необходимости восстановления патриаршества: добиться разрешения на созыв Поместного Собора не удалось, Русская православная церковь вновь признала status quo, но на Южном Кавказе – в Грузинском экзархате – стремление преодолеть ограниченные рамки автономии вышло за пределы легальности, пройдя в своем развитии этапы от петиций до беспрецедентного в истории Российской империи убийства архиерея.

Автокефалия Грузинской церкви была ликвидирована в начале XIX в.: учреждена Грузино-имеретинская синодальная контора, изменилось число и разделение епархий, произведены кадровые перестановки, произошла централизация управления территорией. В результате «применение русских порядков в церковном управлении вызвало целый бунт. В некоторых местах духовенство с женами и детьми, забрав церковные вещи, удалялось в леса» [8: 574]. После Варлаама (Эристави) на пост экзарха назначались только русские[1], в течение первой половины XIX в. экзарх и епархиальные архиереи, многие из которых были грузинами, говорили на разных языках. При этом делопроизводство приходилось вести через переводчика. В письмах экзарха представителям местного духовенства листы

делились на две колонки в одной был вписан русский текст, в другой – его грузинский аналог[16: 306].

В отчетах обер-прокурора Святейшего Синода фиксируется и кризис управления приходами: «Духовенство, особенно сельское, сделалось предметом смеха и издевательств со стороны простонародья; во время волнений некоторые священники вынуждены были укрываться от своих прихожан и заниматься подденым работами, чтобы не умереть голодною смертью»[3: 163].

Трансформация управления грузинской церковь шла параллельно с перераспределением собственности: почти сразу же после присоединения к России в Грузии началась секуляризация церковных земель. В качестве компенсации устанавливались ежегодные выплаты, но сумма была невелика: с каждой десятины экзархат получал около 19 коп., при том что обычная в то время плата за аренду этой единицы земли составляла: 25 – 30 руб. [14: 332, 333] Вопрос о церковных имуществах станет одним из главенствующих в полемике Св. Синода и автокефалистов.

Духовенство Грузинского экзархата официально заявило о стремлении к автокефалии весной 1905 г. На съезде депутатов духовенства Имеретинской епархии 19 марта была составлена петиция Комитету министров, в которой депутаты просили признать независимость Грузинской церкви во главе с избираемым католикосом; разрешить выборность священнослужителей; реформировать систему школьного образования и подготовки священников; даровать свободу слова, печати, собраний духовенства; освободить церкви от служения политическим целям [11: 660–661]. В мае этого же 1905 года, в Тифлисе собрался общий съезд грузинского духовенства. Центральным стал вопрос об автокефалии [6: 665–666]. Как писала газета «Кавказ», на заседаниях присутствовало значительно количество «посторонней публики», ректор семинарии попытался закрыть собрание, начались беспорядки – недалеко от здания семинарии был убит городовой. В итоге съезд был разогнан по приказу пристава казаками и городскими конными стражниками, ночью прошли обыски священнослужителей[9: 2].

События 1905 г. вызвали бурную общественную реакцию: в Комитет министров была направлена петиция епархиального духовенства экзархата, подписанная 472 священно- и церковнослужителями. Проблему Грузинской церкви было решено обсудить на заседаниях Предсоборного Присутствия, однако попытки урегулирования «грузинского вопроса» на особом совещании Св. Синода, а также в ходе заседаний II отдела особого

Предсоборного присутствия (2 и 8 июня 1906 г.) повлекли острую полемику – епископ Орловский Кирион (Садзаглишвили) и Имеретинский Леонид (Окропиридзе) – представители автокефалистского движения, сочли предложенные меры недостаточными и настаивали на отделении Грузинской церкви[15: 671-672]. Итогом дискуссий стало назначением нового экзарха – Никона (Софийского). «Кажется так понимает Синод вопрос об автокефалии», – написал епископ Кирион [7: 161–164].

Грузинское духовенство официально объявило бойкот новому экзарху, «как русскому по происхождению, а не грузину»[3: 166–167]. Еще до приезда в Тифлис, экзарх Никон получил анонимное письмо, с требованием покинуть город в течение 2 недель. Публицист Н. Дурново писал: «В настоящее же время экзарх Грузии, Никон, опасается показаться своей пастве; со дня приезда своего, в сентябре минувшаго 1906 г. в Тифлис, он, сопровождавшийся тогда конвоем казаков от вокзала железной дороги до Собора по улицам, по которым расставлен был в полном вооружении весь гарнизон города, более не появлялся в Сионском соборе, зная, что паства его знать не хочет и что ей он чужд» [5]. Епископ Горийский Петр (Кончошвили), приветствуя Никона, призвал экзарха «жить в мире с грузинами»… так как «кроме браунингов и кинжалов есть в Тифлисе река Кура, куда бросали даже митрополитов» [17]. Опасаясь покушения, Никон стал носить защитный панцирь; также им был предпринят ряд мер, сообразных с предложениям, звучавших в петициях духовенства экзархата: было получено согласие Синода на введение выборного принципа при назначении приходских священников и благочинных, направлено ходатайство о преподавании в семинариях богословских предметов на грузинском языке, выделены деньги на перевод на церковно-грузинский язык богослужебных книг[10: 673], – но этой стадии его действия грузинским обществом воспринимались негативно 28 мая 1908 г., накануне отъезда в Св. Синод, экзарх был смертельно ранен. Террористы скрылись с места преступления[2: 86–87]. Судебного процесса не последовало из-за недостатка улик, лидер автокефалистов, епископ Кирион, был заключен в Санаксарский монастырь в Тамбовской губернии. Вопрос об автокефалии грузинской церкви на время был отложен.

Движение автокефалистов радикализировалось постепенно: традиционная тактика затягивания реформ (более успешная в случае с Русской православной церковью) в Грузии оказывается не эффективной: слишком широк был спектр противоречий. В то же время дарование самостоятель-

ности Грузинской церкви или резкий пересмотр прежних векторов управления не представлялись Св. Синоду возможными: в этом случае, во-первых, возрастала вероятность дальнейшего обособления Грузии, во-вторых, население негрузинских приходов в большей степени подверглась бы воздействию грузинской культуры и языка, а ограничение территории Экзархата вызвало бы дополнительную конфликтность. Действительно, модернизация института могла повлечь дополнительные риски; но отсутствие перемен не было способно сдерживать систему. Стремление к самостоятельности церкви становится частью борьбы за сохранение национального языка, культуры, грузинской этничности. Восстановление автокефалии Грузинской церкви произошло 25 марта 1917 г., менее чем через месяц после падения режима монархии.

Примечание.

1. Вачнадзе М., Гурули В., Бахтадзе М. История Грузии (с древнейших времен до наших дней). Тбилиси, 1993. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Vachn/16.php (дата обращения 15.11.2017)
2. Верт П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия в Российской империи. М., 2012.
3. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 гг. СПб., 1910.
4. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 318. Оп. 6.Д. 3.
5. Дурново Н. Судьбы Грузинской Церкви. (По вопросу о Грузинской церковной автокефалии). 1907 г. URL: http://krotov.info/libr_min/05_d/ur/novo1.htm. (дата обращения 15.11.2017).
6. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998.
7. Из стенограммы заседания №2 II отдела особого предсоборного присутствия при Св. Синоде // Святой Священномученик Кирион II (Садзаглишвили) и Абхазия / Сост. Гамахария Дж. – Тбилиси, 2006С. 161–164.
8. История православной церкви в XIX веке. Славянские церкви. Репринт издания 1901 года. М., 1998.
9. «Кавказ». 1905. 10 июня. № 148. Л. 2;
10. Копия доклада следственного акта об убийстве Никона // Дякин В.С. Указ. соч. С. 672–674.

11. Петиция духовенства Имеретинской епархии в Комитет министров // Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998. С. 660-661.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 23. 1903 г. Отделение 1. Ст. 22581. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка».
13. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 26. 1906 г. Ст. 27560.
14. Правда об автокефалии Грузинской церкви. Кутаиси, 1906 .
15. Проект журнала совещания о непорядках в церковном управлении в Грузинском экзархате 19.1. 1906 // Дякин В.С. Указ. соч. С. 671-672.
16. Рыбаков А. "В области кесаря": проблема статуса и структуры Грузинской православной церкви после отмены автокефалии (первая половина XIX в.) // Конфессия. Империя. Нация. Религия и проблема разнообразия в истории постсоветского пространства. М., 2012. С. 274–315.
17. Санкин Д. «Нет выше духовной жертвы перед Богом, как любовь»: памяти Высокопреосвященного Никона (Софийского). URL: http://www.voskres.ru/podvizhniki/nikon.htm. (дата обращения 15.11.2017)

ТРЕХЛЕПЕСТКОВАЯ РОЗЕТКА В ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ: ТРИНИТАРНАЯ СИМВОЛИКА ДЕКОРА СОБОРА СВЯТОГО ПАВЛА АВРЕЛИАНА В САН-ПОЛЬ-ДЕ-ЛЕОН*

Лапшин А. Г.

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Стлетовых, г. Владимир, Россия, a-lapshin@vlsu.ru

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ №16-11-33001а(р)
"Гончарные клейма древнего Владимира: трехлепестковая розетка"

Собор святого Павла Аврелиана - бывший кафедральный католический собор, находящийся в городе Сен-Поль-де-Леон, Бретань, Франция. На своде Поминальной капеллы в восточной части южного крыла здания расположена фреска образа Святой Троицы, относящегося к типологическому ряду трехликих образов – *трифронов.*

Образ *трифрона* в визуальной культуре Европы имеет давнюю историю, начало которой восходит к эпохе языческой древности [4: 55-72; 5]. В XII-XIII вв. к образу *трифрона* начинают обращаться чаще – он предстает в книжной миниатюре, резьбе по камню и фресковой живописи. Изображения *трифрона* в культуре Высокого средневековья приобретают богословское значение.

В типологическом ряду изображений Св. Троицы- *трифрона* образ из Поминальной капеллы собора святого Павла Аврелиана в Сен-Поль-де-Леон занимает обособленное положение. Как правило, изображения Св. Троицы- *трифрона* располагались на стенах – т.е. на вертикальных плоскостях. Соответственно, три лика представлялись в ряд по горизонтали. В соборе Сен-Поль-де-Леон изображение Св. Троицы расположено на своде. Это ставило перед художником новую задачу – развернуть изображение сферической поверхности антропоморфной головы с тремя ликами по вертикали. Однако сделать это без условных разрывов изображаемой поверхности невозможно. Очевидно, понимая это, автор фрески вписал изображение в контур трехчастной розетки с поворотной симметрией, включающей три пересекающиеся эллипса, расположенных симметрично по осям с углом 120 градусов по отношению к друг другу.

Другой особенностью образа из Сен-Поль-де-Леон является схематичность и условность изображения. Гипотетически это можно объяснить недостаточной квалификацией художника. Однако, это противоречит отмеченному выше умению художника использовать технику светотени. Кроме того, в период создания фрески собор святого Павла Аврелиана был главным в епархии Сен-Поль-де-Леон, что, по нашему мнению, сильно снижает возможность приглашения для его росписи низкоквалифицированных художников.

В контексте истории визуальной культуры христианского средневековья фреска из Сен-Поль-де-Леон представляет собой синтез двух направлений развития образа Святой Троицы. Первое направление - поиски антропоморфного варианта – представлено типологическим рядом изображений Святой Троицы в виде *трифрона*. Второе направление – работа в области нумерологии и сакральной геометрии [1: 32-55; 3: 617-641], реализованная в диаграмме *Scutum Fidei* (*Щит веры*, *Тринитарная формула* или *формула Троицы*), графически воплощающей Афанасьевский символ веры [2: 14-68].

Фреска из Сен-Поль-де-Леон и диаграмма *Scutum Fidei* визуально реализуют идею о троичности лиц при единстве Божества (Единство в Триединстве). Их сближает схематизм и условность при явной осмысленности изображения: один из важнейших догматов христианства представлен в графической формуле, соотносимой с равносторонним треугольником. Трехликое изображение вписано в контуры трехчастной розетки с поворотной симметрией - элемента многократно использованного в оформлении экстерьера, интерьера и витражных решеток собора в Сен-Поль-де-Леон. Это совпадение представляется неслучайным. При учете тринитарной тематики фрески, можно предположить, что в архитектуре собора в Сен-Поль-де-Леон трехчастная розетка с поворотной симметрией была не только декоративным элементом, но несла важную смысловую нагрузку, являясь тринитарным символом. Подтверждением данного предположения может служить аналогия с рельефом тимпана западного портала церкви Нотр-Дам-де-Кале (Франция), где обе формы соотнесены друг с другом.

Трехчастная розетка с поворотной симметрией в декоре готических храмов называется *трилистник* (*trifolium*) и интерпретируется как символ Святой Троицы. Эта интерпретация появилась в работах по истории готической архитектуры и христианской символики еще в XIX в. и стала хрестоматийной нормой в веке XX. Материалы из Сен-Поль-де-Леон позволяют заключить, что тринитарная семантика данного декоративного элемента восходит к более раннему времени: в визуальной культуре христианской западной Европы XVI в. трехчастная розетка с поворотной симметрией была символом сопоставимым по своей важности с крестом, а ее множественность в архитектуре готических храмов была, вероятно, догматически обоснована.

Примечание.

1. *Evans M.W.* The Geometry of the Mind. // Architectural Association Quarterly – XII №4 (1980): Pp 32–55.
2. *Evans M.W.* An Illustrated Fragment of Peraldus's *Summa* of Vice: Harleian MS 3244 // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes - Vol. 45 (1982) - pp. 14-68.
3. *Gábor A.* Diagrammatic Design and the Doctrine of the Trinity in Joachim of Fiore // Ephemerides Theologicae Lovanienses. - № 90/4 (2014) – Pp. 617-641.

4. *Poitrenaud G.* Cycle et métamorphoses du dieu cerf : le dieu primordial des Celtes et ses avatars. - Toulouse : Lucterios, 2014. - 552 p. (Pp. 55-72);
5. *Terrisse J.* Le dieu à trois têtes des Rèmes: le tricéphale // Art et histoire en pays rémois. Travaux de l'Académie Nationale de Reims. - Volume 174. – Reims: TANR, 2000. - Pp. 13-25, 2 fig.

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-БРИТАНСКОГО СОГЛАШЕНИЯ ПО ПЕРСИИ ГЛАЗАМИ РУССКИХ ДИПЛОМАТОВ, ВОЕННЫХ, ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ, ПУБЛИЦИСТОВ

Ларин А. Б.

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия, ab-larin@mail.ru

Одним из ключевых факторов развития международных отношений в XIX столетии стало геополитическое противостояние двух европейских империй – России и Британии – в Центральной Азии и на Среднем Востоке, получившее образное наименование «Большая Игра». Каджарский Иран был государством, где это противостояние зачастую приобретало весьма острый характер. Вместе с тем, в военно-политических кругах обеих империй неоднократно поднимался вопрос о необходимости прийти к некоему взаимоприемлемому соглашению с конкурирующей державой и урегулировать существующие противоречия в Азии, в частности – в Иране. Отношение к подобным идеям было неоднозначным.

Следует отметить, что вплоть до окончания Русско-японской войны многие представители российских военно-политических кругов полагали заключение подобного соглашения в целом ненужным и даже вредным для России [8: 6]. Так же смотрели на вопрос и публицисты [10: 413]. Предпочтительным вариантом виделось сохранение единой Персии при доминирующем влиянии в ней России [3: 360]. При этом, сама по себе идея союза с Великобританией как таковая не отвергалась. Однако его следовало за-

ключить на русских условиях [6: 151-152. О необходимости соблюдения требований «справедливости», совместимости предполагаемого соглашения с «неоспоримыми правами и достоинством» России писал позже и И.А. Зиновьев. [1: 7-8, 12]

Среди прочих вопросов, связанных с общей проблемой возможности заключения англо-русского соглашения по Персии, был вопрос о создании русского порта на берегу Персидского залива и соединении его железной дорогой с российскими владениями в Азии. Подобного рода проекты были весьма популярны в России в конце XIX в. и широко обсуждались в печати [4: 330-331]. Разумеется, эти проекты были хорошо известны в Соединенном Королевстве и не вызывали там воодушевления [14: 70-71]. Многие в Британии полагали, что российское доминирование на севере должно быть «сбалансировано британским доминированием на юге» [13: 379]. В русских правительственных кругах на идеи открытия порта на берегу Залива, как и на проекты железнодорожного строительства в Иране, не смотрели так однозначно как в прессе [5: 259-261]. При этом опасения российской стороны о намерении Британии закрепиться в регионе Персидского залива подпитывались не только англичанами, но и, к примеру, Германией [2: 36]. В то же время, русский дипломат С.В. Чиркин писал, что «персидскому правительству было на руку появление в Персидском заливе соперника англичан» [12: 106-107].

Закономерным является вопрос о том, что изменилось в оценке перспектив российско-британского взаимодействия в Иране после заключения соглашения 1907 г.? Известно, что соглашение было неоднозначно воспринято в России [9: 279-281; 15: 21-22]. В стране нашлись как его сторонники, так и противники, в частности, в тех разделах соглашения, что относились к Ирану.

Среди наиболее последовательных критиков соглашения был И.А. Зиновьев – дипломат, долгое время работавший и в Иране, и в Османской империи, рассматривавший политику в Иране с позиций интересов русского империализма. Максимально развернуто свое отношение к вопросу он изложил в известной работе «Россия, Англия и Персия» [1]. Зиновьев видел в британской политике в Иране постоянные «происки», направленные против России. Соглашение 1907 г. с его точки зрения весьма мало повлияло на общий вектор британской политики. Зиновьев был

склонен рассматривать русско-британское соглашение, во всяком случае с британской стороны, как временное, тактическое, вызванное обстоятельствами эпохи и неверным пониманием А.П. Извольским русских национальных интересов. Таким образом, по мнению Зиновьева, соглашение не соответствовало интересам России и подчиняло их интересам Великобритании [1: 52].

Известный востоковед, на тот момент подполковник Генштаба А.Е. Снесарев в своем анализе соглашения исходил из общей картины развития англо-русских отношений в Азии, а именно – из британских представлений XIX столетия о русской угрозе Индии [11]. Рассуждая в этом контексте, он пришел к мысли, что соглашение умалчивает о главном: «что существует беспокойство, главным образом, из-за двух тем, эти темы касаются Индии и доступа в Персидский залив». Соответственно, главным недостатком соглашения Снесарев полагал его неискренность: «люди собираются наладить мирную обстановку, и ни та, ни другая сторона не говорят, по поводу чего же они решаются быть миролюбивыми». Более того, Англия «дает нам только то, что принадлежало нам, а сама заставляет нас официально отказаться от нашей исторической задачи – пробиться когда-либо к берегам Индийского океана». Как видим, несмотря на отрицательный вердикт МИД и Министерства финансов относительно проектов продвижения России к южным морям, среди военных, особенно имевших отношение к делам средневосточным, идея приобретения порта на берегу Персидского залива сохраняла свою актуальность. В то же время, Снесарев признавал за соглашением и положительное значение, поскольку «худой мир – лучше доброй ссоры».

Разумеется, можно привести множество примеров и позитивной реакции на соглашение в России, отметить изменение отношения к Великобритании в публицистике [Например: 7]. Но господствующим взглядом на суть британской политики в Иране, в особенности в придворных, военных кругах, был, с известными оговорками, взгляд Зиновьева. Политика Извольского не находила понимания у людей этого рода. Последний сетовал на военных: «Генеральный штаб, кажется, ничего не забыл и ничему не научился: говорит про Сеистан, про Персидский залив, про Индийский океан и т.д.» [4: 230]. Дипломатические усилия Извольского и Грея наталкивались на выраженное сопротивление людей, которым предстояло про-

водить в жизнь решения Санкт-Петербурга и Лондона. Неудивительно, что атмосфера недоверия, взаимной подозрительности, скрытности господствовала среди союзников по Антанте.

Примечание.

1. Зиновьев И.А. Россия, Англия и Персия. СПб., 1912;
2. Извольский А.П. Воспоминания. Петроград-Москва, 1924;
3. Инструкция МИД А.Н. Шпейеру, назначенному российским посланником в Тегеране // Коренные интересы России глазами ее государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов. Документальная публикация / Составитель И.С. Рыбачёнок. М., 2004;
4. Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М., 2004;
5. Ламздорф В.Н. Записка МИД об ограждении первостепенных интересов России на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке, составленная в связи с англо-бурской войной // Коренные интересы России…;
6. Лебедев В.Т. «В Индию». Военно-статистический и стратегический очерк. Проект будущего похода. СПб., 1898
7. Нотович Н.А. Россия и Англия. Историко-политический этюд. СПб., 1907
8. Риттих П.А. Авганский Вопрос (Военно-географический и политический этюды). СПб., 1905
9. Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012
10. Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб., 1897
11. Снесарев А.Е. Англо-русское соглашение 1907 г. СПб., 1908
12. Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке: Записки царского дипломата. М., 2006
13. Curzon G.N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question. L., 1889
14. Hardinge of Penshurst, lord., The reminiscences of. Old Diplomacy. London, 1947
15. Siegel J. Endgame: Britain, Russia and the Final Struggle for Central Asia. London, 2002.

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЛЯПСУСЫ ПРОЗАПАДНЫХ ЛИБЕРАЛОВ

Никонов О. А.

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия,
lapshina.nni2012@yandex.ru

Интеллектуальные неолибералы в средствах массовой информации проявляют удивительную вольность в оценках исторических фактов и событий, проявляя подчас солидарность с фальсификаторами в очернении истории нашей страны. Особым усердием они отличаются в принижении международного значения результатов Второй мировой войны и разгрома фашизма. Писатель либерального толка Михаил Веллер, например, во время одной из дискуссий телевизионной программы «Право голоса» в ходе полемики вдруг возмутился признанием оппонентами роли побед СССР над фашистскими силами в 1945 году в крушении мировой системы колониализма. М. Веллер в свойственном ему экстравагантном запале утверждал, что началу распада колониальной системы было положено Атлантической хартией 1941 года, и заслуга во всем принадлежит США. Провозглашённые Хартией право наций на самоопределение, принципы свободной торговли, глобальной экономики и других, конечно, были демократическими. Однако претворение их в жизнь зависело от того, каким смыслом правительства США и Англии наделяли Атлантическую хартию, какие практические шаги их руководство собиралось предпринять для реализации провозглашенных принципов и обещаний [1]. Практика показала, что западные державы – держатели колоний не собирались предоставлять национальную независимость колониальным народам.

Запальчивому оратору следовало бы учитывать известные свидетельства о так называемой «роли» Атлантической хартии в ликвидации колониальной системы. Среди объективных политиков и исследователей нет сомнения в том, что крушение колониальной системы империализма началось под влиянием Октябрьской революции 1917 года в России. Об этом же свидетельствуют материалы ряда международных конференций. Историк-практик Евгений Спицын, автор учебника по истории России, справедливо заметил, что если бы не было Октября, то до сих пор «большая часть Азии, Африки и Латинской Америки находилась бы в статусе колоний ведущих европейских держав и США» [2].

Исследователи и политики давно убедились в том, что не следует ссылаться на Атлантическую хартию и утверждать, что США принесли колониальным народам право на самоопределение. В годы Второй мировой войны колониальные народы осознали, что заявления политиков держав Запада о правах на самостоятельное развитие и о выборе формы правления были пустой декларацией. Американцы и их западные союзники были озабочены не только сохранением собственных колоний, но и расширением своего господства в мире за счет их колониальных владений побежденных фашистских держав. Историк К.А. Фурсов заметил, что со времен Второй мировой войны США стремились потеснить Великобританию и другие державы Европы в колониальном мире. Американцы стали культивировать среди угнетенных народов образ жизни и государственного устройства своей страны, которая когда-то избавилась от британского колониализма, и пытались повлиять на общественную мысль народов колониальных стран и на решения при выборе пути национального развития [3].

Авторы Атлантической хартии У. Черчилль и Ф. Рузвельт обещали народам, освобождение от фашизма и гарантии прав на самостоятельный выбор форм своего самоуправления и суверенного государственного развития. Эти права правители англо-саксонских держав не помышляли распространять на собственные колонии. Так вскоре после подписания Хартии Черчилль признал, что обещаемые свободы и права не касаются народов колоний Британской империи. В годы войны британцы даже расширили свои колониальные владения в Африке, их боевыми трофеями стали итальянские колонии Сомали, Эритрея, Киренаика и Триполи. В войне с фашистской Италией английские войска оккупировали Эфиопию, а затем пытались сохранить эту страну под своим управлением. На предложение Сталина отказаться от этих завоеванных территорий Черчилль ответил, что правительство его страны готово тщательно изучить этот вопрос, но для этого потребуется длительное время. Хорошо памятна фраза Уинстона Черчилля: «Я стал премьер-министром не для того, чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи» [4].

Проблемы существования и бесправие народов колоний не заботили колонизаторов, они не обсуждали их на международном уровне вплоть до 1960-х годов. Лишь 14 декабря 1960 года на XV сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций была принята «Декларация о

предоставлении независимости колониальным странам и народам». Этот документ ознаменовал всеобщее осуждение системы колониализма, положив начало её ликвидации. По настоянию делегации СССР принципы равноправия и самоопределения всех народов, отказ от расовой дискриминации, уважение к правам человека были включены в Устав ООН [5]. С этого времени появилась международно-правовая основа для деколонизации. Так что рецидив либерального писателя был тщетным. На такой ляпсус можно было бы и не обращать внимания, но несправедливость прозвучала в хорде телепередачи, собирающей значительную аудиторию зрителей.

Атлантическая хартия 1941 года, как и фултонская речь Уинстона Черчилля в 1946 году, обнажили цели и существо англо-саксонского единения в борьбе за мировую гегемонию и сохранение колоний и полуколоний под контролем держав капиталистического Запада. По-существу распад колониальной системы начался с появления Советской России, и к 1941 году некоторые полуколонии обрели национальную независимость – это Афганистан, Иран, Монголия, Саудовская Аравия, Йемен. Все это время наша страна была на стороне народов, вступивших в борьбу против колониализма. Авторы Атлантической хартии 1941 года, напротив, не допускали даже мысли о ликвидации колониальной системы, но они не смогли сдержать необратимое ее крушение после окончания Второй мировой войны. Этот процесс начался не благодаря появлению Атлантической хартии и инициативам США, а вопреки американским и британским великодержавным интересам.

Развязанная после Второй мировой войны западными державами «холодная война» использовалась ими в целях попрания прав народов на самоопределение и изыскания новых форм контроля над ними. «Холодная война» отрицательно отразилась на политическом, экономическом и культурном развитии народов афро-азиатских стран; под предлогом «сдерживания коммунизма» в колониальном мире сколачивались агрессивные блоки, свершались вооруженные агрессии против прогрессивных режимов освобождавшихся стран и национально-освободительного движения, использовались крайние исламистские радикальные и террористические группировки. На протяжении «холодной войны» натовская военщина прибегала к демонстративно-наглым провокациям, маневрам сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил с целью устрашения антиколониальных сил.

Странно выглядят измышления интеллектуалов об «оборонительных» мерах Запада перед угрозами со стороны СССР. Недоразумение у многих телезрителей вызвали высказывания доцента кафедры европейского права МГИМО МИД РФ, юриста-международника Н.Б. Топорнина по ряду международных вопросов во время телепередачи Владимира Соловьёва «Поединок». Программа состоялась 18 февраля 2016 года на телеканале «Россия-1». В дебатах программы встретились известный политик Владимир Жириновский и либерал Николай Злобин, в качестве эксперта в ней участвовал Николай Топорнин. При обсуждении ситуации на Ближнем Востоке Топорнин стал утверждать, что американская коалиция начала операцию против террористов ИГИЛ на Ближнем Востоке раньше Российской Федерации, признал бессмысленной поддержку Башара Асада в Сирии, выразил солидарность с действиями НАТО против нашей страны. Согласившись с тем, что Североатлантический альянс окружает Россию, Н. Топорнин настойчиво стал заявлять, что НАТО возник в ответ на появление Организации Варшавского договора (ОВД) «и тогда в Варшавский договор входило много стран» [6]. Попыткой представить НАТО в качестве оборонительного блока, специалист международного права из МГИМО, кандидат юридических наук поразил не только своего оппонента, но и всю зрительскую аудиторию. Хорошо известно, что оформление агрессивного военно-политического блока НАТО было завершено 4 апреля 1949 года, и этот блок расширялся вплоть до наших дней. Оборонительный блок ОВД появился через 6 лет, а 14 мая 1955 года его деятельность прекращена.

Абсурдной выглядит попытка доцента Н. Топорнина представить нашу страну инициатором создания в Европе военно-политических блоков и обвинять ее в агрессивном поведении на мировой арене [7]. Его полемические ляпсусы, как и ляпсусы другого поклонника Запада - писателя М. Веллера, представляют образец подтасовки исторических фактов и дезинформации общества. И такого рода примеры, к сожалению, нередко встречаются во время острых теледебатов на общественно-политические темы. Одни фальсификаторы забавно извращают участие СССР во Второй мировой войне. Другие - фальсификаторы-русофобы злобно клевещут на советскую эпоху, реабилитируют предателей родины, очерняют подвиг советского народа в разгроме фашизма в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Свои измышления они стремятся представить в качестве нового взгляда на этапы исторического прошлого России.

Примечание.
1. Что такое Атлантическая хартия? Подписание Атлантической хартии и её значение для истории. [Экономический ресурс] // http://fb.ru (дата обращения: 11.02.2017).
2. «Как кость в горле»: к 100-летию событий 1917 года российские чиновники думают, как вымыть Октябрь из народного сознания. [Электронный ресурс] // http://www.nakanune.ru (дата обращения: 28.01.2017).
3. Фурсов К.А. Деколонизация афро-азиатского мира: предпосылки, этапы, модели // Восток (Oriens). 2015. № 2. С. 8.
4. История международных отношений и внешней политики СССР. Т. II (1939-1945 гг.) – М.: «Международные отношения», 1967. С. 110.
5. Устав ООН // Организация Объединенных Наций. Сборник документов. – М.: «Наука», 1981. С. 144-145.
6. Как либералы открыто дезинформируют общество. [Электронный ресурс] // http://msk.kprf.ru (дата обращения: 12.02.2017).
7. Кто учит наших детей? [Электронный ресурс] // http://www.liveintermet.ru (дата обращения 29.09.2016); Доцент МГИМО несет пургу в прямом эфире. [Электронный ресурс] // http://www.yaplakat.com (дата обращения: 29.09.2016).

РОССИЯ И ВАТИКАН – 1917 – 1922

Парравичини Дж.

Культурный центр «Духовная библиотека», г. Москва, Фонд «Христианская Россия» г. Сериате, Италия, lapshina.nni2012@yandex.ru

Новый этап дипломатических отношений начинается с царствования Екатерины II, когда появление значительного количества католиков-переселенцев, а затем присоединение к Российской империи обширных территорий в результате разделов католической Польши привело к необходимости учреждения епархий. За исключением периода с 1866 по 1894 гг., когда дипломатические отношения были разорваны, вследствие подавления польского восстания, связи между Римом и Москвой стали носить все более постоянный характер. С восстановления дипломатических отношений в 1894 году, в общем, отношения постоянно улучшались, особенно

после опубликовании в 1905 г. Манифеста, который в том числе гарантировал свободу вероисповедания.

В Европе, в атмосфере всеобщего опьянения от начала мирового конфликта сильно отличается голос новоизбранного понтифика Бенедикта XV, относился к войне как к катастрофе и делал все возможно, чтобы ее остановить и помочь жертвам.

Именно на этой почве произошла первая встреча с Россией, когда, с помощью Международного центра по вопросам военнопленных Бенедикт XV пытался облегчить судьбу российских пленных, так как император Николай II отказался посылать им продовольствие по линии Красного Креста под предлогом того, что «*невозможно проверить, что хлеб действительно будет доставлен по назначению, а не будет использован для продовольствия германских войск*» [1: 14].

Известие о Февральской революции католики встречали по-разному. В их соображениях и положительных оценках смешиваются облегчение за приобретенную свободу вероисповедания, некий дух реванша после прошлых притеснений, тогдашнее понимание вопроса об единстве христиан, и вообще новые веяния свободы, которые захватывают всю страну. В новые условия в лето 1917 г. Русская Православная Церковь может наконец-то открыть Поместный собор и избрать после двухсотлетней вакансии нового патриарха. Русские католики тоже восстанавливают или созидают свои церковные структуры.

В Ватикане приветствовали образование демократической республики в России, связывали с падением царского режима надежды на «открытие новой эры свободы католичества в России» [2]. Убеждение, что наступил новый этап в отношении с Церковью в Россией и в славянских странах, доказывает преобразование Конгрегации по делам восточных церквей (*Congregatio pro Ecclesia orientali*), учрежденной еще в 1862 г., в независимую конгрегацию, 1 мая 1917 г.

Главным принципом личной позиции понтифика и ватиканской дипломации по отношению к Советской России, остается конкретная защита человеческой жизни, забота о судьбах каждого народа, национальности, вероисповедания, которую Бенедикт XV уже проявлял перед мировой войной. Поэтому, серьезно озабочен тем, что в разгар тяжелой и долгой войны, революция неминуемо будет радикализовать общество, понтифик не отказывается принципиально от диалога с большевиками и никогда не поддерживал предложения (например со стороны Польши) назначить «крестовый поход» против них.

Конкретный шаг понтифика в начале лета 1918 г. – защита царской семьи: Бенедикт XV предложил предоставить приют царской семье.

В первой половине 1919 г. Ватикан трижды обращался к председателю Совета Народных Комиссаров В.И. Ленину – после получения письма 7 февраля 1919 г. от председателя Высшего церковного управления Сибири митрополита Омского Сильвестра (в те месяцы Сибирь была под контролю Белой Армии), с просьбой помочь Русской православной церкви, подвергавшейся «гонениям и преследованиям со стороны большевиков» [3: 570], и дважды в связи с арестом архиепископа фон Роппа.

Интересно, что на призыв Понтифика откликнулся сам Патриарх Тихон, который написал: «В наши времена братская любовь особенно дорога, и все "православные" испытали глубочайшее утешение, узнав из газет, что Его Святейшество Римский Понтифик обратился через Кардинала Гаспарри к Чичерину в связи с преследованиями Русской церкви» [3: 570]. На самом деле, 31 марта 1919 г. Тихон уже написал лично Папе Бенедикту через Владимирского митрополита Сергий (Страгородского), хотя послание было получено только в декабре 1921 г. Эта переписка и «незабываемый отклик» папского поступка в сердца православных верующих является началом настоящего экуменизма, определяемого скорее требованиями христианской любви, чем дипломатическими тактиками.

До самой кончины Патриарха Тихона ему передавалась помощь через о. Уэлша, благословленного на это римским первосвященником, и от католических миссионерских организаций.

В ноябре 1920 г. норвежский полярный исследователь и общественный деятель Фритьоф Нансен предсказал перед комиссией Лиги Наций скорое начало серьезного голода в разоренной Первой мировой войной, революцией и Гражданской войной России, указав, что по странам Европы рассеяно более двух миллионов русских.

Сразу, в декабре 1920 г. Папа Бенедикт XV выступает с энцикликой *Annus Iam Plenus*, посвященной необходимости спасения детей, где речь идет безусловно также о России, хотя страна не названа.

5 августа 1921 Бенедикт XV года написал письмо статс-секретарю кардиналу Гаспарри, с призывом ко всем представителям иностранных государств, аккредитованным при Святом Престоле, оказать помощь голодающим России. Интересно сравнивать черновики и окончательную редакцию послания, из которого вычеркнуты все полемические выражения о прошлом (связи между самодержавией и православием) и о настоящем (осуждения большевизма). Компромисс? Отказ от принципиальности? Римский первосвященник напоминает нам, что главным, единственным принципом для христианина – милосердие, и для христианского милосердия нуждающимся не существует ни конфессиональных различий, ни государственных границ ни политических предпочтений.

Примечание.

1. Теплицын В.Л. Возвращение домой. К истории русских военнопленных Первой мировой войны. М., 2011

2. Н. Бок – в МИД, 18 (31).III.1917. Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ).Ф. Ватикан. Д. 122. Л. 25

3. ASS, Rp.

ВКЛАД К. И. ГЕССЕ В РАЗВИТИЕ ЛЮТЕРАНСТВА В ЭСТОНИИ

Петровичев В. Г.

русский проповедник церкви Михкли, г. Йыхви, Эстония

Красильщикова Т. В.

доцент кафедры Всеобщей истории ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых skyskytter@yandex.ru

Карл Иммануил Филипп Гессе родился 13 сентября 1875 г. в поместье Сангасте Эстляндской губернии в Российской империи. Он был последним, шестым ребенком в семье. Его рождение в семье пастора, возможно, предвосхитило его будущее предназначение. По этой же причине он обучался в домовой школе при пасторате, позднее закончил гимназию в г. Аренсбурге (Курессаре). Далее, при выборе места своего дальнейшего обучения, он снова следовал своим религиозным интересам и поступил в 1894 г. на теологический факультет Юрьевского университета (совр. Тарту), в 1900 г. закончил обучение в нем.

К.И. Гессе начал служение в г. Феллине (совр. Вильянди) в 1903 г., был рукоположен в помощника пастора 12 июня 1904 г. на данном месте служения он оставался до 1907 г. В этом году он был выбран пастором прихода церкви Михаила в г. Иевви (совр. Йыхви). Именно с этого времени начинается его активная деятельность, повлиявшая на развитие лютеранства в Эстонии.

Во время Первой мировой войны К.И. Гессе вместе с другими девятью пасторами выслали в Сибирь, в г. Иркутск. Предположительно, поводом к изгнанию послужили денежные пожертвования для/или Миссии в г. Лейпциге в канун начала Мирового конфликта [9: 71]. Через 9 месяцев, во второй половине 1916 г., всем высланным разрешили вернуться обратно в

Эстляндию. Основание высылки было признано ошибкой [9:73]. Решение и последствия высылки были аннулированы. И К.И. Гессе продолжил свое служение в приходе церкви Михаила.

Пастору К.И. Гессе приходилось сталкиваться с насмешками, неуважением, а часто и с угрозами. При конфирмации группы прихожан в конце зимы 1918 г. один конфирмант дерзко высмеял обряд освящения. За это пастор К.И. Гессе отлучил его от причастия. Обиженный этим молодой 21-летний человек затаил злость и с группой единомышленников собирался отомстить [8]. Планировалось нападение на пастора во время его поездки на отдаленный хутор на свадьбу, на обратном пути. Но засада сорвалась, ибо пастора Гессе предупредили люди об опасности; он вернулся другим путём, тем самым избежав ловушки. Но даже этот факт не повлиял на стремления пастора и его желание распространять лютеранские идеи среди населения.

В 1918 г. в Александровской церкви г. Нарвы был зачитан манифест о провозглашении Эстонской Трудовой Коммуны. В манифесте в одном из пунктов «отменяли Бога»[9:72]. Иллюзий по поводу новой власти, пастор К.И. Гессе не питал, поэтому многим прихожанам, обращавшимся к нему за советом, он советовал как можно скорей эвакуироваться вглубь Эстонии, ближе к столице. Были те, кому он помог материально для осуществления подобного плана. Но находились и такие люди, кто открыто его оскорблял, следуя новому манифесту, называли его немецким, господским пастором, советовали следовать пути германского войска [1].

Пастор К.И. Гессе прекрасно понимал многие причины нападок; помимо пришедшей революционной смуты, вскрылись многовековые претензии, недовольство, обиды со стороны эстонского народа к немцам. Понимал он, что выпало ему служить Богу и жить во время новых перемен. И, несмотря на все это, он продолжал свое служение Богу в Эстонии.

10.12.1918 г. Совет Эстляндской трудовой коммуны в Нарве издал декрет о выселении из страны всех лиц духовного звания, как распространителей «ложного учения». Но даже после этого К.И. Гессе продолжал свое служение.

17 декабря 1918 г. утром в дом, где укрывался пастор Гессе с семьей, на двух повозках приехали революционеры. Пастору дали два часа на сборы. Интересный момент состоял в том, что несмотря на запрет богослужений, ему позволили дома провести службу, совершить таинство причастия. Это был последний раз, когда он причащался с семьей.

Успокоившись, что его семье не причинят вреда, он был доставлен в поместье Рангелштайн (мыза Майдла). Там имел место допрос, на котором обвиняли пастора в контрреволюции, бегстве, укрывательстве от ЭТК. Мало сохранилось документов, сам протокол допроса велся весьма кратко [7]. В заключении пастору Гессе предложили, в обмен на сохранение жизни и освобождение, подписать составленное заявление, что всё, что он проповедовал за время своего служения и в частности на приходе церкви Михаила, есть ложь.

Пастор отказался подписывать и был избит, подвергнут пыткам. Он несколько раз терял сознание, но приходя в себя, вновь исповедовал свою христианскую веру. Вопрос уже стоял другой – «Откажись от Бога, и будешь жить!». В ответ он неизменно, из последних сил, отвечал – «Я знаю и верю, что Бог есть!» [6]. На рассвете на берегу реки Пуртсе, вблизи поместья, пастор Гессе был расстрелян группой революционеров.

В настоящее время Карл Иммануил Филипп Гессе входит в список христианских мучеников лютеранского исповедования, как в Эстонии, так и в Латвии, Германии. Его имя выбито на поминальном каменном крестеобелиске в Риге. Поминается 18 декабря в церковном календаре Эстонской Евангелической Лютеранской церкви (EELK).

По времени его кончины, он может именоваться первым мучеником, ибо это первая жертва революционного террора среди христианских пасторов лютеранского исповедования, а также и других служителей христианских конфессий, пострадавших на территории Эстонии. Прихожане эстонских лютеранских церквей чтят его как защитника христианства, как защитника веры, как лютеранского пастора-проповедника.

Примечание.

1. Der Bericht basiert auf den Aufzeichnungen von Hesses Ehefrau Magdalene Aline Hesse, geborene Lemm.
2. Die Evangelisch-Lutherische Kirche in Russland 1914.
3. EELK Jõhvi koguduse õpetajate. Nimekiri 19. Karl Immanuel Hesse, 1907-1918.
4. EELK Konsistooriumi arhiiv.
5. Fellin. Die Ordination in der Düna-Zeitung. Nr. 124. 4 Juni/17 Juni 1904.
6. Jewe. Pastorenwahl in der Düna-Zeitung. Nr. 140. 20 Juni/3 Juli 1907.
7. Jewe. Pastor Hesse in der Rigaschen-Zeitung. Nr. 138. 18 Juni/1 Juli 1907.

8. Kroonika Mihkli kiriku kogudus Jõhvi. L.45.
9. Oskar Schabert. Baltisches Märtyrebuch.Furche-Verlag. Berlin, 1926. S.70-73 ff.
10. Pastoren: Die Pastoren des Kosistorialbezirks Estland. 1885-1919. Köln-Wien: Böhlau, 1988.

ЛЕВ ТРОЦКИЙ: МЕЖДУНАРОДНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ДЖОНА ДЬЮИ В МЕКСИКЕ (1937 г.)

Рогачева Е. Ю.

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, erogacheva@hotmail.com

Когда-то, размышляя о своем личностном развитии в канун своего девяностолетнего юбилея в 1949 году, Джон Дьюи (1859-1952) писал: «В целом, силы, оказавшие на меня особое влияние, исходили скорее от людей и ситуаций, чем от книг. Это вовсе не означает, что я ничего не узнал из философских работ, просто то, что я узнал из них оказалось техническим по сравнению с тем, о чем мне пришлось задуматься благодаря опыту, в который я целиком погрузился»[1: 22].

Опыт американского реформатора обогащался на протяжении почти целого столетия, ведь он прожил долгую и яркую жизнь длиной почти в столетие. Масштаб личности Джона Дьюи всегда поражал как его биографов, так и исследователей его научного творчества. Известный философ Ричард Рорти назвал Дьюи одним из наиболее влиятельными философов 20 века, наряду с Мартином Хайдеггером, Бертраном Расселом и Людвигом Витгенштейном. Выдающийся ученый, основатель философии инструментализма и педагогики прагматизма, один из четырех крупнейших педагогов XX века, основатель экспериментальной школы в Чикаго, ставшей пионером движения «лабораторных школ» в США, международный эксперт в сфере образования Джон Дьюи на протяжении всей жизни занимал активную гражданскую позицию, имел добрую репутацию в кругах

борцов за демократию и справедливость. Решение Дьюи говорить правду, независимо от последствий, всегда была для ученого общественно, исторически, морально опосредованным выбором, что обеспечило этому человеку глубокое уважение как со стороны его коллег-современников, так и последующих поколений человеческого сообщества.

В 1937 году судьба распорядилась так, что именно Дьюи пришлось выступить в качестве председателя Международной комиссии по делу Л.Троцкого в Мексике. Лев Троцкий(1879-1940) - деятель российского и международного революционного движения, практик и теоретик марксизма, один из главных организаторов Октябрьской революции 1917 года, организатор Красной Армии и один из основателей Советского государства, идеологов Коминтерна. Смерть В.И. Ленина в 1924 году во многом обострила борьбу за верховную власть между Иосифом Сталиным и Львом Троцким. Победа Сталина в этом состязании вынудила Троцкого отправиться в ссылку. В 1927 году бывший нарком по иностранным делам в первом советском правительстве, а также лидер внутрипартийной левой оппозиции с 1923 года Лев Троцкий был снят со всех постов, отправлен в ссылку, а с 1929 года выслан за пределы СССР. Он находился сначала на границе с Китаем, затем в Турции, во Франции, и, наконец, в Норвегии. Троцкий пытался надежно укрыться от вражеской слежки и каждый раз перебирался с места на место.

В 1930-е годы президент Мексики Лазаро Карденас следовал обычной практике предоставления убежища политическим беженцам, и Троцкий увидел в Мексике возможную «тихую политическую гавань». К тому же, именно в Мексике троцкистское крыло партии было довольно сильным, поэтому Леону Троцкому удалось получить приглашение от Диего Ривера и Фриды Кало, «великих художников, но наивных троцкистов» остановиться в их доме на окраине столицы Мехико. Троцкий принял приглашение и прилетел в эту страну.

В Советской России в этот период происходили драматические события. В Москве начались судебные процессы, Сталин пытался консолидировать свою власть, и, следовательно, каждый, кто был хоть каким-то боком связан с Леоном Троцким, тут же становился врагом народа. Многих, «так называемых врагов», пытали, выбивались «признания», приводились в исполнение смертные приговоры. К моменту судебных слушаний в Советском Союзе практически были уничтожены почти все те, кто состав-

лял Центральный Комитет Коммунистической Партии Советского Союза, за исключением Сталина и Троцкого. Сталинский министр юстиции Андрей Вышинский провозгласил окончательный приговор: Троцкий обвинялся в заговоре против Сталина и попытке втянуть Германию и Японию в войну против Советского Союза.

Безусловно, Троцкий мог чувствовать себя в Мексике в большей безопасности. Более того, ему удалось расширить ряды своих сторонников, он собирался начать контратаку против Сталина. В этот период французские троцкисты образовали свой комитет в защиту своего идеологического лидера, американцы также создали комитет по защите Леона Троцкого. Обе группировки требовали организации интернационального трибунала для слушания Сталинских обвинений и разрешения Троцкому защищать себя, пока он оставался в безопасности в ссылке. Для него было слишком опасно добровольно вернуться в Москву для участия в судебных разбирательствах. Как выяснилось, во французской троцкистской группировке так и не смогли принять решения относительно членов предстоящего трибунала, и поэтому именно американцам было поручено организовать слушания по делу Троцкого, куда планировалось пригласить и самого обвиняемого. Так как лидеры американского комитета, куда входили социолог Эдвард Э. Росс и Георг Новак были уверены в том, что трибунал, состоящий из сочувствующих Троцкому, вряд ли сумеет выиграть доверие на международной сцене, им пришлось подумать о создании отдельной группы, во главе с председателем. Им мог стать лишь человек, обладающий безупречной международной репутацией, а также тот, кто мог бы быть принят как либералами, так и сочувствующими Советам, то есть интеллектуалами повсеместно.

Сидни Хук и Джеймс Т. Фэррел – выдающийся лидер троцкистского движения среди американских писателей того времени, уговорили Дьюи взять на себя ответственность за председательство на судебном разбирательстве, что означало для ученого поездку в Мексику.

Философ и социолог Сидни Хук предложил на пост председателя международной комиссии своего консультанта по диссертации 78-летнего Джона Дьюи, считая его наилучшей кандидатурой. Аргументами Сидни Хука были следующие: признание Дьюи как великого ученого и педагога в Советском Союзе во время его визита в эту страну в 1928 году; просьба к Дьюи со стороны Социалистической Партии стать их кандидатом на пост

губернатора Нью-Йорка; частое цитирование Дьюи (практически каждую неделю) в газете Нью-Йорк Таймс; приглашение Дьюи на обед в Белый Дом; дружба Дьюи со многими крупными капиталистами; заведование Дьюи вплоть до 1905 года кафедрами философии и педагогики в Рокфеллеровском Чикагском Университете; а затем почетное место в Колумбийском университете, где ученый стал фаворитом президента Николаса Маррей Батлера.

Президент Американской Психологической Ассоциации, Президент Американской Ассоциации Университетских Профессоров, Президент Американской Философской Ассоциации Джон Дьюи принял решение участвовать в председательстве по делу Троцкого, так как отказ противоречил бы его убеждениям. Ученый писал, что «... посвятил всю жизнь поиску истины», возмущался по поводу ряда либералов (Гамберга и Каули), стремящихся оставить в темноте невежества американский народ относительно событий в России. Дьюи считал, что «...истина – это не буржуазная иллюзия, это основной источник человеческого прогресса»[2: 411]

Джон Дьюи отправился в Мексику, чтобы откликнуться на вызов и направить весь свой интеллект, как он сам выразился «на служение свободе и справедливости». Это событие получило широкий мировой резонанс.

Уверенность Дьюи в необходимости действовать не помешала ему даже порвать с редакцией журнала Каули, которого считал сторонником Сталина. Дьюи пытались отвлечь от поездки в Мексику. Биограф Дьюи Джей Мартин приводит пример неожиданного предложения, поступившего от якобы официального представителя советской артистической организации Вокс совершить роскошную поездку за счет приглашающей стороны на Черное море. Описывая красоты Ялты и Черного моря, аргументируя, что Дьюи сможет увидеть результаты прогресса страны, достигнутые за десять лет после визита американского педагога в Советскую Россию в 1928 году, посетитель услышал от Дьюи следующие слова: «Ну, я не думаю, что это будет подходящим для меня моментом для посещения Советского Союза, так как я собираюсь в Мексику вместе с комиссией по делу Троцкого»[2: 411].

Решение Джона Дьюи в 1937 году быть председателем по делу Троцкого вызвало восхищение и уважение в академических кругах его почитателей как в Мексике, так и в других странах. Эдвард Росс, узнав о положительном решении Дьюи, был уверен, что Дьюи как никто иной смо-

жет привнести престижа в комитет. Ведь это означало, что все значимые газеты мира будут освещать это важное историческое событие. Сам Троцкий, узнав о согласии Дьюи, произнес речь, которую транслировали по телефону широкой аудитории, собравшейся на ипподроме в Нью-Йорке: «Если эта комиссия решит, что я виновен в тех преступлениях, в которых меня обвиняет Сталин, я прошу передать меня добровольно в руки экзекутора ГПУ»[2: 412].

В доме Диего Ривера должны были состояться слушания, а, следовательно, Дьюи предстояло внимательно погрузиться в изучение массы материалов следствия. Это был уже второй визит ученого в Мексику. В первый раз Дьюи был приглашен в Мексику прочесть лекции в рамках организованной в 1926 году Летней Сессии в Национальном Университете.

Джон Дьюи отправился в Мексику на поезде из Нью-Йорка, захватив с собой полные собрания сочинений Ленина и Троцкого, в его багаже была также портативная печатная машинка и чемодан, полный документов. Провожавший его Джеймс Фаррел, был поражен настроем Дьюи, которому в ту пору было уже 78 лет. Понимая возложенную на него ответственность, председатель комиссии очень серьезно отнесся к своим обязанностям в Мексике, ещё в поезде он читал труды Троцкого, делал пометки, а уже на месте прочел множество свидетельств, документов. Слушания состоялись в доме художника Ривера на окраине Мехико. Были предприняты все меры предосторожности. Диего Ривера с карабином и Фрида Кало с ружьем в руках в костюме мексиканских индейцев встречали участников события, которых пускали в зал заседаний по специальным пропускам, подписанным Дьюи. В состав Комиссии входили Отто Руэл (Otto Ruehl) – биограф Карла Маркса и лидер немецких коммунистов, выступавший оппозицией прихода Гитлера к власти; Бенджамин Штольберг – лейбористский защитник и писатель; Карлтон Билз- широко известный латино-американский эксперт; Сюзанна ла Фоллет, редактор журнала «Фримен» (“Freeman”). Другие яркие фигуры прогрессивного движения, которые присутствовали на слушаниях, включали Карло Треска - анархо-синдикалистского редактора «Иль Мартелло» (Il Martello). Джон Финерти, адвокат Тома Муни играл роль советника в комитете. На слушаниях присутствовали представители мировой прессы, а также крупных американских газет, операторы “March of Time”. Были приглашены советские официальные представители, которые должны были представить документы

на Троцкого и удостовериться в его личном присутствии. Советский посол в США Андрей Трояновский был в числе приглашенных, но ответил отказом. Как свидетельствуют фотоматериалы и зарисовки, просторная комната для слушаний была разделена пополам. С одной стороны барьера сидел Троцкий и члены комиссии, а с другой стороны располагались представители прессы, члены мексиканского лейбористского движения, а также другие присутствующие. Комната была переполнена. Многим хотелось присутствовать на этом историческом событии. Диего Ривера сделал несколько зарисовок председателя Дьюи. В 10 часов утра 10 апреля 1937 года Джон Дьюи открыл слушания следующими словами: «Эта комиссия, как и много миллионов жителей города и деревни, связанных с интеллектуальным и ручным трудом, верит, что ни один человек не должен быть лишен права защиты самого себя… Тот факт, что мы все здесь собрались, есть доказательство тому, что Мистер Троцкий должен иметь возможность представить доказательства, которыми он обладает, в ответ на обвинительный приговор суда, на котором ни он сам, ни его представитель не присутствовали. Если Леон Троцкий виновен в делах, которые ему инкриминированы, то обвинение будет слишком суровым». По словам философа Джона МакДермота, Джон Дьюи закончил свою вступительную речь словами, «достойными известной речи Сократа в Апологии Платона»: «Говоря, в конечном счете, не для Комиссии, а от себя лично, я надеялся, что следовало бы найти председателя, опыт которого лучше бы подходил для осуществления такой сложной и деликатной задачи. Я отдал свою жизнь делу образования, которое, как я убежден, является народным просвещением в интересах общества. Если я, в конце концов, и взял на себя ответственную миссию, которую сейчас выполняю, так это только потому, что я понял, что действовать иначе означало бы предать дело всей моей жизни». В свою очередь Троцкий также произнес несколько вступительных фраз: «Глубокоуважаемые члены комиссии! Состав комиссии и высокий авторитет её председателя исключает возможность того, что расследование выйдет за рамки объективного. Мой долг лишь постараться помочь ей в данной работе. Я постараюсь верно исполнить свой долг перед всем миром» (перевод с англ. Е.Ю. Рогачевой) [6]. Несмотря на сильный акцент, Троцкий говорил четко, пуская в ход остроумие, формулировал логично положения в свою защиту. Во время слушаний Дьюи проявил особый интерес к совместной деятельности Троцкого и Ленина на первых этапах революции.

Слушания, а их далее состоялось ещё 13, отразили конфликт между теми, кто поддерживал русскую революцию и теми, кто относился к ней скептически. Следует признать, что напряжение во время слушаний росло с каждой сессией. Дьюи проводил целый день на заседаниях, читал по ночам, готовил огромные списки вопросов на следующий день, прежде чем отправиться отдыхать. Сессии продолжались, одна за другой, глубоко отражая жизнь Троцкого, его революционную и террористическую деятельность, его деятельность во Франции и Норвегии, за что он был обвинен в заговоре против Сталина. Было приведено множество доказательств. Защита Троцкого приобрела неожиданную публичность. Американский комитет в защиту Троцкого выпускал бюллетени, пресс-релизы и заявления от имени Троцкого. Вскоре все это вылилось в прямую атаку на Сталина как революционера, превратившегося в фашиста и диктатора. Безусловно, Кремль прореагировал на это кампанией, направленной против слушаний. Коммунистические газеты, такие как «Дейли Уокер»(“Daily Worker”), а также многие «левые» журналы усиливали нападки на процесс слушаний и самого председателя. В Советском Союзе Дьюи обвинили в том, что он «враг мира и прогресса».

В своем выступлении, которое заняло целый час, Троцкий обвинял Сталина за то, что он предал революцию. Заканчивая свою речь, он выразил «глубокое уважение к педагогу, философу и человеку, олицетворяющему истинный американский либерализм, ученому, который возглавил работу комиссии». Дьюи объявил слушания предварительной комиссии по расследованию завершенными. Комиссия вернулась в Нью-Йорк, ещё раз проанализировала все доказательные документы и лишь спустя несколько недель сделала окончательный вывод. В конце слушаний Троцкий сказал Дьюи, что процесс доказал, что американский идеализм –это не миф, а реальность. «Я понял, что американский либерализм существует как факт» - с этими словами Троцкий обратился в Дьюи, на что председатель быстро отреагировал словами: «Если бы все марксисты были как вы, мистер Троцкий, я был бы марксистом». В ответ он услышал от Троцкого: «Если бы все либералы были как вы, доктор Дьюи, я бы был либералом». Однако, надо признать, что после участия в комиссии Дьюи мало думал о Троцком, этот герой был уже для Дьюи в прошлом. Однако, с момента окончания слушаний Дьюи стал глубоко подозревать руководство Советов. В своем интервью репортерам в Сент-Луисе, куда он проследовал после Мексики, уче-

ный сказал следующее: «Самый верный способ ввергнуть страну в руки фашистов – это попытаться сделать её коммунистической. Что касается меня, тем не менее, я глубоко верю в здравый смысл среднего американца и в демократию и образование. Я смотрю в будущее с надеждой. Если выздоровление продлиться, мне будет легко, а если нет, я буду страшиться фашизма и войны».[2: 417-418].

Вскоре комиссией в Нью-Йорке. был опубликован увесистый документ под названием «Не виновен» (Not Guilty: Report of the Commission of Inquiry into the Charges Made Against Leon Trotsky in the Moscow Trials). Дьюи получил множество писем, полных уважения за смелый поступок, совершенный против режима Сталина. Факты истории подтвердили, что выводы Дьюи и членов комиссии были верными. Троцкий был не виновен в обвинениях, выдвинутых Сталиным по его делу, многие детали были надуманы и подтасованы, однако, конечно же, виновность Троцкого за последствия многих его политических взглядов и поступков Дьюи вовсе не снимал. Он лишь провел демократические слушания, разоблачавшие действия Сталина и его окружения в конкретном случае, а также дал возможность Троцкому говорить публично.[2: 420]. Троцкий, узнав о документе, тут же послал «самые теплые пожелания председателю, чья твердость, бдительность, и высокая моральная ответственность обеспечили успех расследования» и пожелал Дьюи «…долгих лет жизни». Решение комиссии высветило Сталина в глазах мировой общественности жестоким преступником, но его действия не закончились. После того, как Дьюи узнал о том, что в феврале 1938 года сын Троцкого Седов при таинственных обстоятельствах умер во Франции, он тут же послал Троцкому и его супруге соболезнования, что в ответ опять же выразилось в послании Троцкого Дьюи, где Троцкий называл его «выдающейся личностью».

В работе «Джон Дьюи, «суд» над Леоном Троцким и поиск исторической правды»(1990) Алан Спицер указал, что благодаря усилиям Джона Дьюи комиссия сумела применить каноны доказательности, достойные как исторического, так и легального расследования[6: 16-37] Хотя Дьюи и приехал в Мексику для расследования дела более или менее уверенный скорее в правоте Сталина, чем Троцкого, на основе доказательств, представленных Троцким, а также того, что Дьюи прочел о процессах в Москве, после тщательной проработки всех имеющихся материалов, он

сумел сделать вывод о том, что Троцкий и другие защитники были правы. Тем не менее, он вовсе не разделял политических взглядов Троцкого.

Перед смертью Троцкий совершил ошибку по отношению к Дьюи. Убежденный в том, что Дьюи симпатизирует его идеям, Троцкий попросил ученого прокомментировать статью в журнале “New International”(Новый Интернационал) под названием «Их нравственные идеалы и наши» (Their Morals and Ours), датируемую июнем 1938 года. Вывод Дьюи «Не виновен», был основан на концепции Дьюи о справедливости, а не на политической или идеологической приверженности взглядам Троцкого. Позиция Дьюи была в пику позиции Троцкого.

Достаточно привести яркий пример их серьезного научного спора относительно соотношения таких категорий как «средства» и «результаты»(means and ends). Заявление Троцкого о том, что «средства могут быть оправданы только лишь результатами» вызвали возражение Дьюи. Он признавал, что средства и результаты тесно взаимосвязаны, однако, заметил, что, нельзя не принимать во внимание последствия, к которым применение этих средств может привести. Он не одобрил акцент Троцкого на средства, понимая, что результаты, достигнутые революцией, будут отражением и средств достижения террора, слежки, контроля. Дьюи был уверен в том, что подобные средства приведут скорее к диктаторскому режиму, чем к демократическому, а потому делал акцент на результаты, размышляя о выборе средств, способных обеспечить эти желаемые результаты. В ответе Троцкому, Дьюи писал «…когда мистер Троцкий видит в классовой борьбе «закон законов», единственное средство человеческого освобождения, тогда средства становятся результатом».[2: 412]

Для Дьюи философия была не знанием как абстракцией, а критикой методов, с помощью которых мы достигаем целей, или результатов. Как мы думаем, согласно Дьюи, приведет к тому, что мы думаем, и что мы делаем.

События, связанные с Троцким, сыграли важную роль в жизни Дьюи. Как свидетельствуют материалы переписки Дьюи с Максом Истманом, в разговоре с Максом Истманом 5 декабря 1937 года ученый признался: «Это был наиболее интересный опыт в моей жизни [7]. В 1940 году секретные службы НКВД Советской России расправились с Троцким. Все эти факты и события в Мексике, связанные с политической ситуацией в России, сильно изменили отношение Дьюи к большевистской верхушке России во главе со Сталиным. Однако до конца своей жизни ученый симпати-

зировал народу Страны Советов, восхищался его культурным наследием, лестно отзывался о детях России, о которых он с восторгом писал после своего визита в Россию в 1928 году в работе «Впечатления о Советской России и революционном мире» [5].

Примечание.

1. G.P.Adams & W.P.Montegue, editors, Contemporary American Philosophy, Vol.2, New York: Macmillan, 1930, 122 p.
2. Jay Martin. The Education of John Dewey. A Biography, Columbia University Press, New York, 2002.- 562 p.
3. John P.Murphy, Pragmatism from Pierce to Davidson (Boulder, Colo.: Westview Press, 1990). Intr.by Richard Rorty.- 245 p.
4. Moises Saenz " The Program of the Mexican Government" in Some Mexican Problems. Lectures of the Harris Foundation 1926(Chicago University of Chicago Press, 1926.78p.
5. Rogacheva Y."International Dimension of John Dewey's Pedagogy: Lessons for Tomorrow", Phenomenology/Ontopoiesis/ Retrieving Geo-Cosmic Horizons of Antiquity. Logos and Life. Analecta Husserliana, edited by pr/ Anna Teresa Tymieniecka The world Institute for Advanced Phenomenological Research and Learning. Springer: Dodrecht, Heidelberg, London, New York, 2011 pp. 147-171.
6. Alan B. Spitzer. "John Dewey, the "Trial" of Leon Trotsky and the Search for Historical Truth"/ History and Theory, Volume 29, Issue 1(Feb.,1990) 16-37.
7. Рогачева Е.Ю. Джон Дьюи: педагогические эксперименты в семье и школе. Монография, Мин-во образования и науки Рос.Федерации, Федер.гос.бюджетное образов. Учр. Высш. Проф. Образования «Владим.гос.ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых»-Владимир:Транзит-ИКС, 2015 г. – 170 с.

НЕОНАЦИСТЫ В СОВРЕМЕННОЙ АВСТРАЛИИ

Скоробогатых Н. С.

Центр изучения стран ЮВА и ЮТР ИВ РАН, г. Москва, Россия, arhip2212@yandex.ru

Первые десятилетия нынешнего века отмечены очень тревожными тенденциями в политической жизни Австралийского Союза (АС), связанными с резкой активизацией правых сил в стране. Если в конце XX в. пугалом для правящего класса были слабо организованные группировки националистического толка, возникшие, главным образом, как реакция на однобоко трактуемую политику мультикультурализма, то начале XXI в. такие настроения приобрели вполне осязаемые структурные формы. И надо сказать, эффект от появления популистской Партии Одной Нации во второй половине 1990-х гг. меркнет перед новыми волнами выступлений ультраправых в АС.

В результате выборов 2016 г. в федеральный парламент после долгого перерыва вернулись сторонники Одной Нации Полин Хэнсон, произошел раскол Либеральной партии и выход из ее рядов части консерваторов. Впрочем, пока это мало сказалось на обстановке в стране, хотя правящая коалиция Либеральной и Национальной партий не могла не считаться с новым раскладом сил и была вынуждена подкорректировать свой курс в соответствии с требованиями новых членов парламента.

Однако это не остановило процесс поправения настроений рядовых австралийцев. На низовом уровне в последние два года все чаще заявляют о себе молодежные группировки с неонацистской риторикой, использующие соответствующую символику, чего не наблюдалось в этой стране со времен Второй мировой войны. Такое явление не уникально: аналогичная картина наблюдается и в Европе – как реакция на так называемый миграционный кризис. Тому, кто такие австралийские ультраправые, чего они добиваются и почему в относительно благополучной пока еще стране все чаще возникают столь несимпатичные явления, посвящен мой доклад.

В АС ресурс политического терпения, видимо, близок к исчерпанию. Исламский терроризм и нескончаемые разговоры о легализации однополых браков стали тем спусковым крючком, который вызвал к жизни самые радикальные организации белого населения, взявшие на вооружение

наиболее неприглядные политические взгляды, которые, казалось бы, самой недавней историей XX в. должны были быть навсегда похоронены человечеством. Однако они возрождаются в мгновение ока и являются крайне болезненной реакцией на эгоистическую, но последовательно проводимую политику политического класса. Неонацисты-подростки, в 2017 г. всполошившие мировую общественность, – это всего лишь верхушка более серьезных течений.

В середине 2017 г. внимание общественности как в АС, так и в США и Великобритании, чьи СМИ разместили на своих страницах соответствующие материалы, было привлечено к деятельности Сопротивления Антиподов (СА) /Antipodean Resistance/. Группа появилась в конце 2016 г. и имеет отделения в Новом Южном Уэльсе, Тасмании, Квинсленде и Западной Австралии. Перепуганные эксперты определили ее как незначительную неонацистскую и фашистскую группировку в Австралии, использующую стилизованную символику Третьего Рейха, такие как свастика и нацистский салют, которая «прямо призвала к убийству еврейского народа». На растиражированных фото – 6 подростков в масках (лица закрыты изображением черепа), традиционных австралийских белых шляпах, руки в нацистском приветствии, сине-белые (цвета флага Эврики – знакового для страны восстания 1854 г.) знамена со свастикой и все это – где-то в буше, во время сборов в тайных лагерях радикалов. Кроме того, СА взяла на себя ответственность за развешанные по Мельбурну плакаты, на которых ребенок, усыновленный гомосексуальной парой, трактуется как жертва педофилов, а также антисемитские листовки и стикеры со свастикой в Университете Квинсленда, Сиднейском университете, Совете профсоюзов Виктории, Мельбурнской Грамматической школе и одном из торговых центров Мельбурна. Она же расклеила в университетах Мельбурна листовки на китайском языке с угрозами депортации азиатских студентов. Отделения СА организовали для молодежи тренировочные «лагеря радикализации» в районе хребтов Данденонг в Виктории и в горах около Солнечного побережья в Квинсленде, где велись занятия по боевой подготовке, которая включает в себя боевые искусства и навыки выживания в буше. Помимо рейдов по столицам штатов и пропаганды нацистской риторики, члены СА собирались перейти и к другим видам активности. В частности, планировалось проведение акций по срыву голосования по однополым бракам и внедрения своих взглядов в школах и университетах с высоким

числом учащихся из Азии. По оценкам прессы, все «пока ограничивается нацистским вандализмом», но аналитики по терроризму сразу предупредили и о возможности насилия.

Так, эксперт Австралийского Национального университета Кларк Джонс отметил, что подобного рода «группы растут, и они становятся гораздо более озлобленными и гораздо более организованными для ведения того, что они видят, как войну, расовую войну … они чувствуют, что белая раса находится под угрозой, и считают, что единственный способ защитить ее – это насилие». Член федерального парламента от Австралийской лейбористской партии (АЛП) Энн Али, работавшая в области борьбы с терроризмом и выступившая от имени всех национальных меньшинств страны, особо подчеркнула: «Пока мы так сосредоточены на джихадистской угрозе, мы упускаем еще одну очень реальную угрозу». Она призвала федеральное правительство вмешаться и запретить Сопротивление Антиподов: «Должно быть больше признания того, что эта форма радикализации столь же опасна, как и другие ее формы … Я хотела бы, чтобы некоторые из этих групп были запрещены ... как террористические и насильственные организации… Они говорят о насилии и ненависти. Речь идет не о выражении мнения или участии в гражданских дебатах. Речь идет об убийстве людей». Впрочем, пока еще члены СА никого не убивали, так что д-р Али, видимо, выдает желаемое за действительное.

Более того, сайты СА, пока еще доступные в интернете (некоторые уничтожаются их противниками или просто блокируются), говорят о том, что терроризм не входит в арсенал ее членов: «Смешно сравнивать участие в самосовершенствовании и пропаганде здорового мировоззрения с тем, как давили детей в Ницце или бомбежкой аэропорта в Брюсселе… Молодые люди в этой стране разочарованы существующей системой и ищут решение. В сравнении с любым другим слабым подходом, естественно, что только сила нашего фанатизма и действий в состоянии привлечь их».

По данным сайта группы, членство в СА ограничивается физически здоровыми, молодыми белыми мужчинами, которые обладают определенными психологическими качествами: «Необходима сильная воля, чтобы быть радикальным политическим активистом любого типа, но это особенно важно для национал-социалиста. Вы, как ожидается, будете в состоянии справиться с высокими стрессовыми ситуациями, которые проистекают от того, что вы активист, а также быть в состоянии принять удар для защиты

ваших убеждений». Особо подчеркивается: «Мы не допускаем никакой дегенерации в наших рядах. Быть белым недостаточно. Каждое лицо, участвующее в Сопротивлении Антиподов, должно посвятить себя более высокому стандарту поведения. Мы выступаем против злоупотребления наркотиками, гомосексуализма и всех прочих гнилых, безответственных отвлекающих факторов, разложенных перед нами евреями и глобалистскими элитами. Мы стремимся строить общество по железным законам природы – законам национального социализма. Мы – те гитлеры, которых вы ждете». Показательно и то, что в других документах СА звучит не только призыв вернуться к политике Белой Австралии, но и возродить гордость историей и культурой Австралии XIX – первой половины XX вв. и боль за то, как их уничтожают: «Первая и вторая мировые войны лишили нас хороших людей, международный коммунизм и еврейство действительно начали свою работу (подобно Виде Гольдштейн и Эгону Кишу), чтобы убедиться, что австралийская культура умерла в ее золотые годы… Белая Австралия уродовалась на протяжении десятилетий, почти всегда без поддержки населения, и инфильтрация в академические круги прошла настолько успешно, что откровенные коммунисты занимают ключевые позиции в большинстве крупных университетов».

Таким образом, в жесткой и порой достаточно грубой форме брошен вызов самым сокровенным и лелеемым постулатам современной политкорректности и неолиберализма. Сделано это крайне несимпатично, но объяснимо, учитывая общий контекст австралийской действительности. Действительно, риторика национал-социализма присутствует; отсылка к фюреру и свастика на агитационных материалах – все никак не добавляет симпатии к тем, кто написал эти воззвания. Это уже минус, если исходить из возможности массовой поддержки их целей: резко снижается число потенциальных сторонников, в стране пока еще мало любителей экстремизма. Однако нет и призывов к прямому насилию: главным образом, речь идет об агитации во всех доступных формах. Жесткие требования к участникам и отказ от политкорректности тоже неоднозначны: расовая основа их состава – это одновременно и сила (нет пятой колонны), и слабость (в АС много этнически смешанных семей, а это значительно сужает социальную базу). Тем не менее, несмотря на такую несимпатичную основу, комментарии читателей к ругательным статьям противников СА зачастую со-

держат слова сочувствия и поддержки людям, поднявшим свой голос в защиту австралийских традиций эпохи послевоенных «золотых 50-х» лет.

Позиция властей АС – всеми способами подавить активность ультраправых и замолчать в австралийской печати их протесты; потому в основном освещение их деятельности идет через интернет и иностранные агентства. Естественно, что и Австралийская федеральная полиция (АФП) не оставила без внимания все эти факты: «Полиция обеспокоена тем, что экстремистские взгляды выливаются в незаконные действия. Применение насилия… является незаконным и неприемлемым в демократическом обществе. АФП серьезно относится ко всем экстремистским группам, нацеленным на преступность, независимо от предыстории преступника». Неонацистские группы находятся и в поле зрения полиции штатов.

Оставив в стороне фактор сенсационности, постараюсь ответить на вопрос, почему из мухи делают слона? Боязнь возрождения неонацизма? Практически такая возможность невелика, учитывая свежую память печального опыта XX в. Политика политкорректности в опасности? Да, мало кто в правящих кругах готов ею поступиться – это очень удобная, обкатанная и уютная парадигма, преподносимая избирателю и благодушному общественному мнению. Пожалуй, главная причина в том, что для нынешних политических элит СА – удобный противник: на фоне крайне правых сами они смотрятся просто ангелами во плоти, а под прикрытием борьбы с неонацистами можно проводить всю ту же комфортную для себя политику, ничего кардинально не меняя.

Тот факт, что современный политический курс далеко не всех устраивает – ни для кого не секрет. Даже не надо указывать пальцем на главных оппонентов в парламенте АС. На выбор – две газетные подборки. Недавний пример: возрождение сецессионистских настроений в Западной Австралии, когда в августе 2017 г. либералы (!) штата, недовольные позицией федерального центра, на своей конференции заговорили о новом повороте в своей политике: "Западная Австралия становится независимым государством в рамках Содружества". Вспомнили о событиях 1934 г. – и точно так же, как и почти 100 лет назад, призыв к отделению прозвучал как крик отчаяния и несогласия с Канберрой.

Мало у кого вызвало полное одобрение и решение, принятое в августе 2017 г. местными советами двух округов Мельбурна о переносе торжеств по поводу национального праздника – Дня Австралии на другую да-

ту. Причина – уважение к чувствам аборигенов, для которых высадка британцев на берега Австралии является стрессогенным фактором: «Вместо этого будет проведена традиционная церемония курения, признающая этот день тревожным /distressing/ для многих коренных народов». Если учесть, что аборигены – это всего 2% населения, то работа принципов демократии начинает восприниматься болезненно уже большинством населения, из которого около 70% являются прямыми потомками тех самых британцев, с 1788 г. превращавших отдаленный и засушливый континент в один из самых комфортных для проживания людей. К слову, это уже не первая попытка весьма своеобразного, политкорректного пересмотра истории страны, регулярно предпринимаемого в университетах. Даже толерантное ко всему правительство АС на сей раз воспротивилось такому подходу.

И все же перспективы массовой поддержки неонацистов в АС на сегодняшний день невелики. Нет согласия в обществе: митинги правых порой стенка на стенку сталкиваются с еще более массовыми протестами антифашистов и сторонников мультикультурализма. За их спиной все: от университетской профессуры и этнических общин, представляющих около четверти населения страны, до крупных международных корпораций, крайне заинтересованных в доступе к недрам Австралии. Узкий национализм в эпоху глобального увлечения потреблением мало кого увлечет всерьез.

Очевидны и серьезные разногласия в рядах правых политических сил. Группировка Вернуть Австралию (ВА), выступающая против исламизации АС, иногда находит общий язык с партией Одной Нации Полин Хэнсон (ОНПХ); к ним близок и Австралийский альянс свободы, который разделяет опасения по поводу ислама и выступает против абортов и однополых браков, но все они стараются избегать крайних точек зрения. Так, Вернуть Австралию изо всех сил старается дистанцироваться от созданного в 2015 г. ультраправого Объединенного Фронта Патриотов (ОФП), от которого «люди бегали, как от чумы», не желая иметь что-то общее с «откровенно расистскими людьми, исповедующими некие действительно бескомпромиссные взгляды на мусульман в целом».

По приблизительным оценкам, в Австралии насчитывается около 100 известных неонацистов из различных групп, включая «Эскадрилью 88» и «Хэммерскинс» (в США они считаются наиболее организованной группировкой наци-скинхедов). ОПФ выделился из группы Вернуть Австралию

после спора между ее организаторами. Возглавил его бывший главный промоутер социальных медиа в ВА, член неонацистской группы металлистов и самопровозглашенный «Великий Австралийский Патриот», Шерман Берджесс. С ним сотрудничали Нил Эриксон и Блэр Коттрелл – молодые люди с далеко не безупречной репутацией. В сентябре 2017 г. три крайне правых националиста – Коттрелл, Кристофер Шортис и Эриксон – предстали перед судом за то, что выложили в интернет инсценировку казни помусульмански – обезглавливание манекена с игрушечным мечом перед зданием городского совета Бендиго в 2015 г., чтобы выразить таким образом свой протест против строительства мечети здесь, в центре штата Виктория. Мужчины на видео скандировали «Аллах Акбар» и пролили имитацию крови на тропинке и клумбе рядом с горсоветом Бендиго. Они были признаны виновными в разжигании проявлений неуважения к мусульманам и были оштрафованы на $2000. Общественный резонанс был колоссальный – никак не соответствовавший шутовскому деянию; что, впрочем, лишь дало возможность ОФП еще раз прорвать блокаду СМИ и заявить о своих целях.

Объединенный Фронт Патриотов – базирующаяся в штате Виктория австралийская ультраправая националистическая антиисламская организация, которая выступает с уличными протестами против иммиграции, мультикультурализма и ислама. В октябре 2015 г. Берджесс покинул и ОФП, который ряд СМИ и журналистов назвали «группой ненависти». Новый лидер ОФП Б. Коттрелл – судя по выдержкам из его интернет-сайтов – противник феминисток, совсем не политкорректен, далеко «не интеллектуал» да и симпатий к нацизму не скрывает. На счету ОФП с 2015 г. несколько демонстраций и митингов в городах АС, акции протеста антимусульманской направленности, намерение участвовать в предстоявших федеральных выборах 2016 г. с выдвижением своих кандидатов в сенат, публикация агитационных материалов. На пике популярности у них было порядка 50 тыс. последователей. И в мае 2017 года сообщалось, что страницы Б. Коттрелла и ОФП в Facebook были удалены.

В ноябре 2015 г. Б. Коттрелл обратился к 26 тыс. членам группы с видео-заявлением о планах создания собственной политической партии: «Пользуясь случаем, я хотел бы объявить нашу политическую партию. Она будет называться «Стойкость» /Fortitude/. В 2016 г. ОФП преодолел разлад в руководстве и объявил о решении конкурировать на выборах на плат-

форме прекращения «левого предательства и распространения исламизма». В документах партии подчеркивается: «Стойкость» – австралийская политическая партия, рожденная в недрах первого патриотического уличного движения Австралии: Объединенного Фронта Патриотов». Цель ее учредителей – «создать легитимный политический рычаг… для уличных акций ОФП» и изменить отношение австралийцев к своей стране, «возрождая чувство общности, гордости, чести и долга». Лозунги партии: «Ради нашего народа и нашей страны. Поднимайтесь без страха» /For our people and our country. Rise Without Fear/. «Наши намерения заключаются в том, чтобы вести нашу нацию идеологически последовательным путем, при котором… интересы австралийцев и наша конституция считаются крайне важными». В числе мер, «которые необходимо принять немедленно», значились прекращение всей мусульманской иммиграции и строительства мечетей в АС; освобождение от должности всех членов парламента и общественных деятелей, «признанных нарушающими конституцию Австралии и использующих свое влияние для подрыва австралийского гражданства»; «полное реформирование государственной образовательной программы: возобновление образования для развития и укрепления нации взамен системы индоктринации, которая сегодня подменяет образование»; «выдвинуть федеральное обвинение в заговоре и государственной измене, которое будет предъявлено основным органам средств массовой информации, подозреваемым в подрыве и деконструкции австралийского гражданства». В числе основных требований: налоговая реформа в интересах «австралийского рабочего, владельца малого бизнеса и единоличного собственника»; иммиграционная реформа с учетом реальных потребностей страны и приоритетов для австралийских специалистов; реформа социального обеспечения, в рамках которой помощь оказывается сугубо целевым способом, «защищая при этом законных кандидатов на социальное обеспечение». В программе партии критиковалась практика «принятия внешнеторговых сделок в рамках "свободной торговли", которые приносят очень мало и зачастую вовсе не приносят пользы Австралии»; призыв «прекратить продажу наших национальных активов, в частности инфраструктуры; жесткое регулирование иностранной собственности, в частности китайской собственности на наше сельское хозяйство».

По сути, эти положения означают отказ от основ социально-экономического курса правительства. Но очевидно и то, что ничего сугубо

нацистского или фашистского в платформе этой части австралийских крайне правых нет; скорее, это – типичное правопопулистское движение, во многом совпадающее с требованиями, скажем, той же представленной в парламенте партии Одной Нации П. Хэнсон. Настроения сторонников этих постулатов сформулировал один из лидеров «Стойкости» Деннис Хатс из Перта: «Большую часть своей взрослой жизни я испытывал глубокое чувство разочарования, видя постоянное погружение австралийской культуры в марксистское забвение. Когда я нашел ОФП и их страсть к восстановлению того, что мы потеряли, я знал, что должен быть частью этого. Платформа ОФП обращается прямо к сердцу нации и подрывает базу истеблишмента до ее основ». Здесь, видимо, и следует искать истоки неприязни к правым популистам со стороны власть имущих. Но именно на этой основе ОФП легко может скооперироваться на выборах с той же ОНПХ. Правда, среди зарегистрированных на 2017 г. австралийских политических партий «Стойкость» не числилась.

В свете этого, лозунги и символы нацизма в публичных акциях выглядят, скорее, либо криком отчаяния (вот до чего мы дошли!), либо угрозой (вот, что будет, если к нам не прислушаются!). В любом случае – это вызов политике экономического рационализма со стороны рядовых слоев молодежи АС. И главная опасность – именно в этом: молодым умам свойственна незрелость, но именно на их настроениях к власти приходят реально опасные радикальные шовинисты.

Вопрос расширения популярности и силы неонацистов упирается в их финансовую и общественную поддержку. Говорить о денежных ресурсах нет возможности: такие данные, если и есть, нигде не публикуются. СМИ освещают все это по большей части как крайне негативные явления, повторяя одни и те же детали и воздерживаясь по существу от серьезного анализа. В настоящее время митинги антифашистов численно превосходят собрания неонацистов, но не стоит и полностью сбрасывать со счетов, что в стране есть значительные слои, где потенциальная поддержка неонацистов возможна. Особенно настораживает, что в их рядах именно молодые люди – будущее страны. Во всяком случае, ни в коем случае нельзя игнорировать этих явлений: история учит, что в свое время никто не брал во внимание ни ефрейтора А. Гитлера, ни его партию. Во что вырастут движения сторонников неонацизма в АС, пока остается только гадать.

Утешает то, что у большинства людей с годами приходит мудрость, и убеждения, как правило, меняются в сторону большей умеренности. Можно тут вспомнить растиражированное высказывание, приписываемое всем знаковым политикам прошлого: «У того, кто не был в молодости либералом/радикалом/социалистом, нет сердца; у того, кто с годами не стал консерватором, нет ума». Кроме этого, весьма гипотетического во всех отношениях, тезиса, более оптимистические надежды внушает то, что политический класс Австралии всегда обладал достаточным запасом прочности и практической сметки, чтобы предотвратить крушение страны и ее государственности в самых непростых ситуациях. И еще одно наблюдение в пользу более плавного развития ситуации: наибольшая активность крайне правых развернулась в период предвыборной кампании 2016 г. Это дает основания видеть в ней один из способов давления – заставить элиты прислушаться к своим требованиям. К концу 2017 г. новых сообщений на сайтах неонацистов стало гораздо меньше, не говоря уже СМИ, которые всегда старались по возможности замолчать их акции.

Таким образом, на данный момент мало оснований считать серьезной угрозу развития неонацизма в АС. Это, скорее, крайне болезненная реакция той части населения, которая испытывает давление и дискомфорт от курса мультикультурализма, политкорректности и экономического рационализма, которая видит в них прямую угрозу национальной идентичности страны и которая убедилась, что ведущие политические партии не слышат их. Лозунги и демонстрация нацистской символики носят явно демонстративный характер, призванный привлечь как можно больше внимания, пусть и негативного, к затронутым и очень болезненным проблемам. Здесь напрашивается некая параллель с профашистскими настроениями 1930–40-х годов. Тогда часть осевших в АС эмигрантов из России воспринимала гитлеровскую Германию как «хоть какую-то силу, способную уничтожить ненавистный белым русским большевистский режим в СССР». Массовой симпатии такая позиция не вызывала ни тогда, ни в наши дни; и как русские поклонники фашизма военной поры, так и нынешние австралийские неонацисты тут же попали в поле зрения спецслужб. Но эта аналогия лишь объясняет механизм возникновения откровенно экстремистских лозунгов и настроений и обращения молодежи к крайним мерам общественного давления. Будем же надеяться, что присущий австралийцам политический прагматизм, как и ранее, даст стране шанс на устойчивое развитие.

ПЕРВЫЙ ВИЗИТ БРИТАНСКОЙ РАБОЧЕЙ ДЕЛЕГАЦИИ В СОВЕТСКУЮ РОССИЮ В ВОСПОМИНАНИЯХ ЕЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ Б. ТЕРНЕРА

Суслопарова Е. А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, исторический факультет, г. Москва, Россия, susloparovaelena@rambler.ru

В мае-июне 1920 г. в Советскую Россию посетила первая рабочая делегация из Великобритании, состоявшая из представителей лейбористской партии и тред-юнионов. Ее председателем был известный лейбористский деятель, один из руководителей национального профсоюза текстильщиков Бен Тернер. По итогам поездки делегация опубликовала в Великобритании достаточно подробный отчет, отразивший общие впечатления гостей относительно тяжелого социально-экономического состояния страны, однако имевший в большинстве случаев нейтральную тональность [5]. Этот визит в разные годы затрагивался на страницах работ как зарубежных, так и отечественных историков [1, 2, 3, 6]. Тем не менее индивидуальное восприятие Советской России участниками поездки было различным. Как вспоминал сам Б. Тернер, «мы не были между собой во всем согласны. Часть была настроена прореволюционно, часть антиреволюционно, некоторые же являлись беспристрастными исследователями» [9: 218].

Опубликованные в Великобритании авторские свидетельства очевидцев в самом деле были различны. Например, один из участников делегации Р. Уильямс, будущий коммунист, с энтузиазмом воспринял увиденное [10]. Представительница правого лейбористского фланга Э. Сноуден, напротив, издала в 1920 г. книгу, в которой подвергла критике жестокость большевистского режима, отсутствие свободного профсоюзного движения, насаждение в школах коммунистической идеологии, милитаризацию труда [8].

Немалый интерес в этой связи представляет вопрос, какое впечатление Советская Россия произвела в 1920 г. на председателя британской делегации. В отличие от большинства своих коллег, посетивших наряду с Петроградом и Москвой, ряд других городов и даже доплывших на пароходе из Саратова до Астрахани, Тернер из-за занятости покинул Россию раньше, в основном сумев составить мнение только о двух столицах.

Прежде всего, председатель британской делегации был поражен гостеприимством большевиков и размахом официального приема. «Двадцать тысяч человек, - вспоминал он ночное прибытие в Петроград из Нарвы, - собрались на станции, чтобы приветствовать нас с оркестром и флагами» [9: 215].

В Петрограде и Москве Тернеру запомнились многочисленные посещения фабрик, предприятий, в частности огромного Путиловского завода. Везде гостей встречали местные рабочие активисты, члены фабричных советов. Они, отмечал Тернер, «как дети радовались своей новой власти и были горды революцией». Советские собеседники настойчиво интересовались, когда революция свершится в Великобритании и искренне недоумевали, что мешает последовать их примеру. В то же время главе делегации довелось поговорить и с людьми, недовольными либо режимом в целом, либо отдельными его проявлениями. Например, он вспоминал беседу с пожилой женщиной, сокрушавшейся, что советская власть разрушила «очарование и славу» Петербурга, разговор с художником на шерстяной фабрике, огорченным, что иностранные коллеги, работавшие ранее вместе с ним, покинули Петроград, а новые кадры не имеют должной квалификации и подготовки [9: 216, 225].

В целом в воспоминаниях участников делегации 1920 г. можно встретить довольно существенные расхождения относительно того, насколько внимательно большевики следили за каждым их шагом. Так, например, Э. Сноуден в книге «Сквозь большевистскую Россию» утверждала, что делегация находилась под очень строгим присмотром, поскольку ее практически везде сопровождали многочисленные представители новой власти [8: 48-49]. Р. Уильямс, напротив, заявлял, что члены делегации «интервьюировали, кого желали» и могли беспрепятственно беседовать как со сторонниками, так и противниками режима [10: 14]. Б. Тернер со своей стороны писал, что разговоры о том, что за делегацией все время «шпионили» в целом были лишены оснований [9: 216]. В официальном отчете 1920 г. также было предусмотрительно сказано, что британцы имели в России полную свободу передвижения и изучения [5: 6].

Петроград показался главе британской делегации, как, впрочем, и другим ее членам, гораздо более пустынным и заброшенным, в сравнении с Москвой. Большинство магазинов было закрыто, люди на улицах выглядели голодными. Однако Тернер отметил, что был поражен их решимостью оставаться на стороне нового правительства [9: 218].

Довольно подробные воспоминания Тернер оставил о беседе в Москве с В.И. Лениным. Мое первое впечатление, писал он, заключалось в том, что без привычной усмешки он оказался совершенно не похож на того человека, которого мне доводилось видеть на фотографиях. По мнению Тернера, Ленин говорил на прекрасном английском с едва лишь заметным акцентом. В беседе британский гость осмелился сравнить Россию с человеком, только что пережившим страшную болезнь. Ленин его поправил: «скорее операцию». Обратив внимание, что Тернер не склонен во всем одобрять большевистские методы, советский руководитель выразил недоумение тем, что британцы обвиняют большевиков и одновременно отдают должное кровавой Великой французской революции. «Вы осуждаете русскую революцию, потому что она случилась в ваше время… ругаете русских за жестокость и приветствуете французов как братьев», - заявил Ленин [9: 220].

Тернер счел возможным возразить, что защищать одну революцию лишь указанием на то, что другая была еще более безжалостной, неправомерно, поскольку кровопролитию нет оправданий. На предсказания Ленина о том, что в Великобритании социалистическая революция также будет предшествовать созданию социалистического правительства, Тернер возразил, что в его стране «революции» происходят каждые пять лет путем всенародного голосования на выборах [9: 220-221].

Любопытно, что глава британской делегации, судя по его воспоминаниям, оказался более решительным критиком большевистского режима именно в разговоре с Лениным. Так, например, стенограмма его официального выступления перед советскими рабочими в Петрограде 12 мая 1920 г. содержала в основном лишь слова одобрения и поддержки [4: 24-25]. Скорее всего, Тернер в тот момент не счел нужным подбрасывать «ложку дегтя» перед лицом огромного количества восторженных, встречавших его людей, поскольку прекрасно осознавал, что в такой обстановке это было лишено всякого смысла. В целом, несмотря на явные расхождения в ходе беседы, Ленин произвел на Тернера самое глубокое впечатление. «Он одна из немногих крупнейших фигур XX столетия, - заявлял британец в книге воспоминаний, изданной в 1930 г. – Он создал новый мир и помог разрушить прогнившую Россию» [9: 221].

Описывая поездку, Тернер затрагивал также религиозный вопрос. По его словам, в цехах Путиловского завода он заметил немало икон, что свидетельствовало, что большевикам пока не удалось покончить с религией

[9: 216]. Довольно мрачные воспоминания у британца оставила еда советских людей, в особенности сырая селедка и черный хлеб. Водка, писал он, была запрещена. В то же время глава делегации утверждал, что представители советской власти сами подавали пример «спартанского» образа жизни и пребывали в той же бедности, что и остальные [9: 217].

Меня часто спрашивали, боялся ли я чего-либо в России, вспоминал впоследствии Тернер. Единственным моим страхом было заболеть или отравиться. Люди меня нисколько не испугали. «Они были в наивысшей степени добрыми и обходительными» [9: 222]. Характерно, что столь лестное впечатление о простых людях осталось и у других участников делегации.

Публичные заявления Тернера по возвращении в Великобританию свидетельствовали, что масштаб свершившихся в России перемен произвел на него, человека, никогда не являвшегося левым радикалом, заметное впечатление. Большевики «ликвидировали лендлордизм… они пытаются низвергнуть капитализм, мы же пока приняли лишь тысячи резолюций, заявляющих, что сделаем то же самое», - заявил он на ежегодной лейбористской конференции в июне 1920 г. [7: 136]. Несмотря на приведенный выше спор с Лениным, Бен Тернер покинул Советскую Росси, будучи твердо убежденным, что ее население имеет право само решать свою дальнейшую судьбу, а иностранная интервенция и блокада в любом случае не могут быть оправданы.

Примечания.

1.Гурович П.В. Первая делегация тред-юнионов и лейбористской партии в Советской России // Новая и новейшая история, 1973, № 4.
2. Суслопарова Е.А. Советская Россия в 1920 г. глазами англичанки Этель Сноуден // Вопросы истории, 2017, № 9.
3. Уайт С. Устанавливая контакты: британские лейбористы в России. 1920 // Британия и Россия. М., 1997.
4. British Labour Delegates in Red Petrograd. The Plenum of the Trade Unions Council of the Province of Petrograd. 12-th May 1920. (Speeches and Resolutions). Petrograd, 1920.
5. British Labour Delegation to Russia 1920. Report. L., 1920.
6. Graubard S.R. British Labour and the Russian Revolution 1917-1924. Cambridge (Mass.), 1956.
7. Report of the 20-th Annual Conference of the Labour Party. L., 1920.

8. Snowden E. Through Bolshevik Russia. L., 1920.
9. Turner B. About Myself, 1863-1930. L., 1930.
10. Williams R. The Soviet System at Work. L., 1920.

ЗАГАДКА «РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Усманов С. М.

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, orvozi@rambler.ru

В начале двадцать первого века термин «русская цивилизация» стал употребляться в России очень многими, в частности, государственными и общественными деятелями, мастерами культуры, учеными, публицистами. И это представляется в чем-то парадоксальным. В самом деле, русский народ постепенно уменьшается в своей численности, во многих государствах на постсоветском пространстве подвергается гонениям применение русского языка (а самой России русский язык всячески засоряется и коверкается), тяжелый кризис переживает современная русская культура. Да и вообще в нынешней российской действительности все еще преобладает такой узнаваемый социальный тип, как «советский человек», со всеми его духовными и культурными изъянами.

Так что устремленность многих наших соотечественников к «русской цивилизации» представляется своего рода загадкой. Которую, безусловно, стоит разгадывать. Ибо это само по себе поможет нам уяснить более определенно многие проблемы, стоящие перед нашим государством и нашим народом, а потому будет способствовать выходу на действительно новые горизонты будущего.

Прежде всего, стоило бы выяснить – какие именно качественные характеристики усматривают в проблематике «русской цивилизации» приверженцы и пропагандисты данного концепта. Если отбросить общие бессодержательные утверждения, которых – надо это особо отметить – в таких рассуждениях всегда очень много, то в основу специфики «русской цивилизации» обычно кладут несколько главных принципов. В их число,

как правило, включаются такие основы, как державность, соборность, справедливость. Нередко также дается отсылка и к православной традиции.

Однако цельности и последовательности подобные рассуждения обычно не имеют, поскольку зачастую отражают сумбурное соединение элементов самосознания по сути различного происхождения – советского, западного (нередко в его леворадикально-антикапиталистическом варианте), православно-русского. Так что в данном контексте оказываются небеспочвенными едкие замечания польского русиста Анджея де Лазари о том, что в нынешней России русское, российское и советское перемешано самым беспорядочным и причудливым образом. Добавим от себя – потому-то подчас защитниками «русской цивилизации» от нынешней российской политической элиты выставляли себя и теперешние российские коммунисты.

Чтобы избавиться от такого неконструктивного синкретизма, стоило бы обратиться к наследию золотого века русской культуры, в частности к разработкам Н.Я. Данилевского И К.Н. Леонтьева. В самом деле, для действительно полноценного научного обсуждения проблематики «русской цивилизации» нельзя обойтись без обращения к опыту осмысления исторического пути России в отечественной общественной мысли XIX столетия — поскольку именно тогда появилась концепция «культурно-исторических типов» Николая Яковлевича Данилевского, что стимулировало и других представителей российской общественной мысли той эпохи к обсуждению цивилизационной тематики.

Показательно, что уже сам Данилевский наряду с понятием «культурно-исторический тип» использовал и термин «цивилизация». При этом необходимо учесть, что для Данилевского «цивилизация» есть завершающий этап развития «культурно-исторического типа». И в этом смысле, как отмечал Николай Яковлевич, «(…) по употребительному метафорическому способу выражения, Европа есть сама германо-романская цивилизация». Как известно, Данилевский предвидел возможность появления «особой славянской цивилизации», главная роль в созидании которой должна будет принадлежать России — «единственной независимой представительнице» славянского мира. Но, согласно соображениям Данилевского, это только возможность. Или славянство образует «один из самобытных культурных типов всемирной истории», или же «ему предназначено второстепенное

значение вассального племени, незавидная роль этнографического материала (…)».

В сущности, Данилевский обозначил только возможность появления «славянской цивилизации» во главе с Россией. Более основательно разработали эту проблематику российские мыслители последней трети XIX – начала XX вв. И здесь прежде всего необходимо назвать Константина Николаевича Леонтьева, который выдвинул теорию развития культуры от первоначальной простоты к «цветущей сложности» и затем к вторичному смесительному упрощению, что означает уже смерть самого общественного организма. Но не менее существенно то, что Константин Николаевич отнюдь не удовлетворялся выдвижением собственной новой теории развития человеческих обществ.

Еще более важным для него были практические последствия данной теории для России. Одно из наиболее исчерпывающих объяснений на этот счет мы находим в его письме к княгине Е. А. Гагариной 24 апреля 1889 г.: «Что мы такое: действительно ли мы новый культурный мир, как думал Данилевский, орудие ли примирения Церквей без всякой особой гражданской оригинальности, как желает и надеется Влад. Соловьев, или, наконец, мы таим в загадочных недрах нашей великой отчизны зародыш самого ужасного отрицания и цинизма (иногда, увы, думается, признаюсь и так!) задатки самого гнусного и кровожадного хамства (равенства то есть); во всяком случае, наше призвание, огромное и грациозное, еще далеко не исполнено, и потому «горе тому, кто станет на дороге, этому не нами, а свыше предначертанному стремлению»».

При всем том, Леонтьев в конце своего письма к княгине Гагариной опять возвращается к мысли о наиболее благоприятном варианте развития России, какое он мог предполагать тогда, в эпоху правления императора Александра III: «Графу Дмитр. Андр. Толстому относительно сословных его реформ продолжаю горячо сочувствовать и очень рад, что он берет верх. Прочно ли все это только? Дворянство наше ужасно легкомысленно, и русских настоящих в его среде очень мало. Я думаю все-таки, если новая сословность у нас утвердится хоть на 100 лет, то прав до известной степени Данилевский: **будет своя цивилизация** (выделено нами — С. У.)».

Такую перспективу развития России Леонтьев обосновывал вплоть до конца 1880-х гг. как возможную и наиболее благоприятную. Но в письмах Константина Николаевича 1890 – 1891 гг. мы видим несколько иные настроения. Леонтьев приходит к выводу, что «не выйдет» той «новой сла-

вянской культуры, в которую верил Данилевский». И сам объясняет главную причину: «хамства у нас слишком много». Хотя дело не только в новейшем «хамстве», но и в славянах как таковых, духовные и культурные качества которых Леонтьев, как известно, ставил весьма невысоко. Приведем наиболее существенное объяснение на этот счет самого Константина Николаевича из письма священнику Иосифу Фуделю 19 – 31 января 1891 г.: «И если даже допустить, что Романо-германский тип, несомненно разлагаясь, уже не может в нынешнем состоянии удовлетворить все человечество, то из этого вовсе еще не следует, что мы, славяне, в течение 1000 лет не проявившие ни тени творчества, вдруг теперь под старость дадим полнейший 4-х оснóвный культурный тип, как мечтает и даже верит Данилевский».

Подведем основные итоги наших изысканий.

1. Насколько нам известно, ни Н. Я. Данилевский, ни К. Н. Леонтьев не дали обоснования будущей «русской цивилизации» – ни по сути, ни по форме.

2. Н. Я. Данилевский видел Россию органической частью славянского мира и считал для нее благоприятной возможностью войти в будущую славянскую цивилизацию, если таковая разовьется при подходящих условиях.

3. К. Н. Леонтьев невысоко ценил политические и культурные возможности славянских народов, но допускал вероятность образования славяно-азиатской цивилизации на основе православной традиции во главе с Россией и с обязательным политическим и духовным центром в Царьграде (Константинополе). Однако в последние годы своей жизни (в 1880 – 1891 гг.) Леонтьев пришел к выводу, что эта перспектива останется неосуществленной ввиду недостаточной духовной и культурной зрелости России.

4. В нынешних обсуждениях цивилизационных аспектов развития современной России было бы очень уместно избегать безответственных манипуляций с термином «русская цивилизация». Напротив, внимательное и вдумчивое отношение к ценному опыту отечественной общественной мысли XIX — начала XX вв. позволило бы существенно усилить и обогатить наши анализы закономерностей и перспектив социально-политических трансформаций в современном мире и места в них России.

Г. Е. ЗИНОВЬЕВ НА IV СЪЕЗДЕ НСДПГ В ОКТЯБРЕ 1920 г.: ИСТОРИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Черноперов В. Л.

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия
vlchernoperov@rambler.ru

В октябре 1920 г. в Галле собрался IV съезд Независимой социал-демократической партии Германии. Из Советской России на форуме присутствовали председатель Исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьев и лидер Всероссийского центрального совета профессиональных союзов А. Лозовский. Эти высокопоставленные большевики должны были выполнить задачу, обозначенную еще в воззвании I Конгресса III Интернационала, – расколоть НСДПГ, в которой советские лидеры выделяли меньшевистское (иногда эсеровское) контрреволюционное руководство и революционную рядовую массу. При этом в кремлевском ареопаге явно преувеличивали влияние на НСДПГ коммунистических идей.

Оценкам вождей ИККИ и РКП(б) противостояли наблюдения «полулегального полпреда» РСФСР в Германии В.Л. Коппа, который скептически относился к силе КПГ и в донесениях московскому руководству ратовал за выстраивание отношений со всеми движениями Веймарской Германии, включая националистические. При этом он предрекал, что в случае раскола НСДПГ к КПГ перейдет меньшинство (АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 73. Д. 1038. Л. 40).Однако Москва замечания В. Коппа оставила без внимания, и он был вынужден заниматься организацией приезда на съезд Зиновьева и Лозовского, их безопасностью и финансовым обеспечением.

На форуме в Галле во время выступления Зиновьева, как с удовольствием вспоминал сам оратор, «нервное напряжение» достигло «крайней степени». Он подверг резкой критике лидеров НСДПГ, призвал членов этой партии переходить к коммунистам, готовиться к захвату власти и оправдывал массовый революционный террор. Речь Зиновьева одна часть зала поддерживала аплодисментами, другая – встречала бурными протестами. В конце концов, по убеждению лидера ИККИ, его выступление стало победой коммунистических идей, что и отразило голосовании – 236 делегатов высказались за присоединение НСДПГ к Коминтерну, против –

156. За победными цифрами председатель ИККИ «не заметил», что эффект от его слов был заметно снижен речью Ю.О. Мартова, которую зачитал А.Н. Штейн, а главное, того, что от НСДПГ к КПГ, как и прогнозировал Копп, перешло меньшинство – из 893 тыс. членов партии не более 300 тыс.

Съезд НСДПГ имел далеко идущие последствия. КПГ превратилась в массовую партию. Ее сила в Москве будет постоянно преувеличиваться все последующие годы Веймарской республики. Это, в свою очередь, повлияет на решения руководства РКП(б)/ВКП(б) и Коминтерна о поддержке вооруженных выступлений КПГ («мартовской акции» 1921 г. и «немецкого Октября» 1923 г.). На эти и другие проекты немецких коммунистов советское государство потратит (по большому счету, впустую) значительные средства, которые могли быть использованы на собственные нужды. Неверные оценки КПГ оказали также пагубное влияние на выстраивание тактики и стратегии внешней политики РСФСР/СССР. Сразу после галльского съезда В. Копп в донесениях Москве отмечал, что официальный Берлин раздражен словами Зиновьева и поведением Лозовского. Правительство увидело в словах лидера ИККИ «начало нового пропагандистского похода Советской России против буржуазного Запада» (АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 73. Д. 1038. Л. 49). Влиятельные же немецкие националисты «после хмельного угара» надежд на возрождение Великой Германии, который имел место во время наступления Красной армии на Варшаву в августе 1920 г., в момент работы галльского съезда переживали «горькое похмелье». После речи Зиновьева они начали требовать прекращения сношений с РСФСР. В результате «дело Зиновьева и Лозовского» наряду с неурегулированным «делом Мирбаха» в условиях военных неудач Красной армии серьезно охладило советско-германский диалог, набравший летом 1920 г. хорошую динамику.

Раздел II. Молодые ученые и студенческая наука

«СКИФЫ В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ»

Букин А. В.

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия bukin.alexander1993@yandex.ru

Ранняя история скифов связана с военными походами в страны Передней Азии. Свидетельства об этом содержатся у античных авторов и прежде всего у Геродота. Первое упоминание скифов на Древнем Востоке относится к 70-м годам VII в. до н.э., когда скифы под предводительством Ишпакая в качестве союзников Мидии и страны Манна выступают против Ассирии. [1: 166] С этого времени они действуют иногда вместе с киммерийцами, но чаще отдельно от них вплоть до начала VI в. до н. э.

При царе Партатуа (Прототии, по Геродоту), вероятно, наследнике Ишпакая, убитого в ходе войны с Ассирией, Асархаддону удалось привлечь скифов на свою сторону и заключить с ними союз, которому они довольно долго были верны [1: 164]. Благодаря поддержке скифов ассирийцы удачно отражали атаки мидян и осаждали важные центры Маннейского царства. После Партатуа царём скифов стал его сын Мадий, при нём мощь скифов возросла. Судя по письменным источникам, скифы совершили особенно много различных удачных военных выступлений в Передней Азии. В 50-х годах VII в. до н.э. Мадий со своим войском был направлен ассирийским царём в Малую Азию, где вёл успешную войну с киммерийцами и трерами. В 623-622 гг. до н.э. скифы спасли столицу Ассирии Ниневию от осады мидян. Как говорит Геродот [1: 166], Мадий разгромил мидийского царя Киаксара, когда тот осаждал Ниневию, и установил скифскую гегемонию в Азии. При Мадии же скифы прошли через Месопотамию, Сирию, Палестину и достигли Египта, где фараон Псамметих I (умер в 610 г. до н.э.), «выйдя навстречу, дарами и просьбами убедил далее не придвигаться» [1: 166]. Несколько позднее скифы изменили ослабевшей Ассирии и перешли на сторону окрепшей вавилонско-мидийской коалиции. В 612 г. до н.э. они вместе с мидянами и вавилонянами овладели Ниневией. Победители захватили огромную добычу и множество пленных.

Господству скифов в Передней Азии положил конец мидийский царь Киаксар. Как пишет Геродот[1: 166], он заманил скифских предводителей

на пир и там, напоив, перебил. «Таким образом», – заключает Геродот, — «мидяне спасли своё царство и овладели теми землями, которыми владели и прежде». Считается, что после вероломного истребления скифов Киаксаром основная их часть ушла в Северное Причерноморье. Оставшиеся добровольно подчинились мидянам, но вскоре между скифами и Киаксаром произошёл конфликт, и скифы ушли в Лидию. Вспыхнувшая в 590 г. между Лидией и Мидией война, окончившаяся в 585 г. до н.э. поражением Лидии, привела к тому, что, по условию мирного договора, скифы должны были уйти туда, откуда пришли, т.е. в Северное Причерноморье[4: 179].

Геродот довольно красочно и, как кажется, правильно описывает характер скифской гегемонии в Передней Азии: «Скифы владычествовали над Азией в течение 28 лет и все опустошали своим буйством и излишествами. Они взимали с каждого дань, но, кроме дани, совершали набеги и грабили, что было у каждого народа»[1: 166].

Археологическим подтверждением скифских походов в Передней Азии являются находки скифских стрел в Месопотамии, Сирии, Египте и Закавказье в памятниках VII - начала VI в. до н.э., особенно из оборонительных стен городов. Реже встречаются скифские акинаки. Скифами, в частности, была взята, разрушена и сожжена одна из северных крепостей Урарту - Тейшебаини, под Ереваном. Наконечники скифских стрел здесь найдены застрявшими в глиняных стенах. В центральном и западном Закавказье, кроме отдельных находок скифского оружия, известны погребения VII-VI вв. до н.э. с комплексами вещей скифской материальной культуры, видимо, принадлежавшие скифским воинам, погибшим на чужбине [7: 35].

Время скифской гегемонии в Передней Азии по-разному определяется исследователями. И.М. Дьяконов относит её приблизительно к 652-625 гг. до н.э. [4: 288]. Но более распространено в нашей науке мнение, определяющее этот период отрезком между 625 и 585 гг. [5: 236], что более соответствует хронологии Геродота. Сторонники ее, такие как Артамонов М.И. [2: 56], Граков Б.Н. [3: 19] считают, что отмеченные Геродотом 28 лет относятся ко времени между падением Ниневии в 612 г. и заключением мира между Мидией и Лидией в 585 г. до н.э.

Серьезные расхождения между исследователями имеются и по ряду других вопросов, связанных с пребыванием скифов в Передней Азии. Наиболее важный из них - вопрос о том, существовало ли достаточно стабильное скифское царство на территории Передней Азии, а если существо-

вало, то где и каковы его границы. Сторонники существования царства [4: 272] помещают его в разных местах Закавказья, но чаще всего — в юго-восточном Закавказье, на территории Азербайджана. По мнению других учёных, определенной скифской территории в Передней Азии в VII-VI вв. до н.э. вообще не было[3: 12]. Граков Б.Н. считает, что военные походы скифов в Переднюю Азию совершались время от времени и непосредственно из Северного Причерноморья.[3: 12] Присутствие скифов во время переднеазиатских походов можно предполагать лишь в центральном и западном Закавказье. Именно здесь мог находиться форпост и в то же время непосредственный тыл скифов в Передней Азии. «Однако полагать здесь политическое объединение, возглавляемое скифами, оснований, как кажется, нет. Скорее всего это были отдельные племена, отнюдь не всегда действовавшие согласованно»[7: 42].

Довольно длительное пребывание скифских военных отрядов в странах Передней Азии оказало сильное влияние на скифское общество и культуру. Скифские вожди научились ценить роскошь и стремились подражать восточным владыкам. Скифская материальная культура обогатилась передневосточными элементами, а искусство впитало в себя многие передневосточные сюжеты и приемы их передачи.

Скифы, вернувшиеся из походов в Северное Причерноморье, как пишет Геродот, выдержали войну «не меньше мидийской» с потомками рабов, с которыми вступили в связь скифские женщины вследствие продолжительного отсутствия своих мужей [1: 317].

Скифское нашествие, расшатывая силы старых держав Востока, способствовало их разрушению, что в свою очередь подготовляло почву для создания новой крупнейшей рабовладельческой державы – Мидийской.

Примечание.

1. Геродот. История / пер. с др.-греч.Ф.Г.Мищенко.-2-е изд.-М.: Академический проект, 2016.-599с.

Литература:

2. Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы: (от появления на исторической арене до IV в. до н.э.). – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1974.

3. Граков Б.Н. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. / Вопросы скифо-сарматской археологии. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954.

4. Дьяконов И.М. История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н.э / Под ред. С.Р. Тохтасьева, В.А. Якобсона. 2-е изд., доп. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008.
5. Пиотровский Б.Б. Ванское царство (Урарту). – М.: Издательство восточной литературы, 1959.
6. Пиотровский Б.Б. Кармир-Блур. – Л.: «Аврора», 1970.
7. Погребова М.Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. – М.: Издательство Наука, 198

ПРЕДПОСЫЛКИ СБЛИЖЕНИЯ ДВУХ ПРОТИВОСТОЯЩИХ СИСТЕМ: ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И РОССИИ

Гужева Д. В.

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, seagale95@mail.ru

В последнее время тема взаимоотношений ЕС и России, проблем и перспектив диалога на современном этапе привлекает внимание многих. Разрушительная Вторая мировая война ослабила страны Европы, но мир, установившийся после, был недолог. В так называемую холодную войну, где главными противостоящими силами были США и СССР, были втянуты в разной степени все страны Европы. Советский Союз в тот момент приобрел большое влияние в мире, что и было использовано нашей страной с целью расширения политического воздействия, распространения идей социализма во всем мире. Из стран Европы, которые были под зоной влияния СССР, образовался Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ) или «восточный блок». Здесь под влиянием СССР были установлены коммунистические режимы, командно-административные системы и уклады экономик по прототипу Советского Союза. Таким положением вещей многие были недовольны, хотя СССР оказывала им значительную финансовую и экономическую поддержку, развивала промышленность, внедряла новые технологии [1].

Однако на Западе идеи социализма и коммунизма воспринимались враждебно, боясь «коммунистической заразы». При влиянии США была создана мощная военно-политическая организация НАТО, целью которой стало усиление американского влияния в мире и соответственно противостояние «восточному блоку» - зона влияния СССР.

В тоже время в Западной Европе набирают силу интеграционные процессы экономического характера в противовес конфронтации СССР и США.

Предпосылками послужившими толчком к развитию интеграции в Западной Европе были: трагический опыт двух мировых войн, завершение процессов преобразования западной общественной системы, где были заложены принципы рыночной экономики, механизмов социальной защиты, политической демократии и правового государства, необходимость защиты от возможных тоталитарных диктатур, сознание того факта, что политика ограничений тормозит экономический и социальный прогресс, что приводит к возрождению национализма, межгосударственных конфликтов и войн. Европа стремилась к миру, сотрудничеству и прогрессу.

Идея глобализации Европы родилась ещё в эпоху раннего средневековья как идеал мирного существования [2], затем о ней было можно прочитать в трудах гуманистов, просветителей, марксистов [3].

Во время Второй мировой войны снова заговорили о необходимости создания «единой Европы» с наднациональной политической структурой, основанной на принципе «баланса сил», но лишь по окончании Второй Мировой войны, в далекие 50-е годы XX века эта идея была воплощена в жизнь[4].

Британский государственный и политический деятель У. Черчилль был первым из лидеров Западной Европы, который призвал к такому объединению. В своей речи в сентябре 1946 года он говорил о «необходимости воссоздания европейской семьи», «федеральной системы в духе Соединенных Штатов Европы».

После этого события общественные, политические и экономические организации выступают за поддержку интеграции Западной Европы, и разрабатывают проекты.

Началом европейской интеграции стало создание в 1951 году Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) под защитой Франции. В состав вошли ФРГ, Италия, страны Бенилюкса, Великобритания, Греция Дания, Ирландия. Принципами этого объединения были постулаты «доктри-

ны» Роберта Шумана о создании Единой демократической и мирной Европы, борющейся за экономическое благосостояние и равноправное сотрудничество[5]. В 1957 году было создано Европейское Экономическое Сообщество (ЕЭС), объединившее Францию, ФРГ, Италию, Бельгию, Нидерланды и Люксембург. Принципы этого объединения базировалась на принципах «четырех свобод» - свободного передвижения товаров, рабочей силы, услуг и капиталов; ликвидации национальных барьеров, а так же единой политике в различных областях социальной и экономической жизни стран-участниц и в перспективе – образовании таможенного, экономического и политического союза [6].

Также в это время было создано Европейское сообщество по атомной энергии «Евроатом». Принципом этого объединения было повышение энергетического потенциала государств-членов, развитие ядерной промышленности, совместные исследовательские работы в этой области, а так же создание общего рынка и сырья и обмен технической информацией [7].

В противовес Англия создает новую экономическую организацию – Европейскую Ассоциацию Свободной Торговли (ЕАСТ), в состав которой вошли Австрия, Дания, Норвегия, Португалия, Швейцария, Швеция и еще Исландия и Финляндия, присоединившиеся позже. Целями создания было предоставление наибольшего благоприятствования в торговле странам-участницам, а так же отмена торговых барьеров и пошлин внутри ЕАСТ [8].

В 60-90-е годы западноевропейская интеграция развивалась за счет принятия новых членов, объединения организаций в единое интегрированное сообщество. В 1965 году был подписан «договор о слиянии» ЕЭС, ЕОУС и Евроатома в систему европейских сообществ, которые впоследствии в 1992 году с подписанием Маастрихтского соглашения превратились в единый Европейский Союз [9].

Примечания:

1. Петров В.И. «СССР и страны центральной и Восточной Европы: взгляд в прошлое // Международная жизнь, 1998, №4, с.66 – 67
2. История Европейской интеграции (1945-1994) М., РАН, 1995, с.72-73
3. Турукис Г. Европа в поисках нового устройства//Мировая экономика и международные отношения, 1999, №5, с. 93-94
4. Ступишин В. Общеевропейский дом и лозунг Соединенных Штатов Европы // Международная жизнь, 1989, №2, с. 98-100

5. Декларация Шумана // Европа и проблемы расширения. М., 1997, с. 121-131
6. Международные экономические организации. М., 1982, с. 134
7. Западноевропейская интеграция: политические аспекты. М., 1985, с. 34-35
8. Европейская Ассоциация Свободной Торговли // Международные экономические организации. М., 1982, с. 189
9. Маастрихтский договор о ЕС // Международная жизнь, 1993, №3 с. 47

СУДЕБНО-ПРАВОВАЯ СИСТЕМА США ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА В ВОСПРИЯТИИ АНГЛИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Котова Н. В.

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Ковров, Россия, kotova.natalya.94@mail.ru

В первой половине XIX века многие европейцы, придерживавшиеся разных политических, религиозных и иных убеждений, часто проявляли интерес к Соединенным Штатам Америки, которые в ходе англо-американской войны 1812-1815 гг. сумели отстоять свою независимость. Свой взор к Соединенным Штатам обращали и жители Великобритании.

Судебно-правовая система США стала одним из объектов рассмотрения социокультурной жизни американского континента. Закрепленные в «Декларации Независимости» и Конституции принципы общественно-государственного устройства были призваны обеспечить построение в США справедливого общества, в котором граждане наделялись широкими возможностями и правами. Важную роль в решении этой задачи предстояло решать правовой сфере, стоящей на страже закона.

Английские путешественники положительно оценивали содержание и функционирование правовой системы. По мнению У. Кобдена, «американцы позаимствовали все хорошее из английского о права, но не взяли

ничего дурного». Путешественник объяснил высокую, на его взгляд, эффективность правовой системы тем, что «каждый человек здесь – ревностный защитник закона, так как знает, что им управляют в соответствии с законами принятыми при его реальном участии» [2].

Г. Мартино полагала, что закон в республике являлся «воплощением желаний народа», поэтому «пока республика остается здоровым государством – без отклонений и значительных пороков – законы работают легко, они уважаемы». Однако стремясь к объективному изображению ситуации в американском государстве, англичанка признавала наличие в нем «порочных явлений»: «недемократизм» функционирования государственных структур, «плутократию» [6].

О тесной взаимосвязи между состоянием законов и моральным климатом в обществе писали и другие британцы. Чаще всего об этом высказывались в негативном контексте критично настроенные путешественники. По мнению Ф. Марриата, законодательство в Америке существовало исключительно «в интересах целесообразности, а не ради морали», что не позволяло поддерживать в обществе законность и справедливость. По словам писателя, демократизированная система законодательства в США способствовала царившему в обществе произволу: законы, которые принимались при широком участии граждан с легкости обходились [5].

Путешественник обратил внимание на постоянную готовность американцев нарушить любое правительственное постановление и привел случай, свидетелем которого стал: «В соответствии с законом, во избежание перегрузки судна и обеспечения безопасности пассажиров, каждый пароход перед рейсом должен получить сертификат о проверке. За нарушение этого требования полагается штраф. Пассажиры парохода, на котором собирался плыть Ф. Марриат, не желая терять времени, в считанные минуты собрали необходимую сумму и, не беспокоясь о последствиях, отправились в плавание. По мнению британца, многочисленные в подобных случаях аварии на речных судах являлись результатом не только легкомыслия пассажиров, но и их пренебрежительного отношения к закону» [5].

Особенно поражала британцев «всеобщая» склонность жителей США к «незаконному бизнесу», то есть мошенничеству, с чем был связан невероятно высокий в Америке спрос на адвокатов, помогавших «законным» путем обходить законы [4].

Популярность профессии адвоката контрастировала с невысоким социальным статусом судей. По словам Ф. Мариата, судьи вызывали у жите-

лей Америки не больше почтение, чем какие-нибудь ремесленники: «Американцы смотрят на судей, как на плотника или медника и даже не догадываются, что исполнение правосудия заслуживает большего уважения. чем ковка меди или выдалбливание днища корабля» [5].

Показателем и, одной из причин такого положения был сравнительно низкий уровень оплаты труда судей. К примеру, 1830-1840 – е гг. в Нью-Йорке судья в среднем получал в год от 1,6 до 3 тыс. долларов, а адвокат – от 3 до 5 тыс. долларов. Еще большей разница в размере жалованья адвокатов и судей была на Юге.

По мнению многих англичан, невысокое жалованье судей способствовало их «склонности за взятки выносить угодные ответчикам решения». Но самая удручающая обстановка была в Джорджии, по сведениям Т. Хэмилтона, «куда стекаются отбросы со всего Союза». За деньги там можно было избежать наказания за любые, «даже самые отвратительные преступления» [4].

В сочинениях путешественников встречаются подробные описания судебных процессов. Ф. Марриат отмечал, что они нередко проходили в «маленьких деревянных домишках», а судьи не имели подобающего им одеяния – мантии и парика.

Ч. Диккенс в целом высоко оценивавший демократические принципы организации судебной системы в США, оставил нескольких ярких зарисовок с судебных слушаний. По словам писателя, во время подобных заседаний предполагаемого преступника тщетно было бы искать на скамье подсудимых, «ибо сей джельтельмен скорее всего разгуливает в окружении самого цвета юридического мира, нашептывая советы на ухо своему защитнику или зачитывая обгорелую спичку перочинным ножом, дабы она могла служить зубочисткой» [1].

Т. Хэмилтон отмечал «недостаток торжественности», фамильярность и даже грубость в организации судебных процессов. Он описал один из них, на котором «свидетель, давая показания, держал одну руку на Библии, а другую – в кармане штанов … при этом шатаясь. Во время другого заседания старший присяжный читал вердикт с полным ртом, не переставая жевать бутерброд» [4]. По словам писателя, ничего подобного нельзя было встретиться в Великобритании, где «судьи и судопроизводство пользуются должным уважением, и соблюдаются все необходимые церемонии».

Серьёзным изъяном правовой системы США Б. Холл считал недостаточную независимость судебной власти от законодательной. По его

сведениям, некоторые местные легислатуры лишали верховные суды своих штатов права объявлять принятые ими законы неконституционными. На взгляд путешественника, слабость американских судов была обусловлена отсутствием слаженно действующей судебно-правовой системы, которая оставалась запутанной и малоэффективной, включая. По словам Б. Холла, отсутствие общегосударственной академической школы права и общефедеральной системы правосудия являлось одним из ключевых препятствий к достижению подлинного политического единства Союза.

Таким образом, в публикациях путешественников нашли отражение различные аспекты функционирования судебно-правовой системы США. Англичане отметили принципиально новый статус судебно-правовой системы. В глазах англичане она не обладала статусом, проявляющийся в упрощенной организации судебных процессов и в пренебрежительном отношении населения к судебном органам и законодательству.

Примечание.

1. Диккенс Ч. Американские заметки // Собр. соч. в 30 т. М., 1958. [Электронный ресурс] / URL: http://lib.ru/INPROZ/DIKKENS/america.txt/
2. Cobden R. The diary in America / R. Cobden // L., 1952. – 291 p. [Электронный ресурс] / URL: https://books.google.ru/books?id=Fw8xCgAAQBAJ&pg=PR26&dq=The+diary+in+America+by+richard+cobden&source=bl&ots=TwygTA0Qg5&sig=En_lxHo7e5uq2JtZl3B5Y197ys&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwiWgNLAz4PNAhWG_ywKHRsLC9gQ6AEIMAE#v=onepage&q=The%20diary%20in%20America%20by%20richard%20cobden&f=false
3. Hall B. Travels in North America / B. Hall // Edinburg, 1829. – Vol. 1-3. [Электронный ресурс] / URL: https://memory.loc.gov/cgibin /query/r?ammem/AMALL:@field(NUMBER+@band(1hbtn+2739a))
4. Hamilton T. Men and manners in America / T. Hamilton // Philadelphia, 1833. – 410 p. [Электронный ресурс] / URL: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc2.ark:/13960/t03[8536c;view=1up;seq=3
5. Marryatt Fr. Diary in America / Fr. Marryatt // Philadelphia, 1839. – 263 p. [Электронный ресурс] / URL: https://archive. org/details/Captain_Marryat_Diary_in_America_Series_One
6. Martineau H. Society in America / H. Martineau // N.-Y., 1837. – Vol. 1-2. [Электронный ресурс] / URL: https://banel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015071158755;view=1up;seq=11.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ США ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Котова Н. В.

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Ковров, Россия, kotova.natalya.94@mail.ru

В первой половине XIX века многие европейцы, придерживавшиеся разных политических, религиозных и иных убеждений, часто проявляли интерес к Соединенным Штатам Америки. Свой взор к Соединенным Штатам обращали и жители Великобритании. Британское отношение к другой стране было различным. Несмотря на общие связи и общность языка, англичане представляли Америку уникальной и самобытной страной.

Для того, чтобы выявить и понять каким же было представление англичан о США впервой половине XIX века, историк обращается к различным данным. В частности, материалы английской мемуаристики, посвященные описанию американского континента, являются ценным ресурсом для изучения реалий американской истории. Хотя большинство английских путешественников не имеют полного и глубокого представления американского общества, ценность их работ для историка более существенна, и важна, чем какой-либо другой исторический источник.

Давая оценку сочинениям английский авторов, М. Бергер назвал их «совершенно уникальным источником по многим проблемам истории США того времени». По словам исследователя, «некоторые важные сведения, обнаруженные в этих работах, нередко помогают перепроверить информацию, полученную из других источников» [2].

Главным объектом их внимания были демократические принципы организации общественной жизни, особенности мировоззрения, социального поведения американцев. Выступая в роли наблюдателя, англичанин максимально смог обобщить социально-политическое развитие США, путем привлечения не только своих наблюдений, но и законодательных актов, статистических данных, прессы и эпистолярных источников.

Кроме этого, авторы сочинений охватили вниманием обширный круг проблем общественно-политического развития, актуальных и для Америки, и для Великобритании. Такой двойной взгляд дает возможность рассмотреть американское общество через приму восприятия англичанина и

позволяет выявить проблемы, социальные противоречия не только американского, но и английского общества.

Исследователи отмечают различный уровень путевых очерков и дневников. Большинство публикаций имеет отрывочный характер, но в руках историка работы английских путешественников дают детальное представление о реалиях американской жизни. Кроме этого, «анализ источников личного происхождения раскрывает идеалы, предубеждения путешественников и их взгляды» [2]. Исходя из этого, публикации британских путешественников можно классифицировать по мировоззренческому признаку, где оценочные суждения об Америке имеют радикальный, консервативный и либеральных характер взглядов.

Согласно различию во взглядах британских путешественников, их сочинения можно разделить на три группы. К первой группе относятся публикации, в которых прозвучали наиболее резкие оценки: «Путешествия в Северную Америку» Б.Холла [5], «Домашние манеры американцев» В.Троллоп [11], «Люди и нравы Америки» Т.Гамильтона [6], «Письма из рабовладельческих Штатов» Дж. Стерлинга [10], «Дневник по Америке» Ф.Марриата [8], «Женщина в Америке» И.Бишоп [3]. Ко второй группе относятся сочинения самых ревностных приверженцев американской республики: «Взгляды на общество и нравы Америки» Ф.Райт [12], «Общество в Америке» Г.Мартино [9], «Дневники» Р.Кобдена [4]. Третью группу составляют публикации, авторы которых, придерживались либеральных взглядов: «Американские заметки» Ч.Диккенса [1], «Западный мир или путешествия в Соединенные Штаты в 1846-1847 гг.» А.Маккея [7].

Сочинения британских путешественников можно классифицировать не только по идеологическому принципу, но и по другим признакам:

1. в зависимости от профессиональной деятельности путешественников, что определило характер мемуарного материала.

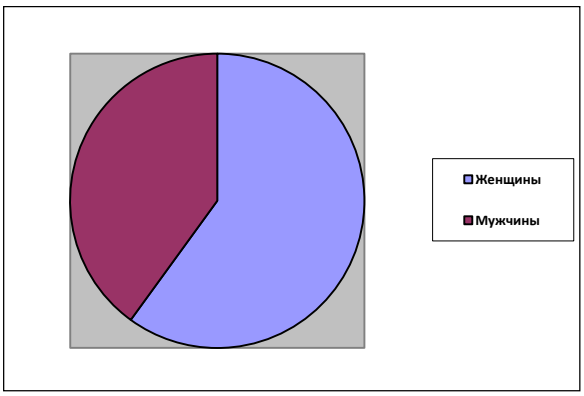
Таблица показывает, что сочинения писателей и журналистов составляют основную часть британской мемуаристики. Путевые заметки и дневники литераторов отличаются более лаконичным, художественным стилем и увлекательным изложением материала в отличие от трудов политических и общественных деятелей, а также юристов, чьи заметки характеризуются четкой последовательностью и приведением логичных суждений и выводов, акцентируя внимание на социально-политических вопросах.

Таблица 1. Профессиональная деятельность английских путешественников.

	литераторы: писатели и журналисты	общественные и политические деятели	юристы
Изабелла Бишоп	×	×	
Томас Гамильтон	×		
Чарльз Диккенс	×		
Ричард Кобден		×	
Александр Маккей	×	×	×
Фридерик Марриат	×		
Гарриет Мартино	×		
Фрэнсис Райт	×	×	
Джеймс Стерлинг			×
Фрэнсис Троллоп	×		
Бэзил Холл	×		

2. по гендерному признаку.

Рисунок 1. Авторы мемуарного материала



Согласно Рисунку 1 авторами мемуарного материала были не только мужчины, но и женщины (около трети британских путешественников). В отличие от мужчин, англичанки обращали внимание на детали, описывая чудеса природы, в частности Ниагарский водопад, горизонт Нью-Йорка, достижения американского общества, а также манеры поведения, привыч-

ки и внешний облик американца. Поэтому анализ публикаций женщин дает более детальное понимание повседневной жизни американцев и их характера.

Таким образом, мемуаристика является одним из главных источников по формированию образа Соединенных Штатов и американской цивилизации у европейцев. Данный исторический источник позволяет ближе познакомиться с различными сторонами жизни американцев, особенностями их характера, нравами и привычками.

Примечание.

1. Диккенс Ч. Американские заметки // Собр. соч. в 30 т. М., 1958. [Электронный ресурс] / URL: http://lib.ru/INPROZ/DIKKENS/america.txt/
Berger M. The British traveler in America, 1830-1860 / M. Berger // N.-Y., 1964. – 232 p.
2. Bishop I. The Englishwoman in America / I. Bishop // Madison, 1966. – 450 p. [Электронный ресурс] / URL: https://archive.org/details/cihm_2846
3. Cobden R. The diary in America / R. Cobden // L., 1952. – 291 p. [Электронный ресурс] / URL: https://books.google.ru/books?id=Fw8xCgAAQBAJ&pg=PR26&dq=The+diary+in+America+by+richard+cobden&source=bl&ots=TwygTA0Qg5&sig=En_lxHo7e5uq2JtZl3B5Y19-7ys&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwiWgNLAz4PNAhWG_ywKHRsLC9g Q6 AEIMAE#v=onepage&q=The%20diary%20in%20 America%20by%20richard%20cobden&f=false
4. Hall B. Travels in North America / B. Hall // Edinburg, 1829. – Vol. 1-3. [Электронный ресурс] / URL: https://memory.loc.gov/cgibin /query/r?ammem/AMALL:@field(NUMBER+@band(1hbtn+273 9a))
5. Hamilton T. Men and manners in America / T. Hamilton // Philadelphia, 1833. – 410 p. [Электронный ресурс] / URL: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id= uc2.ark:/13960/t03[8536c;view=1up;seq=3
6. Mackay A. The Western World, or Travels in the United States in 1846-1847 / A. Mackay // Philadelphia, 1849. – Vol. 1-2. [Электронный ресурс] / URL: https://memory.loc.gov/cgi-bin/query/r?ammem/AMALL:@field(NUMBER+@band (lhbtn+2679a))
7. Marryatt Fr. Diary in America / Fr. Marryatt // Philadelphia, 1839. – 263 p. [Электронный ресурс] / URL: https://archive.org/details/Captain_Marryat_ Diary_in_America_Seri es_One.

8. Martineau H. Society in America / H. Martineau // N.-Y., 1837. – Vol. 1-2. [Электронный ресурс] / URL: https://banel.hathitrust. org/cgi/pt?id=mdp.39 015071158755;view= 1up;seq=11.
9. Stirling J. Letters from the Slave States / J. Sterling // London, 1857. – 374 p. [Электронный ресурс] / URL: https://archive.org/details
10. Trollop Fr. Domestic manners of the Americans / Fr. Trollop // London, 1832. – 454 p. [Электронный ресурс] / URL: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=pst.00000064746;view=1up4seq=2
11. Wright Fr. Views of Society and Manners in America / Fr. Wright // L., 1821. – 387 p. [Электронный ресурс] / URL: https://banel.hathitrust.org/cgipt?id=loc.ark:/13960/t65432n8q;view=1up;seq=6

СИНИЙ ЦВЕТ В ПРИКЛАДНОМ ИСКУССТВЕ ЕВРОПЫ XII в.

Лапшин А. Г.
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, a-lapshin@vlsu.ru
Исаева А. О.
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, anastasiaolololisaeva@gmail.com

Судьба синего цвета в истории визуальной культуры Средневековья необычна. В европейской повседневности раннего Средневековья синий этот цвет играл второстепенную роль. Аристократизм, знатность и власть ассоциировались с красным и пурпурным. Синий цвет в то время был цветом простаков - цветом «эконом класса»: синие красители ткани, полученные на основе переработки Вайды красильной (*Isatis tinctoria*), были легкодоступны и низкокачественны [4]. Синий цвет не использовали в облачениях священников и декорировании церквей. Ситуация изменилась во второй четверти XII в., когда в базилике аббатства Сен Дени были установлены витражи, в которых доминировал синий цвет, полученный с применением кобальта. Благодаря витражам внутреннее пространство базилики наполнилось голубовато-фиолетовым цветом. Базилика аббатства Свя-

того Дионисия стала чудом христианского мира, а цвет стал известен как «*bleu de Saint-Denis*». В последующие годы в других церквях, в том числе в соборе Шартре и Сент-Шапель в Париже, были установлены еще более элегантные синие витражи.

Еще одним важным фактором в повышении престижности синего цвета в XII веке было почитание Девы Марии и изменение цветов, используемых для обозначения ее одежд. В ранние века облачения Богородицы могли быть разных цветов - черного, серого фиолетового, темно-зеленого, синего. В XII в. при создании образов Богородицы стали часто применять краску глубокого синего цвета на основе импортированного из Афганистана Бадахшанского лазурита редкого и дорогого минерала. Синий цвет стал ассоциироваться со святостью, смирением и добродетелью.

Т.о. в XII в. в Европе складывается новый цветовой порядок, где особое значение придается синему цвету. Это не могло не сказаться на цветовой гамме произведений прикладного искусства в Европе.

В середине XII в. во Франции появилась особенная техника обработки эмали, названная Лиможской. Лимож был самым известным центром эмалирования в XII в. Первое письменное упоминание техники выемчатой эмали встречается в тексте, составленном в 1167-1169 годах писцом Томаса Бекета, где он, описывая переплёт книги, находящейся в парижском аббатстве Сен-Виктор, использовал выражение «*opus lemovicense*» [9]. Примечательно, что с именно с этим аббатством связаны поиски мистического значение синего цвета [4].

Самыми ранними работами этой группы считаются реликварии, заказанные графом де ла Марш: например, «Chassse de Bellac", датированный 1120-1140 годами, хранящийся в церкви Церковь Успения Пресвятой Богородицы г. Беллак (Notre-Dame de Bellac) во Франции. В XII-XIII вв. лиможские мастера получили международное признание [7]. Однако, во второй половине XIV в. спрос на продукцию лиможских мастеров падает: в 1370 - когда Черный Принц подавлял восстание – мастерские уже не работали.

В цветовой гамме лиможских работ доминировал синей цвет. Типичный средневековый реликварий в технике Лиможской эмали изображался в синих тонах с позолотой. Из наиболее известных ранних работ можно выделить Chasse de Champagnat (1150) [6], Chasse de saint Calmin (1168-1181), The Becket Casket (1180-1190) [2]. Рассмотрим подробнее реликварий Томаса Беккета. Он представляет собой рельефную шкатулку со

сценами из жизни Святого. Изделие выполнено из позолоченных медных панелей на синем фоне. Взгляду представлена картина восхождения души Святого Томаса на небеса в сопровождении ангелов. Синий цвет можно увидеть и в деталях, так сине-голубым тоном изображены нимбы Иисуса Христа и души Томаса Беккета [8]. Во всех представленных лиможских работах сохраняется практика изображать нимбы святых именно в сине-голубых тонах. Это связано со святостью и сакральностью личности, изображенной на предмете.

Другим центром производства германские земли в областях Мааса, Мозеля, Нижнего Рейна. Замечательным примером работы маасских эмальеров являются наплечники Андрея Боголюбского (армиллы Барбароссы). Наплечники изготовлены в 1170-1180 гг. по заказу императора Фридриха Барбароссы и подарены князю Владимира [5]. Иконографические и технические особенности наплечников позволяют высказать предположение, что наплечники из Лувра и наплечник из Нюренберга входили в разные пары, подаренные одна за другой императором Андрею Боголюбскому и Всеволоду III Большое Гнездо [1].

На наплечниках представлены евангелистские сюжеты, показывающие «Воскресение» и «Распятие» Христово. В цветовой гамме обоих композиций особое место занимает синий цвет. В сюжете «Распятие» [2] представлены Иисус Христос, Дева Мария, Иоанн Креститель, Лонгин и Стефатон, воины-охранники и два ангела. В синие тона превалируют в одеждах персонажей. Но если тона синего вполне естественны в одежде, то синий цвет Голгофы и Креста распятия имеет явно символическое значение. Голгофа в данной сцене изображена в сине-голубых тонах, она обнаруживает большое сходство с облаками, на которых парят ангелы. Сине-голубые облака и Голгофа вместе Распятием составляют композицию, вписанную в треугольник, развернутый вершиной вниз. «Вознесение» представляет нашим глазам Иисуса, окруженного ангелами. Гиматии персонажей традиционно представлены сине-голубым цветом [3].

В европейском искусстве XII века синий цвет изменил свое значение, став цветом религиозности и священного смысла предметов. Синий напоминал верующим о небесах. В важности символического значения синий цвет сближался с золотом – цветом божественной мудрости и воплощением света. Развитие социологии цвета в XIII-XIV вв. продолжится тем, что синий станет «королевским цветом».

Примечания:

1. Дюран Ж. Армила музея Лувра // “Хвалам достойный…” Андрей Боголюбский в русской истории и культуре.– Владимир: ГВСМЗ, 2013. С.41-48
2. Наплечник (Armila). «Распятие», 1170-1180 ca // Wikimedia – URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Armilla,_rhein-maasgebiet,_1170-1180_ca.JPG
3. Наплечник (Armila). «Воскресение Христово» // Святая Русь. Выставочный проект. – URL: http://www.svyatayarus.ru/data/metal_wood/33_naplechnik_armilla/index.php - Дата посещения: 24.02.2018.].
4. Пастуро М. Синий. История цвета. - М.: НЛО, 2015. - 144 с.
5. Родина М.Е. О так называемых наплечниках Андрея Боголюбского. // “Хвалам достойный…” Андрей Боголюбский в русской истории и культуре. – Владимир: ГВСМЗ, 2013. С.49-53.
6. Chasse de Champagnat // The Metropolitan Museum of Art – URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/464559 - Дата посещения: 24.02.2018
7. Crivello F. L’âge d’or de l’opus lemovicense : quelques considérations sur les émaux méridionaux // Perspective: actualite en histoire del’art. - 2/2014 – Antiquité / Moyen Âge – URL: http://journals.openedition.org/perspective/5736?lang=pt – Дата посещения: 24.02.2018.
8. The Becket Casket // V&A's collections. – URL: http://collections.vam.ac.uk/item/O80222/the-becket-casket-casket-unknown/ - Дата посещения: 24.02.2018.
9. Wolf Gibbs De Addison J. Arts and Crafts in Middle Ages. – Boston: L.C. Page & Company, 1914. – Pp. 24-57. – URL: https://archive.org/details/artsandcraftsin01addigoog - Дата посещения: 24.02.2018.

ОСОБЕННОСТЬ КАТОЛИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Орлов С. К.

Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Россия, г. Владимир, osk-vds@rambler.ru

В историографии по исследованию США большое внимание уделяется вопросу взаимоотношения религии и государства.

Еще в Советские годы Ковальский Николай Александрович представлял взаимодействие Ватикана и США, как взаимовыгодный политический союз в борьбе с социализмом в 50-х – 70-х гг. XX века. Такого же мнения придерживались в своих работах и Великович Лазарь Наумович, Лаврецкий Иосиф Ромуальдович. По вопросу Католической Церкви Мчедлов М.П. и Григурилевич И.Р. рассматривали взаимоотношения Ватикана и США только в 60-х, 80-х годах XX века и то в связи с борьбой с социализмом. По мнению Яковлева Николая Николаевича, такое взаимодействие, проходившее также и в 80-х годах со стороны США, было не только с католической, но и с другими христианскими церквами против СССР. Как считает Яковлев Н.Н. в самой Америке огромную роль на влияния политической деятельности страны играла христианская религия.

В современной историографии Исаев С.А. отмечает, что именно религиозная культура является важнейшим вектором двигателя американской истории. Фурман Дмитрий Ефимович видит взаимосвязь идеологии религий с политическим движением в США. Рыбалко О.К. анализирует взаимоотношение Католической церкви и Дрорджа Буша младшего в образовательной политике США. Дараган Наталья Яковлевна определяет степень зависимости этнических процессов от конфессиональной ситуации в США. Мякшин В.И. рассматривает мировоззрение Джона Ланкастера Сполдинга (1840–1916), мыслителя, идеи которого оказали значительное влияние на идеологическое становление американского католичества, которое, по мнению епископа, стало основанием стабильного развития американской демократии. Борзов Алексей Владимирович дает замечательную характеристику положительного влияния католической общественности на политические круги США в 40-е 50-е гг. XX века. Саракаева Ася Алиевна дает лишь оценку влияния католичества на общественные школы США в 60-90-е годы XX века. Паул Джонсон в своей «Истории американ-

ского народа» анализирует деятельность Католической Церкви, начиная с её появления США и заканчивая 90-ми годами XX века в сравнительном анализе с общественным мнением и протестантскими конфессиями США, и считает весьма эффективными методами влияния Церкви на американскую общественность.

Целью данной статьи является анализ особенностей Католической общественности к началу правления Джорджа Буша-младшего.

Особенностью Католическая Церковь в США, является её положение в государстве и обществе. Церковь согласно конституции в США находиться вне государства, но при этом занимает почетное положение в обществе. Несмотря на то, что католическая вера распространялась на протестантской земле, активная позиция католической общественности во второй половине XX по отношению к социально-нравственному развитию общества привела к положительному отношению к католикам. Уважение к Церкви проявлялось как со стороны верующих, так и со стороны неверующих. Признательность и любовь американского общества проявлялось, как к пастырям, проповедавшим с кафедры о нравственных идеалах, так и к верующим, которые всячески поддерживали церковную политику по исправлению общественных нравов. Поэтому влияние на общественное мнение со стороны Католической Церкви во второй половине XX века стало более сильным по сравнению с протестантскими общинами [4].

Однако «демократический дух» американского общества невольно коснулось и самой Церкви. Епископы США создали независимую от Ватикана Конференцию католических епископов США, настолько, что любое официальное обращение к политическим лидерам США идет не о лица Ватикана, а от лица самой Конференции [5]. Священники же, в том числе и настоятели, являются лишь посредниками между епископом и приходом, а все важные события в жизни прихода принимают сообща и наравне с другими прихожанами прихода. В тоже время, католическое священство пользуется огромным доверием прихожан, что влияет на политическую позицию католиков. Среди самих католиков можно выделить тех, кто становиться на политическое поприще и тех, кто поддерживает политические взгляды. Католическая общественность в США играла большую роль в социально-политическом развитии страны. Первое что можно отметить, что Католическая Церковь является самой крупной по численности конфессией в США, число католиков в по официальным данным 1/6, неофициально их может быть гораздо больше. Если сравнить статистические данные по

карте конфессий США и официальные данные верующих от католических приходов, то мы увидим, что территория, населяемая католиками, гораздо больше численности прихожан Церкви. В списки католических приходов входят лишь полноправные католики, которые часто посещают храм постоянно причащаются. Полноправными католиками можно назвать верующих, достигших 15 лет и принявших Дары Святого Духа, через положение на них рук епископа, после того как они сдали катехизис. Лица же только что крещенные, не прошедшие конфирмацию и не посещающие богослужение не зачисляются в официальные списки прихода. Тем не менее есть и такие граждане США, которые причисляют себя к Католической Церкви, но не с особой охотой посещают богослужения, а значит не включены в списки католических приходов. Затрагивая вопрос о положении католиков в США, и сравнивая картографические статистические данные можно предположить, что большая часть страны заселена католиками. В основном на границе Мексики, Канады, Тихого и Атлантического океанов, и затрагивает такие штаты как Вашингтон, Техас, Небраска, Оклахома, Орегон, Иллинойс, Мичиган, Пенсильвания, Нью-Йорк и т. д. Как видим, это густо населенные территории США, поэтому возможность влияния на выборы конгресса и президента со стороны католической общественности представляется весьма значительным фактором в государственной избирательной системе. Об этом свидетельствует факт, что в начале XXI 1/3 конгресса США состояло из католиков, т. к. католики присутствовали как в партии демократов, так и в партии республиканцев. Доказательством данного предположения также служит деятельность президента Джорджа Буша младшего. В своей предвыборной компании в 2004 году призывал католиков голосовать за него католиков. Действительно за Буша проголосовало в 2005 году 52% консервативных католиков [2]. В своей политике Джордж Буш придерживался исключительно консервативных взглядов, которые поддерживало католическая общественность в том числе и Папа Римский. Когда президент посетил Ватикан в июле 2008 года, Папа Бенедикт VI одобрил политику Буша по вопросам запрещения абортов, которые были вне закона, благодаря реформе Буша в 2003 году; отказа от гомосексуальных браков и исследования стволовых клеток, разрешения на которые Джордж не давал на протяжении всего своего правления. Со стороны же Буша было очень важно мнение и поддержка Папы, он был рад положительному решению по вопросу аудиенции Римского Понтифика, т. к. долгие годы добивался этого от Иоанна Павла II, но не мог переломить

принципиальную позицию предшественника Бенедикта VI и его противлению внешней политики США по отношению к Ираку [3]. Несмотря на это Джордж Буш приобрел влиятельную поддержу со стороны католиков США, благодаря своей духовно-нравственной позиции социального развития общества [2].

Позиция самих же католиков в социально-политической деятельности высоко выражена в предвыборной речи президента Кеннеди. С одной стороны, он говорит о том, что «верит в Америку», в этом мы видим протестанско-демократический взгляд на роль Католической Церкви в Америке, а именно то, что каждый американец имеет право свободного политического выбора независимо от мнения Церкви. С другой стороны, обращая внимания на общие проблемы: экспансия коммунизма, голодные дети, отсутствие социальной зашиты населения, рост бедности, Кеннеди продвигает идеи социального учения Католической Церкви: уничтожение нищеты, социального неравенства, обеспечение тружеников работой, землей, борьба с чумой 20 века – коммунизмом. Таким образом мы видим, что, обращая внимания на общие проблемы на политическом поприще, католики продвигают идеи Церкви[1].

Примечания.

1. Владимир А. Католики в стране протестантской этики//Радио Свобода. 25 марта 2013. [Электронный ресурс] - URL: http://www.svoboda.org/a/24938398.html
2. Мария П. Католики помогли Бушу выиграть выборы//Независимая газета. [Электронный ресурс] - URL:http://www.ng.ru/politic/2004-11-17/1_usa.html
3. Audienz beim Papst. Wird US-Präsident Bush katholisch? //Rp. Online. 13. Juni 2008. [Электронный ресурс] - URL: http://www.rp-online.de/politik/ausland/wird-us-praesident-bush-katholisch-aid-1.2306440
4. Paul Johnson. A history of the American people. - New York, 1997.
5. United States Conference of Catholic Bishops. Letter To President George W. Bush On Deteriorating Situation In The Holy Land. 2004. [Электронный ресурс] - URL:http://www.usccb.org/issues-and-action/human-life-and-dignity/global-issues/middle-east/israel-palestine/letter-to-president-bush-from-bishop-gregory-on-deteriorating-situation-in-the-holy-land-2004-04-13.cfm

РОЛЬ П. Н. ИГНАТЬЕВА В ПОДГОТОВКЕ РЕФОРМЫ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Смыслов С. В.

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых» (ВлГУ), Россия, г. Владимир, smislov.sv@gmail.com

В 1870 – 1872 гг. в России в рамках разработки проекта фабрично-заводского законодательства была создана межведомственная комиссия под председательством П.Н. Игнатьева. Ее целью был пересмотр законоположений об отношениях между хозяевами, работниками и прислугой.

Работа над подобным законопроектом уже велась в 1859 – 1862 гг. под руководством А.Ф. Штакельберга, после чего к рассмотрению рабочего вопроса возвращалась не только комиссия П.Н. Игнатьева, но и в 1874 - 1875 гг. снова – комиссия П.А. Валуева. Итогом стали довольно развитые либеральные проекты, но ни один из них сразу не был реализован.

Павел Николаевич Игнатьев (1797 – 1879 гг.) – русский государственный деятель, генерал-адъютант, который в 1854 – 1861 гг. был генерал-губернатором Петербурга, а в 1872 – 1879 гг. занимал должность председателя Комитета министров Российской империи [3: 369 – 375]. Отец будущего известного дипломата Николая Павловича Игнатьева, а также дед министра народного просвещения в 1915 – 1916 гг., его полного тёзки – Павла Николаевича Игнатьева, граф Игнатьев, став примером для потомков, смог вписать и свое собственное имя в историю России.

Супругой графа П.Н. Игнатьева была Мария Ивановна, урожденная Мальцова – дочь промышленника И.А. Мальцова. Их внук, Павел Николаевич Игнатьев, унаследовал огромное состояние бездетного Ю.С. Нечаева-Мальцова, хотя и не являлся его близким родственником. Он стал владельцем знаменитых мальцовских хрустальных заводов, расположенных, в основном, во Владимирской губернии, а также Новосельского стекольного завода в Тверской губернии и Тигодского стекольного завода (ст. Любань Николаевской железной дороги). Ряд сведений о семье П.Н. Игнатьева можно получить из мемуаров его внука Алексея Алексеевича Игнатьева. Особое значение, как пишет А. А. Игнатьев, «имела его деятельность как

директора Пажеского корпуса, в котором он воспитал многих выдающихся людей эпохи Александра II» [2: 6].

Отчет 1867 г., представленный министерством юстиций, указал на то, что «законы и правила, регулирующие взаимоотношения рабочих, хозяев и прислуги весьма неудовлетворительны» [1: 144]. В 1870 г. комиссии под председательством П.Н. Игнатьева поручили разработку «устава о личном найме рабочих и прислуги», который она представила ровно через год. Перед комиссией стояла сложная задача – следовать попечительскому курсу правительственной политики в решении рабочего вопроса.

Проект «представлял попытку эклектического соединения несовместимых идей и тенденций» [4: 33]. С одной стороны, допускалось создание артелей рабочих, т.е. снимались препятствия для проявления инициативы, но с другой – вводились рабочие книжки, которые стали средством ограничения каких-либо инициатив и самостоятельности со стороны рабочих. Проект пытался примирить различавшиеся точки зрения и предложения по рабочего вопросу, возникавшие в бюрократической сфере и в буржуазно-общественных кругах, поэтому он получал критику со всех сторон. Предпринимателей не устраивали пункты о продолжительности рабочего дня и возрастного ценза для малолетних.

Примечание.

1. Быков А.К. Фабричное законодательство и развитие его в России. Лекции, читанные в СПб Политехникуме и Технологическом институте в 1908-1909 учеб. году. СПб. Типография «Правда», 1909.
2. Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. М.: Воениздат, 1986.
3. Игнатьев П.Н. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.) – СПб., 1890 – 1907.
4. Лаверычев В.Я. Царизм и рабочий вопрос в России. 1861 – 1917. М., 1972.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОВЕДАНИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ВЕРЫ ГРИГОРИЕМ ТУРСКИМ

Шириков А. А.

Владимирский государственный университет им. А.Г. и н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, lapshina.nni2012@yandex.ru

Эпоха V-VI веков – особый и плодотворный период в развитии регионов Западной Европы. Процесс развития «варварских королевств» и романо-германского синтеза проводит к формированию новой средневековой культуры. Одним из наиболее существенных явлений эпохи становится христианизация германских племен.

Значительную роль в этом процессе сыграл епископ Турский Григорий (539-594). Поскольку процесс христианизации оказал влияние не только на «варварские» народы, но и на само христианство, изменив акценты внутри него, большую роль приобретает изучение особенностей веры тех, кто ее распространял. Таким образом, целью данной работы является выявление связанных с контекстом эпохи особенностей восприятия Григорием Турским христианской доктрины.

Однако прежде, чем приступить к анализу сочинения Григория Турского, в котором он излагает свою веру, необходимо кратко описать религиозную ситуацию в Западной Европе, сложившуюся ко второй половине VI века.

Ослабление и последующее исчезновение (476 г.) императорской власти на Западе, постепенное складывание на протяжении V-VI вв. системы «варварских» королевств, крупнейшими из которых были готские (Вестготское в Южной Галлии и Испании и Остготское в Италии), Вандальское на севере Африки, Франкское в Северной и Центральной Галлии, определили и специфику религиозной ситуации: политическая элита большинства новых государственных образований исповедовала арианство, что противопоставляло ее основной массе старого римского (и романизированного) населения [3: 56]. Несомненно, эта ситуация сказывалась и на Франкском королевстве, хотя оно и было единственным исповедовав-

шим ортодоксию. При этом в Западной Европе на протяжении всего периода VI-VII вв. главным представителем римской культуры была никео-ортодоксальная Церковь. Упрочив свои позиции в VI веке, в VII веке она стала доминирующей и получила возможность вносить необходимые коррективы в политическую жизнь государств. Данную специфику необходимо учитывать при анализе исповедания веры святителя Григория Турского.

Подробное изложение веры епископ предлагает в самом начале одного из наиболее значимых своих трудов – «Истории франков». Исходя из той цели, которую ставит себе епископ, с первых строк становится понятно, что он желает подчеркнуть отличие его веры, веры «католической» (catholicum), от ересей, окружавших его кафедру в ту эпоху: «Намереваясь описать войны … мучеников с язычниками, церквей с еретиками, я прежде всего хочу изложить свою веру, дабы будущий читатель не усомнился в том, что я католик» [1, Prologus]. По этой причине его символ веры содержит полемические расширения и вставки.

Первому лицу Святой Троицы святитель уделяет наименьшее внимание. Из всех никейских определений у него присутствует лишь «всемогущество». Столь малое внимание, несомненно, связано с отсутствием ересей, в которых бы не признавался Бог Отец.

О понимании второго лица Троицы в истории христианства разгорались наиболее значительные споры и, соответственно, Ему посвящается самая объемная часть символа веры. Григорий Турский в целом следует определениям Никейского собора, на который он сам и ссылается [1: Prologus], однако и дополняет его некоторыми полемическими вставками.

Так, упомянув про вневременное сосуществование Сына с Отцом, святитель пишет: «Ибо Господь не мог бы называться Отцом, если бы у него не было Сына; и Христос не был бы Сыном, если бы у него не было Отца. Но тех, кто говорит: «Было, когда его не было», я с проклятием отвергаю и умоляю отлучать от церкви» [1: Prologus]. В этой фразе подчеркивается абсурдность называния Лиц их именами, если это не отражает реального соотношения. Кроме того, содержится очевидный выпад против тех, кто считает, что некогда Сына не было. Бесспорно, это относится к арианам, утверждавшим, что Христос – высшее творение, а не в прямом смысле Сын Божий, следовательно, было время, когда его не было.

К исповеданию страданий Христовых святитель добавляет уточнение: «и верую, что страдал в нем человек, а не Бог» [1: Prologus]. Здесь святитель Григорий акцентирует внимание на ортодоксальном относительно монофизитства понимании крестной жертвы Спасителя. Сложно определить, почему именно этот аспект выбирает святитель. Вероятно, в его памяти еще были живы воспоминания раскола между Востоком и Западом, произошедшего на рубежеV-VI веков.

В учении о Святом Духе у святителя встречается вставка «Filioque» («и от Сына»). Желая, очевидно, подчеркнуть полное равенство Отца и Сына, против которого восставали ариане, Григорий использует в своем исповедании учения о Святом Духе двойное исхождение: «exPatre Filioque procedit» («исходит от Отца и Сына»). Очевидно, что данное добавление полностью обусловлено эпохой. Так, к примеру, параллельно с исповеданием веры Григорием, эта вставка появляется в трудах Исидора Севильского [2: 53].

После исповедания трех лиц Троицы Григорий делает вывод из предыдущего текста: «Верую, что эта Святая Троица существует в различии лиц: и одно лицо – Отец, другое – Сын, и другое – Дух Святой. Исповедую, что эта Троица есть единое Божество, Сила и Сущность. Верую, что святая Мария была девой как до рождения, так и после рождения [Христа]» [1: Prologus]. Очевидно, что и здесь преследуется та же цель: подчеркнуть равенство лиц.

Последняя часть символа веры изменена святителем до неузнаваемости. В связи с апокалиптическими настроениями в Европе он подробнейшим образом пишет о приходе Антихриста, указывая на те признаки, которые еще не сбылись (введет обрезание, установит в Иерусалимском храме свой образ для поклонения), и делая акцент на неизвестность времени прихода даже Сыну Человеческому. Однако, поскольку это утверждение использовалось и арианами, Григорий вновь вступает в прямую полемику с ними, говоря: «Еретикам же, нападающим на нас и утверждающим, что Сын меньше Отца, так как Он [Сын] не знает сего дня, ответим так: да будет им ведомо, что Сыном этим назван весь род христианский» [1: Prologus].

Неясным остается тот факт, что Григорий ни словом не упоминает в своем символе о Церкви.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что исповедание веры Григория Турского практически полностью полемично. Основная цель его написания заключается, скорее, не в просвещении неверующих язычников, а в споре с арианами, что, в целом, характерно для эпохи VI-VII веков, когда церковная ортодоксия сталкивалась с угрозой исчезновения. И хотя сам Григорий находился на территории ортодоксального франкского королевства, арианство виделось ему значительной угрозой в связи с его господством в большей части варварских королевств и это, соответственно, определяло основную тематику его работ.

Примечания.

1. Gregorii Turonensis Historiae Francorum. Liber I.http://www.thelatinlibrary.com/gregorytours/gregorytours1.shtml (дата обращения: 20.11.2017).
2. Isidorus Hispalensis. Historia de regibus Gothorum, Wandalorum et Suevorum // MigneJacques Paul. Patrologiae Cursus Completus. Series Latina. V.83. Paris, 1862.
3. Копылов И.А. «Арианский фактор» во взаимоотношениях Рима и варварской периферии // Вестник РГГУ. Серия Исторические науки. История / Studia classica et mediaevalia. Вып. 17 (118). М., 2013. С. 54-72.

Раздел III. ВУЗ и школа: методика преподавания и первый опыт научных изысканий

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В СРЕДНЕЙ И СТАРШЕЙ ШКОЛЕ

Афонькина Е. В.

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, afonkina_ekaterina@ail.ru

Археология - это комплексная историческая наука, изучающая прошлое людей по вещественным материалам. В силу этого специфический объект археологии - вещь, предмет - требует особенных методов изучения, отличающихся от общеисторических.

Изучение вопросов археологии в средней школе, как правило незначительно и это объясняется рядом аспектов:

-Сложность изучаемого материала.

-Сложность интерпретации изучаемого материала.

-Отсутствие специалистов-археологов среди педагогического коллектива общеобразовательных учреждений.

-Изучение археологического материала, как материальных (вещественных) носителей информации, затрудняется для части школьников их недоступностью, исключение составляют экспозиции музеев.

-Незначительное количество методических разработок и публикаций по данному вопросу.

Но нельзя отрицать значимость образовательного компонента и педагогического потенциала археологического материала на школьных уроках истории и в рамках элективных курсов.

Под «педагогическим образовательным потенциалом» стоит понимать способность предмета (в нашем случае - археологии) воздействовать на сознание и эмоции учащихся, стимулируя интерес к изучаемому материалу и формируя у школьников нравственные и познавательные, позитивные личностные качества.

Опора на письменные и вещественные источники позволяет воспитать у учащихся гуманистическое отношение к изучаемым событиям,

сформировать навыки реализации критичного и аналитического подходов, с целью избежать поверхностного подхода к историческому прошлому.

Восприятие вопросов истории жизни общества невозможно без анализа вещественных археологических источников. Следует помнить, что целью такого анализа является поиск путей, позволяющих включить в содержательную часть школьного курса истории археологический материал, как самостоятельную основу, способствующую развитию мотивации учащихся к изучению истории.

Говоря о возможностях использования археологического материала в процессе обучения школьников можно выделить следующие направления: аудиторная и внеаудиторная работа.

Как было отмечено выше использование археологических источников, как элементов предметной наглядности и результаты археологических исследований на уроках истории использовать достаточно сложно, так как это связанно с ограниченной доступностью археологического материала, но в условиях современных достижений компьютерных технологий представление оригинального вещевого материала и не требуется. Вполне можно обойтись репродукциями, копиями и макетами, составлением презентаций.

Причем помощь в их создании могут оказать сами школьники прямо на уроке (педагогическая мастерская). Важно использовать археологические методы исследования и познания предмета. Необходимо научить учащихся извлекать косвенную и прямую информацию из археологических источников, что означает развить их внимание, ассоциативное и абстрактное мышление, а, главное, научить школьников логически мыслить.

Учитель может разработать задания с привлечением археологического материала по изучаемой теме.

Например, на уроке истории в 5 классе учащимся предлагается собрать «развал сосуда». Можно нарисовать и расстричь бумажную модель. Главное, чтобы, собирая и соединяя фрагменты, учащиеся, решали конкретную историческую задачу или отвечали на конкретный вопрос. Школьники рассуждают над тем, когда появляется первая керамика, какие еще изменения происходят в жизни людей и как они связаны с изобретением глиняной посуды? Другим вопросом может быть вопрос, какие измен/ения в быту человека произошли с изобретением глиняной посуды? Учащимся необходимо показать алгоритм решения такой проблемной си-

туации, так же аналогичные задания могут быть более высокого уровня сложности и могут быть предложены ученикам старших классов.

На уроке могут быть задания аналитического характера, направленные на поиск аналогий или особенностей, такие как: сравнить инвентарь земледельцев и кочевников одной эпохи, с целью выявить сходство и различие, аргументировать, в чем их причина. Это задание может быть выполнено в таблице или положено в основу дискуссии и ролевой игры.

Изучение нового материала с привлечением археологических данных оживит урок и дополнит материал учебника. Следует помнить, что подбор археологического материала напрямую зависит от цели урока и методов обучения, выбранных педагогом для конкретного занятия. При закреплении изученного материала школьникам можно дать задание на аналогии или вопросы где требуется восстановить структуру чего-либо.

Контроль усвоения знаний так же может осуществляться на основе вещественных источников. Может быть предложена иллюстрация, где заведомо допущена ошибка. Задача учащихся найти ошибку и обосновать свой выбор. Другой вариант работа с карточками.

Таким образом, использование археологических данных на уроках истории представляется возможным, важным и необходимым на протяжении всего школьного курса начиная с 5 класса и заканчивая 11 классом и может быть ограниченно лишь временем интересом и активностью учителей и учащихся.

Говоря о системе дополнительного образования школьников, применительно к методике изучения археологического материала можно выделить следующие направления:

-школьная археологическая экспедиция;

-археологический кружок или факультатив;

-посещение экспозиций в историческом музее.

Широко распространены такие методы внеклассной работы по истории как: посещение музеев, исторические экскурсии, участие школьников в археологических исследованиях и экспедициях.

Спектр задач, которые позволяют решить такие способы организации внешкольной деятельности учащихся достаточно широк:

- развитие у учащихся интереса к творческой и научно-исследовательской деятельности;

- выявление и отбор школьников, проявляющих способности к научно-исследовательской деятельности и дальнейшая работа с ними;

- создание ситуации индивидуально ориентированного обучения через непосредственное общение и сотрудничество (вплоть до работы в составе одной исследовательской группы) ученых, учителей, студентов и школьников;

- гармоничное сочетание учебно-научной и воспитательной работы с активным отдыхом и оздоровлением;

- стимулирование школьников к продолжению исследований по выбранным темам в течение учебного года и представлению своих результатов на конференциях школьников различного уровня;

Максимально сложной для реализации из причисленных направлений является выездная школьная археологическая экспедиция. Трудности организации обуславливается возрастом учащихся, сферой их научных интересов, доступностью объектов археологического исследований, в работе которых можно принять участие. Как правило работа школьников ограничивается кратковременным участием в археологических раскопках и не более. Помимо этого, работа экспедиции должна предусматривать интерактивные и образовательные экскурсии, лекционные и практические занятия.

Форма работы археологического кружка или факультатива подразумевает разнообразные формы деятельности: лекции и семинары, лабораторные занятия; практические и самостоятельные задания, выступление учащихся на конференциях различного уровня – от муниципального до федерального. На занятиях по полевой практике учащимся прививаются знания по охране памятников археологии на конкретных примерах. Важную роль в работе археологического кружка или факультатива имеет профессиональная ориентация учащихся, прежде всего в выборе профессии историка. Необходимым элементом практической деятельности внеаудиторных занятий должна являться обработка полевых материалов: изготовление чертежей, рисунков, фотодокументов, реставрация керамики, консервация изделий из кости и металла.

Особую группу экскурсий составляют археологические экскурсии. Археологические экскурсии проводятся не только в музеи для ознакомления с вещественными доказательствами деятельности человека, в далеком

прошлом (орудия труда, оружие и различная утварь), но и в места расположения городищ, селищ, стоянок, курганов, где ученые ведут раскопки.

Таким образом, можно сделать вывод о высоком педагогическом потенциале и значимости археологического материала при изучении вопросов мировой истории. Опора на археологические источники позволяет сформировать навыки реализации критичного и аналитического подходов, с целью избежать поверхностного подхода к историческому прошлому.

Примечание.

1. Алексеев В.Л. Археологический кружок в системе современного дополнительного образования / В.Л. Алексеев // Тезисы докладов и сообщений с районных пед.чтений. Образование человека. Пути становления социальной компетенции. Верхняя Синячиха. 2002. С. 28.
2. Афонькина Е.В. Отражение исторической памяти в археологических источниках: методологический аспект.// Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия: материалы международной научно-практической конференции, 14 ноября 2014 года. Владимир: «Транзит-ИКС», 2015.
3. Афонькина Е.В. Изучение исторической повседневности в курсе средней школы на основе археологического материала. // Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия: материалы Vмеждународной научно-практической конференции, 24 -25 ноября 2016 года. Владимир: «Издательство ВлГУ», 2017.
4. Бровко Д.В. Феномен педагогической археологии. //Уссурийский краеведческий вестник. Вып. 3. Уссурийск, 2004.
5. Захарчук Ю.Н. О методологии археологической науки и ее проблемах. //Советская археология 1969, № 3.
6. Кольцов П.М. Использование археологического материала в образовательных учреждениях // Археология, история право. Вестник «ИКИАТ» Вып.1. Элиста, 2009. С. 123 – 126.
7. Мезенцев А.Л. Археология и формирование интереса к истории у школьников// www.rezerv.narod.ru.
8. Непомнящая О.В. Объединение «Юный археолог» и развитие школьной археологии / О.В. Непомнящая, А.В. Непомнящий // Исследовательская работа школьников. 2006. N 3. С.176—178.

ОЦЕНКА СОБЫТИЙ 1917 ГОДА В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ПО ИСТОРИИ

Данилова В. Ю.

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, fasikcat@yandex.ru

Цель статьи – проанализировать, как рассматриваются события 1917 года в новейших школьных учебниках по истории России. Для анализа были взяты два учебника из Федерального перечня на 2017–2018 учебный год [3], написанные в соответствии с историко-культурным стандартом по истории России. Поскольку школа вернулась к линейной системе изучения истории, события 1917 г. предполагается изучать в 10 классе.

Необходимо остановиться на проблеме, как авторы оценивают события 1917 года: была ли это революция, переворот, восстание? В учебнике под редакцией А.В. Торкунова употребляется термин «Великая российская революция», к которой относятся события и февраля, и октября 1917 г. Есть и соответствующие вопросы для учеников: «почему в России произошла революция? Была ли она неизбежной?» Или: «в чем вы видите историческое значение февральских событий в Петрограде 1917 г.? Почему их называют Февральской революцией?» [2: 27, 36]. Однако в учебнике встречается и такое понятие, как вооруженное восстание в Петрограде: имеются в виду события октября, когда большевики захватили власть.

В учебнике О.В. Волобуева авторы стремятся подчеркнуть сложность проблемы с определением того, что же произошло в 1917 году. Они не выносят однозначных определений в названия параграфов. События февраля 1917 г. представлены как народное восстание в Петрограде, но сразу после их рассмотрения ученикам предлагается ответить на вопросы: «чем можно объяснить скоротечность Февральской революции?» и «какое событие можно считать началом Февральской революции?» Ниже авторы делают вывод о том, что восстание в Петрограде стало началом революционного процесса. Один из вопросов после § 3 звучит так: «Февральская революция – это заговор, переворот или народное восстание? Найдите дополнительную информацию, подтверждающую ту или иную точку зрения» [1: 26, 31]. Аналогичный вопрос есть и про события октября: «взятие власти большевиками в октябре 1917 г. называют по-разному: Великая Ок-

тябрьская социалистическая революция, Октябрьский переворот и др. Почему идут споры о названии этого события? Какое название представляется правильным вам? Почему?» [1: 47]. В тексте параграфа упоминается о том, что В.И. Ленин 25 октября заявил о том, что совершилась «рабочая и крестьянская революция», а лидер меньшевиков Ю.О. Мартов обвинил большевиков в военном перевороте [1: 45]. Таким образом, авторы хотят донести до учеников сложность проблемы и наличие разных точек зрения на нее.

В учебнике О.В. Волобуева отведено место рассмотрению национального вопроса, что соответствует требованиям историко-культурного стандарта об уделении большего внимания этническим и межнациональным отношениям. Отмечается, что весной 1917 г. кризис Временного правительства вызвал обострение национального вопроса, причем наиболее болезненная ситуация сложилась в Украине, где были сформированы собственные органы власти – Центральная рада и Генеральный секретариат. Министры-социалисты были готовы предоставить Украине автономию, но министры-кадеты не соглашались с этим. В результате проблема так и не была решена [1: 37]. В учебнике под редакцией А.В. Торкунова национальному вопросу внимание не уделяется.

В советских учебниках ничего не говорилось об отношении к революции Русской православной церкви, поскольку велась пропаганда атеизма. Современные учебники уделяют достаточно внимания позиции РПЦ в 1917 г. Авторы отмечают, что падение монархии в феврале 1917 г. церковь восприняла спокойно и пошла на контакт с Временным правительством. В июле 1917 г. был принят важный закон о свободе совести. РПЦ призывала к гражданскому миру, необходимости отбросить гражданскую ненависть. В условиях кризиса власти церковь решила избавиться от политической зависимости. В августе 1917 г. Поместный собор РПЦ принял решение восстановить патриаршество, и в ноябре 1917 г. патриархом был избран митрополит Московский и Коломенский Тихон [1: 38-39; 2: 36-37].

В целом, на наш взгляд, авторы учебников излагают события 1917 г. взвешенно, без какой-либо идеологической подоплеки. Ученики имеют возможность сформировать собственное мнение по отношению к этим важным для страны событиям.

В заключении хотелось бы отметить, что методический аппарат рассматриваемых учебников составлен грамотно (авторы методических аппаратов: А.Ю. Морозов и Э.Н. Абдулаев для учебника О.В. Волобуева и О.Н.

Журавлева для учебника под ред. А.В. Торкунова). В учебниках много иллюстраций с заданиями, приводятся отрывки из исторических источников, уделено внимание историческим личностям. В тексте параграфов и после параграфов приводятся разноуровневые вопросы и задания, включающие поиск дополнительной информации, проблемные вопросы и задания для проектной деятельности. В учебнике О.В. Волобуева значительное внимание уделено развитию самостоятельного мышления учеников.

Примечания.

1. Волобуев О.В., Карпачев С.П., Романов П.Н. История России: начало XX – началоXXI в. 10 кл.: учебник. М.: Дрофа, 2016.
2. История России. 10 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 3 ч. Ч. 1 / М.М. Горинов, А.А. Данилов, М.Ю. Моруков и др.; под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2016.
3. Федеральный перечень учебников, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования (с изменениями на 2017 г.) – URL: http://www.uchportal.ru/federalnyj-perechen-uchebnikov-na-2017-2018-uchebnyj-god (дата обращения: 02.11.2017)

ОЛИМПИАДА ПО ВОЕННОЙ ИСТОРИИ: ИСТОРИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ

Дуров В. И.

Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина, г. Воронеж, Россия, wiktor_durov@mail.ru

В отечественной системе образования традиционным является проведение предметных олимпиад среди школьников. Олимпиада проходит в четыре этапа: школьного, муниципального, регионального, и заключительного. Эта хорошая традиция берет начало с 1934 г. прошлого века. Целью предметной олимпиады по истории является выявление и поддержка

учащихся, имеющих склонность и вкус к свободному и самостоятельному, «не по учебнику», изучению прошлого» [2: 29].

Олимпиады по военной истории – явление современной России. Первая олимпиада была проведена в 2002 г. До 2012 г. ее официальное название - «Всеармейская олимпиада курсантов высших образовательных учреждений Министерства обороны Российской Федерации по военной истории». В виду желания участвовать в данном интеллектуальном соревновании вузов других силовых ведомств и учебных заведений министерства образования в 2013-2014 гг. это была уже «Всероссийская военно-историческая олимпиада». Постепенно география участников расширялась и вышла за пределы России. В 2015 г. в Военном общевойсковом институте Сухопутных войск в Москве были представлены команды из бывших республик СССР, поэтому в 2016 г. приняли решение изменить статус олимпиады. В 2017 г. в Воронеже прошла уже III Международная олимпиада курсантов образовательных организаций высшего образования государств – участников СНГ.

Цель олимпиады заключается в повышении качества подготовки военных кадров, повышения их профессиональной мотивации, и, конечно, формирования и развития научных и творческих способностей обучающихся. Олимпиады способствуют выработке новых педагогических технологий и методик преподавания, а также повышению квалификации преподавателей [1].

В настоящее время олимпиада проходит в четыре этапа. Первый этап проводится на факультетах, второй этап – состязание в рамках всего вуза среди сборных факультетов и на третьем этапе встречаются сборные команды вузов (как правило, на российском уровне не менее 35 команд). Четвертый этап был введен в 2017 г. и характеризуется тем, что победившая команда среди вузов МО РФ представляет Россию на международном, четвертом, этапе олимпиаде.

В третьем и четвертом этапах участвуют команды вузов из 5 человек: руководитель команды (преподаватель вуза) и 4 курсанта (студента) 1-5 курсов. Руководители могут быть включены в состав жюри или апелляционной комиссии.

Следует отметить, что иногда вузы объединяют первый и второй этапы. Это связано с тем, что офицеры курсового звена в виду служебной деятельности не всегда в состоянии провести отбор в своих подразделениях. Такая ситуация может привести к принудительному направлению кур-

сантов на соревнования. Как известно, наиболее эффективным является участие заинтересованного и мотивированного обучающегося, тогда и результат выше. Кафедры, ведущие дисциплину «Военная история», не всегда в состоянии организовать первый этап, но они могут помочь методическими материалами. Так, в 2017 г. кафедра истории войн и военного искусства ВУНЦ ВВС ВВА обеспечила факультеты, столкнувшиеся с трудностями выявления сильных курсантов, типовыми заданиями. Для объективного оценивания и определения победителей важным, на наш взгляд, является проведение вузовской олимпиады с одним вариантом заданий. Хотя это требование при большом количестве участников не всегда удается реализовать.

Головной организацией, отвечающей за научное и методическое обеспечение подготовки и проведения олимпиады на заключительных третьем и четвертом этапах, является научно-исследовательский институт (военной истории), входящих в структуру Военной академии Генерального штаба ВС РФ [1: 42]. Именно здесь формируется окончательный банк олимпиадных заданий. Однако не все задания готовит НИИ военной истории. Обязательным условиям участия команды в состязаниях является представление пяти вопросов по каждой номинации. Благодаря такому подходу на каждую олимпиаду НИИ военной истории получает около 1400 заданий (8 номинаций и до 35 команд)! На сам конкурс требуется 120-200 заданий.

Конкурсные задания могут состоять из тестовых заданий закрытого и открытого типа, хронологического квадрата, вопросов-сопоставлений, исключение лишнего в логическом ряду, описание события по военно-исторической карте, заполнение пропусков в тексте, музыкальных вопросов. Важным требованием является сбалансированность заданий по видам, родам и воинским специальностям [1: 43].

В последние годы олимпиады тематические, но в них, как правило, всегда есть традиционные номинации. Обычно на олимпиадах по военной истории обязательно присутствуют номинации по истории войн, истории военного искусства, истории вооружения и военной технике и война и политика (дипломатической истории). Особенность традиционных номинаций может заключаться в хронологических рамках. Организаторы олимпиады стараются вносить что-то новое. Так, в 2012 г. конкурс капитанов был проведен в форме онлайн-олимпиады [1: 45]. С 2013 г. олимпиада включает очный и заочный этапы. Очный этап соревнований состоит из трех туров по две номинации в

каждом, а также военно-исторической баталии (командной игре с поощрительными и штрафными баллами) и конкурса капитанов. Заочный этап – домашнее задание – может включать подготовку военно-исторического эссе (2013-2016 гг.) или короткий видеосюжет по военно-исторической проблематике (2017 г.).

Переход олимпиады на международный уровень потребовал корректировки номинаций и научной области, в которой проходят соревнования. Если прежде задания относились исключительно к военной истории России, то сейчас предметная область расширена за счет всеобщей истории и истории СНГ и ОДКБ. Это требует рассмотрения вопросов права и политологии, что иногда критикуется за отход от чистой военной истории. В то же время современный мир требует междисциплинарности от научных исследований, что, по нашему мнению, находит отражение и в проведении предметных олимпиад и позволяет ориентироваться на ребят с широким кругозором.

Победители олимпиады определяются в личном и командном зачете, в первенстве по номинациям, турам и в абсолютном первенстве. Главным призом Олимпиады является переходящий Кубок Министра Обороны, если же команда три года подряд занимает первое место, то кубок навсегда остается в вузе-победителе.

Важными для обмена опытом и обсуждения вопросов преподавания дисциплины «Военная история» и ее места в современном военном образования являются научно-методические семинары, проводимые в рамках олимпиады.

В то же время в организации и проведении олимпиад по военной истории есть проблемы: не все конкурсные задания корректно составлены; не совсем прозрачный механизм оценивания домашних заданий, что вызывает недовольство руководителей команд и предложения отказаться от данного тура совсем; участие вуза-организатора, способного задействовать административный ресурс и влиять на результат, в общем зачете (в 2014 и в 2017 г. вузы-организаторы выступали вне конкурса. Надеемся, эта положительная динамика сохранится).

Несомненным плюсом олимпиад является популяризация военной истории и развитие патриотизма. Следует приветствовать тот факт, что олимпиады по военной истории в нашей стране проводятся для школьников, студентов средних и высших учебных заведений также в инициативном порядке.

Примечания.

1. Кикнадзе В.Г., Муравлянников И.А., Фаллер О.В. Год российской истории в системе военного образования. Особенности подготовки, проведения и результаты Всероссийской олимпиады по военной истории в 2012 году // Военно-исторический журнал. 2012. №8. С. 41-45.

2. Талызина А.А., Камарули Е.В., Хитров Д.А. Методика подготовки к выполнению заданий по географическим и историческим картам на всероссийской олимпиаде школьников по истории // Преподавание истории в школе. 2015. №6. С. 29-38.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОМПЛЕКСНЫХ СТРАНОВЕДЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ ГЕОГРАФИИ ЗА 10 – 11 КЛАСС

Трунникова Н. К.

МКОУ «Купреевская СОШ» Гусь-Хрустальный район, деревня Купреево, Россия, natali.trunnikova@mail.ru

Действующий в настоящее время Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования, утвержденный Минобрнауки 17 мая 2012 года, уделяет, помимо прочего, большое внимание междисциплинарным составляющим учебного процесса. Эта идея реализуется, в частности, в страноведческих характеристиках географических регионов в рамках школьно курса экономической географии для 10 – 11 классов. Здесь собственно географические сведения тесным образом переплетаются с историческими знаниями, в результате чего создается целостная, комплексная картина того или иного региона.

Характерно, что в положениях ФГОС, относительно учебных предметов «География» и «История», ставятся схожие требования. Так, по географии предписывается сформировать представления и знания об «основных проблемах взаимодействия природы и общества, о природных и социально-экономических аспектах экологических проблем.., географиче-

ской среды и общества» [1]. По части «Истории», предписывается «овладение комплексом знаний об истории России и человечества в целом, представлениями об общем и особенном в мировом историческом процессе…», развитие умения «применять исторические знания для анализа различных общественных процессов и явлений»[1]. Тесная связь географии с историческими знаниями обнаруживается и в постановке развивающих задач. Географам предписывается, в частности, «овладение умениями сочетать глобальный, региональный и локальный подходы для описания и анализа природных, социально-экономических, политических и геоэкологических процессов и явлений», а также «развитие познавательных интересов, интеллектуальных и творческих способностей посредством ознакомления с важнейшими географическими особенностями и проблемами мира, его регионов и крупнейших стран»[1]. Как видно, речь идет о комплексных страноведческих и региональных характеристиках, составление которых включает исторический аспект. Помимо прочего, как географам, так и историкам предписывается уделять внимание воспитанию патриотизма, толерантности, уважения к другим народам и культура. Очевидно, что данные воспитательные цели невозможно реализовать без использования комплексных страноведческих характеристик, выявляющих общие и отличительные черты той или иной страны, того или иного региона мира.

Вопросы взаимовлияния общественных и природных явлений нашли отражение в страноведческих характеристиках. Соответствующие методики были разработаны рядом отечественных ученых. Так, согласно Н.Н. Баранскому, в центре внимания страноведения должны находится не только природа и хозяйство, но прежде всего, быт человека, его культура, политика и даже «дух народа». При этом подчеркивается важность принципа историзма. Он помогает объяснить развитие территории. «Историко-географический очерк в страноведческом (регионоведческом) исследовании непременно должен показывать, как в ходе истории переплетались естественные и общественные процессы на определенной территории и какое влияние они оказали на современные пространственные процессы»[2: 41].

Я.Г. Машбиц разработал методику комплексного страноведения. Она соединяет в одну систему различные сведения из области физической, экономической, социальной и политической географии. При этом обраща-

ется особое внимание на «психологические, этические, нравственные особенности населения, социальный климат территории, ее политическое своеобразие» [3: 74]. Основная идея методики Я.Г. Машбиц заключается в том, что характер и особенности определенной страны или региона могут быть поняты только через пространственно–временное измерение. Здесь принцип историзма, с его временной перспективой, позволяет проследить становление человеческих общностей в рамках специфических природно–хозяйственных условий, благодаря чему удается объяснить современное состояние отдельных государств и регионов.

Опыт страноведческих характеристик получил распространение и в школьном курсе экономической географии. Так, учебная программа, базирующаяся на тематической структуре учебника В.П. Максаковского «Экономическая и социальная география мира. 10 класс», помимо прочего, предусматривает изучение отдельных стран в рамках раздела «Региональная характеристика мира» [4]. Азиатский регион представлен Китаем, Японией и Индией - тремя наиболее развитыми странами региона. Поскольку мое дипломное исследование посвящено быту, культуре и природным условиям Японии и Китая середины XIX века, оно может послужить весьма ценным дополнительным источником для составления страноведческих историко-географических очерков. Целесообразность его использования обусловлена, прежде всего, тем фактом, что материалы школьного учебника практически не затрагивают историко–культурных контекст, без чего трудно понять современное положение стран.

Интегрированное внеклассное мероприятие по географии и истории. Тема мероприятия: «Исторические корни и современный образ Японии и Китая».

Цель мероприятия:

Показать связь между современным состоянием Японии и Китая, особенностями их социально – экономического развития и историко – культурным наследием этих стран, опираясь на материалы дипломного сочинения и материалы учебника В.П. Максаковского «Экономическая и социальная география мира. 10 класс».

Задачи:

1) научить использовать материалы исторических источников для составления комплексных страноведческих характеристик,

2) научить выявлять причинно-следственные связи между историческим хозяйственно-культурным наследием народов и их современным развитием,

3) формировать уважение и эстетическое отношение к культуре Китая и Японии.

Оборудование урока:

Политическая и экономическая карта Японии и Китая, исторические иллюстрации из жизни японцев и китайцев середины XIX века, карточки с цитатами из материалов дипломного сочинения, предметы быта (палочки для еды, посуда для чайной церемонии и т.п.)

Вступительное слово преподавателя

Современное положение стран мира, уровень их социально – экономического развития, особенности политического строя и просто быта зависят от многих причин. Одной из важнейших, как принято полагать, является культурно – историческое наследие того или другого народа. Оно включает культурные традиции и привычки, мировосприятие, характер, образ мышления, психологические установки и т.д. Для того чтобы это лучше себе представить, нам необходимо установить зримую связь времен. Сделать это помогают исторические источники. Сегодня мы попытаемся установить связь времен, опираясь на путевые заметки знаменитого русского писателя И.А. Гончарова, который в середине XIX века совершил путешествие в Японию и Китай на фрегате «Паллада». Будучи талантливым писателем и пытливым наблюдателем, он оставил выразительные описания жизни и быта японцев и китайцев. Сейчас мы разделимся на две команды и проведем три конкурса – викторины.

Конкурс №1. «Связь времен»

Каждая из команд получает карточки, на которых представлены цитаты из дипломного сочинения (выдержки из произведения И.А. Гончарова «Фрегат Паллада»). Задача команд – найти в соответствующих параграфах учебника В.П. Максаковского «Экономическая и социальная география мира» информацию, современные данные, которые могли бы быть увязаны с выводами и наблюдения, сделанными Гончаровым более полутора века тому назад. Одна команда работает с материалом по Японии, а другая – с материалом по Китаю.

Задания для первой команды (Китай)

1) Выдержка из дипломного сочинения: «По улице бродит такая же толпа китайцев. Здесь и купцы в шелковых кафтанах и бараньей шубке, и чернорабочие с убранными косами, и цирюльники с инструментами, и многочисленные как муравьи лодочники. Все это здешний рабочий люд. Он необычайно динамичен: «непрерывно копошится, сгружает, нагружает, торопится, горланит на своем негармоничном языке».

Информация из учебника: «Большой экономический бум в Китае за последние 30 лет был связан не только с удачными реформами Ден Сяо Пина, но, прежде всего, с замечательными качествами китайского народа – трудолюбием, настойчивостью и терпением».

2) Выдержка из дипломного сочинения: «Наблюдая с борта своего фрегата за многочисленными джонками рыбаков, писатель и его товарищи по экспедиции оценили превосходные морские навыки китайцев. “Наши моряки любуются, как они ловко управляются на море со своими красными, бочкообразными лодками и рогожными парусами: видно, что море их стихия” - отметил автор».

Информация из учебника: «Широкое развитие получила также аквакультура. Китаю принадлежит первое место в мире по разведению рыбы, морских моллюсков и водорослей. “Тружеников моря” в стране многие миллионы».

3) Выдержка из дипломного сочинения: «В Шанхае, И.А. Гончаров “не видел насмешливого взгляда, который бы китаец кинул на европейца”. Напротив, на лицах всегда присутствовало «почтительное, и даже робкое внимание».

Информация из учебника: «Современный Китай – мощная индустриально – аграрная страна. Ныне он образует третий по экономической мощи центр мирового хозяйства. Страна занимает первое место в мире по производству 26 видов промышленной и сельскохозяйственной продукции…. Такой успех был обеспечен, в том числе, терпеливым и упорным усвоением хозяйственного опыта ведущих капиталистических стран Запада».

Задания для второй команды (Япония)

1) Выдержка из дипломного сочинения: «По образному выражению И.А. Гончарова, Япония представляет собой “тридесятое государство, запертый ларец с потерянным ключом”. До сих пор к нему пытались подсту-

питься с разных сторон и с разными намерениями, но никому так и не удалось отпереть его…. Писатель откровенно сетует на такую замкнутость».

Информация из учебника: «Национальный состав населения Японии исключительно однородный. Это типичная однонациональная страна, где японцы составляют более 99% населения».

2) Выдержка из дипломного сочинения: «Однако такая строгость не была вызвана проявлением деспотии со стороны начальника, а скорее уважением к старшим: “Я не заметил страха или подобострастия: это делается у них как то проще, искреннее, с теплотой, почти, можно сказать, с любовью, и оттого это не неприятно видеть”. Несмотря на всю внешнюю строгость, японская система власти в целом, по оценке писателя, не строится на жесткой вертикальной подчиненности. Это скорее взаимозависимость, круговая порука…».

Информация из учебника: В производственных отношениях принята строгая субординация, уважительное отношение к старшим по должности, беспрекословное подчинение. Японский рабочий обычно нанимается в определенную фирму на всю жизнь. Коллектив фирмы становится для него большой семьей, внутри которой улаживается большинство конфликтов, причем без привлечения сторонних судебных органов.

3) Выдержка из дипломного сочинения: «Основной чертой японского быта японцев признается патриархальная отсталость, которая связывается, прежде всего, с замкнутостью страны. При этом отмечается усердие и любознательность населения, что, по мнению И.А.Гончарова, являлось, несомненно, благоприятной предпосылкой для будущего развития Японии, при условии, если она откроется внешнему миру. «…японцы чрезвычайно любознательны и трудолюбивы, «все выведывают, обо всем расспрашивают и все записывают».

Информация из учебника: «За короткий срок страна проделала огромный путь, продемонстрировав большие достижения в науке, технике, образовании, промышленности и торговле. Сказывается высокая профессиональная квалификация, трудолюбие, самодисциплина трудящихся, их стремление к постоянному совершенствованию, что свидетельствует об очень высоком уровне качества населения Японии».

Конкурс №2 «О ком идет речь. Япония или Китай».

Учащиеся должны, опираясь на свои страноведческие знания, полученные на уроках экономической географии, определить по отрывкам из произведения И.А. Гончарова «Фрегат Паллада», о какой стране идет речь.

Примеры заданий

1) «Народонаселение лезет из …….. врозь, как горох из переполненного мешка, и распространяется во все стороны, на все окрестные и дальние острова, до Явы с одной стороны, до Калифорнии с другой. Китайцев везде много: они и купцы, и отличные мастеровые, и рабочие. Я удивляюсь, как их еще по сию пору нет на мысе Доброй Надежды? Этому народу суждено играть большую роль в торговле, а может быть, и не в одной торговле». (Китай)

2) представляет собой «тридесятое государство, запертый ларец с потерянным ключом.(Япония)

3) «Перед самым отплытием ему посчастливилось побывать а поселке весьма зажиточных ……ских фермеров. В нем все крестьяне жили в собственных огороженных домах, чем то напоминавших английские. Их жители – вполне культурные люди. В одной из ферм писателя и его спутников встретил, между прочим, «седовласый ……ец в очках с огромными круглыми стеклами, с книгой в руках».(Китай)

4) Писатель приходит к выводу, что …….ская медлительность, подозрительность и хитрость имеют свои, довольно веские рациональные основания. «Не правы ли они до некоторой степени? От европейцев добра видели они пока мало, а зла много: оттого и самое отчуждение их логично. Португальские миссионеры привезли им религию, которую многие ……..цы доверчиво приняли и исповедовали. (Япония)

5) «Здесь, между прочим, «родился лучший шелк и чай – две самые важные статьи, которыми пока расплачивалась эта страна за бумажные, шерстяные и другие европейские и американские изделия».(Китай)

6) «……цы, в отличие от европейцев, не склонны к прагматичному служебному карьеризму, заискиванию перед начальством. Для них жесткая субординация – исполнение священного долга перед сообществом». (Япония)

7) «Мне не случалось видеть, чтобы японец прямо ходил или стоял, а непременно полусогнувшись, руки постоянно держит наготове, на коле-

нях, и так и смотрит по сторонам, нельзя ли кому поклониться. Лишь только завидит кого – нибудь, сейчас колени начинают сгибаться, он точно извиняется что у него есть ноги...». (Япония)

8) «Уже в порту вас встречают толпы, которые «под присмотром англичан упаковывают и распаковывают тюки, складывают в груды и несут на лодки. …они сидят кучами у подъездов, ожидая работы, носят в паланкинах европейцев, всюду мелькают их голые спины, плечи, ноги и головы…». (Китай)

9) «Преобладает же местный работной люд из числа …….цев, а также представители других азиатских народностей, среди которых много индийцев, фарси, с индийского полуострова или из Тибета. И практически все они находятся в услужении у состоятельных европейцев». (Китай)

10) «У нас деготь и лыко, - здесь шелк и чай; у нас груды деревянной и фаянсовой посуды – здесь фарфор». (Китай)

Конкурс №2 «Правда ли это?».

Участники должны, опираясь на свои страноведческие знания о Японии и Китае, определить, верна ли та информация, которую сообщает учитель. Согласно структуре комплексной страноведческой характеристики, предложенной учебником В.П. Максаковского «Экономическая и социальная география мира. 10 класс», речь идет о населении страны, природно-географических условиях, политическом строе, социально – экономических показателях, историко-культурных данных. При этом информация историко-культурного характера берется из материалов дипломного сочинения.

Примеры вопросов - утверждений.

- Правда ли, что рисовые продукты, возделываемые в Китае, используются для изготовления бумаги, шляп, сумок, веревок и многих других бытовых изделий? Правда.

- Правда ли, что более 90% жителей Китая проживают всего лишь на 1/6 территории страны? Нет, не правда. Они проживают на 1/3 территории.

- Правда ли, что Китай занимает первое место в мире по общей длине сухопутных границ. Правда.

- правда ли, что уже в середине XIX века в Китай проник английский, американский и французский капитал, и страна стала колонией за-

падных держав. Утверждение верно лишь отчасти. Западный капитал действительно проник, однако Китай не стал иностранной колонией.

- Верно ли, что в XIX веке Япония еще не имела центрального правительства, и власть делилась между десятками удельных княжеств. Нет неверно. Тогда существовало два уровня правительств. С одной стороны - Сёгунат в городе – порте Эдо, состоявший из собственно сёгуна как главы и правительственного совета. С другой стороны имелись правительства в каждом их удельных княжеств. Княжества (ханы) в обмен на верность сёгуну имели определенный суверенитет – независимую администрацию.

- Верно ли, что как в XIX веке, так и ныне, Шанхай является крупнейшим городом Китая, как по числу жителей, так и по числу промышленных предприятий. Верно.

- Верно ли, что территория Японии включает около 7 тысяч островов. Верно.

- Верно ли, что исторически, большинство городов Японии, как и в средневековой Европе, возникло вокруг замков местных феодалов и монастырей. Верно.

- Верно ли, что Япония находится на третьем месте в мире по продолжительности жизни населения. Нет, неверно. Япония занимает первое место по этому показателю.

Примечание.

1. Федеральный Государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования. (от 17 мая 2012 г.) URL: https://rg.ru/2012/06/21/obrstandart-dok.html
2. Баранский Н.Н. Избранные труды. М.: Мысль, 1980.
3. Машбиц Я.Г. Комплексное страноведение. М.,1998.
4. Максаковский В.П. Экономическая и социальная география мира. 10 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2012.

Раздел IV. Материалы по итогам видеоконференции российских и немецких студентов «100-летие Русской революции: взгляд из России и Германии»

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. В РОССИИ

Лапшина И. К.

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, lapshina.nni2012@yandex.ru

100-летний юбилей Великой русской революции 1917 г. привлек острое внимание не только академических кругов. Оно актуализировалось не вполне определенным вектором развития современной России, включающим опасность потери важных социальных завоеваний советского периода, углубляющимся разрывом между имущими и неимущими гражданами и острой необходимостью формирования национального консенсуса как основы стабильного общественного порядка. В данном контексте восприятие революции 1917 года стало зеркалом идеологических позиций, научных подходов, политических надежд в условиях весьма противоречивой ситуации, когда стремление граждан к примирению и согласию сопрягалось с явным конфликтом в видении современного состояния российского общества: по опросу ВЦИОМ 2016 г. 44% россиян высказывали уверенность в существовании народного единства в стране и столько же (44%) придерживалось противоположной точки зрения» [3]. Неслучайно понимание 1917 года и его социально-политических последствий вызвало оживленные дискуссии среди специалистов-историков и общественных деятелей [1].

Новые по сравнению с советским периодом интерпретации постепенно все более зримо входят в национальную память, пролагая путь к видоизменению национального самосознания. Так, Государственный музей политической истории России в г. Санкт-Петербурге открыл интересную экспозицию «Революция в России. 1917-1922», один из центральных сюжетов которой обозначен как Октябрьский вооруженный переворот в Петрограде в 1917 г. Тем не менее, в условиях прокапиталистической направленности развития события 1917 г. непросто адаптировать к формирую-

щейся новой системе социокультурных ценностей. В исторической памяти как части исторического сознания россиян при всей противоречивости оценок все еще превалирует, хотя и несколько снизилось, позитивное восприятие прежде всего произошедших социальных завоеваний, чью значимость сложно поставить под сомнение. При том, что по опросам общественного мнения российских граждан об их отношении к Октябрьской революции, проведенных в апреле 2017 г., возросла доля тех, кто считает, что приход большевиков к власти в 1917 году был незаконным и что свержение самодержавия и исчезновение дворянства стало значительной потерей для страны, большинство – 48% – продолжали признавать положительную роль данного события в ее истории по сравнению с 31% респондентов, уверенных в обратном [2; 3].

Социальное содержание революции 1917 г. – один из наиболее принципиальных моментов оценки данных событий, обуславливающих противоречивость и нынешнего к ним отношения. Стремление «низов» к социальному прогрессу стало стержнем событий, как они развивались от февраля к октябрю. В.М. Чернов в своих воспоминаниях хорошо передает это ощущение переноса центра тяжести «в сторону социализма… во всей стране» [6: 373]. «Мы шли не к стихийному взрыву, а ко второй рабоче-крестьянской революции», – признавал Н.Н. Суханов [5: 265].

И сегодня образ Октябрьской революции ассоциируется прежде всего с ее социальными завоеваниями, с удовлетворением чаяний простых людей. Показательно, что по опросам 2017 г. наблюдался рост ответов, что революция дала толчок социальному и экономическому развитию (38% опрошенных по опросу ВЦИОМ 3-5 октября 2017 г.) и снизилось число респондентов, уверенных, что после революции Россия повернула на чуждый ей путь развития и что революция нанесла серьёзный урон культуре, крестьянству, религии и церкви [2; 3; 4]. Только 27% респондентов по опросу ВЦИОМ 3-5 октября 2017 г. поддержало мнение о том, что Октябрьская революция «затормозила развитие» и «стала катастрофой» [4]. Большинство респондентов – 61% – позитивно оценили следствия революции 1917 г., из них 23% признали, что она «открыла новую эру в истории России». Интересно, что позитивнее всех события 1917 г. воспринимают не только пожилые, но и молодые граждане (71% в каждой из упомянутых групп). Вместе с тем общество в целом остается явно расколотым в своих

оценках: 46% придерживаются позитивного мнения о революции и 46% – негативного [4].

Полагаем, что возникновение в результате Октября 1917 г. принципиально нового по своим экономическим, социо-политическим и ценностно-культурным структурам общества было действительно переворотом в смысле глубочайшего социально-политического перелома в российской истории, противоречиво сочетавшего как созидательный потенциал, так и черты социального катаклизма. Безусловно, что дискуссии относительно событий 1917 года найдут свое продолжение. Хотелось бы надеяться, что в них будут сформулированы взвешенные научные оценки, помогающие найти верный вектор дальнейшего развития России, отвечающего чаяниям ее граждан.

Примечание.

1. Будник Г.А. Новые подходы к изучению революции 1917 г. в России // Вестник ИГЭУ / Ивановский государственный энергетический университет. 2008. Вып. 1. С. 40-44.

2. Обзор социологических опросов федеральных социологических служб: ФОМ, ВЦИОМ, ЛЕВАДА-ЦЕНТР. 1-15 апреля 2017 года [Электронный ресурс]. URL:http://www.nscs.ru/Files/obzory_so/2017/obzor%20so%201-15.04.2017.pdf (Дата обращения: 21.08.2017).

3. Опрос ВЦИОМ: все меньше россиян замечают в обществе народное единство. 5 ноября 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://www.opentown.org/news/131310 (Дата обращения: 21.08.2017).

4. Пресс-выпуск № 3488 [Электронный ресурс]. URL: http://www.wciom.ru/index.php?id=236&uid=116446 (Дата обращения: 11.10.2017).

5. Суханов Н.Н. Записки о революции. В 3-х томах. Т. 3. Книги 5-6-7. М.: Издательство Республика, 1992.

6. Чернов В. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905-1920. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007.

МУЗЕИ И ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. ВЫСТАВКИ 2017 ГОДА В ГЕРМАНИИ

Флорин Мориц

Университет имени Фридриха-Александра, Эрланген – Нюрнберг, Германия,
moritz.florin@fau.de

After all these one hundred years, the Russian Revolution has become memory without eyewitnesses, and in this sense at least it does not belong into the realm of contemporary history any longer. In fact, most of the participants of our small video conference have not even witnessed the outcome of these events, namely the existence of the Soviet Union, the era of the Cold War and the division of Germany. This raises two questions: How do different publics deal with a 100th anniversary of an event that has shaped the 20th century, but from today's perspective also seems like an aberration? As a post-Soviet generation, have we finally overcome the polarization that has shaped practically all accounts of the revolution not only within the USSR, but also outside of it during the Cold War?

In the following, I try to answer these questions in a review of two very different exhibitions that were created in Germany and Switzerland in 2017. Both exhibitions are ambitious: The first is a joint project of the German Historical Museum in Berlin and the Swiss National Museum in Zurich. It presents more than 500 exhibits and is already considered to be a success in terms of numbers of visitors [1]. The second exhibition was created by the "Federal Foundation for the Reappraisal of the GDR dictatorship". It does not consist of original items or paintings, but instead of a number of posters that can be printed and then be shown at public spaces such as schools or town halls. It was sent to around 600 venues around the world, including Russia. In Erlangen alone, it was shown in three different schools [2].

Both exhibitions were created by government funded institutions that are well established, but also controversial: The German Historical Museum is the largest history museum in Germany. When it was created under Helmut Kohl it seemed to suggest a return to a more celebratory relationship towards the German national past. In order to counter such a perception, the museum tries to emphasize the international entanglements of German history. The poster exhibition, on the other hand, was created by the Federal Foundation for the Reap-

praisal of the GDR dictatorship. The mandate of this foundation is to assess the history of the German Democratic Republic, and its impact on reunified Germany. One of its main tasks is to investigate and familiarize the public with the dark sides of GDR-history, such as Stasi-surveillance, repression and detention of dissidents.

1917. Revolution: An Exhibition of the German Historical Museum

On a first glance, it may seem surprising that a German Historical Museum in Berlin would host an exhibition on the Russian Revolution. After all, this was an event that mainly affected the Russian Empire, at a time when Germany was still in the grip of war. On a second glance, however, the decision to create such a German exhibition on the Russian Revolution, and to host it in Berlin does seem logical: Berlin was one of the centers of the Russian emigration after the revolution. It was the epicenter of communist and anti-communist politics during the Weimar republic. The city would eventually be liberated by the regime that was created during the revolution. And the city would then become the center of a world divided into two opposing camps, with the Berlin wall symbolizing the injustices and internal weaknesses of the Communist system.

The exhibition starts with the question what the revolution should mean to us nowadays. Russian and German politicians and public intellectuals provide the visitors with answers ranging from a warning of troubles lying ahead if economic inequality rises further (Gregor Gysi) to outright condemnations of communism and its consequences (Erika Steinbach). In the following rooms, the visitor receives a fairly orthodox interpretation of the causes and consequences of the Russian Revolution: The exhibit does a good job illustrating the inequalities in a society of super-rich nobles, tsars and also businessmen on the one hand, and extremely poor peasants and workers on the other. Extreme refinement of the tsarist family's accessories makes for a good contrast with photographs of poor workers and paintings of rural life highlighting the poverty of the peasants; an installation of Karl Marx looms in the background as an ominous ghost watching the tsar and his family. The Russo-Japanese war triggers unrest in 1905, the tsar however clings to his power. Only the First World War and the ensuing unrests can bring him down. The exhibition thus shows how a combination of rapid industrialization and modernization led to increasing inequality. In the end, however, only the crises of war could wipe away the autocracy.

Obviously, an exhibition cannot be complete. Arguably, the revolution in February/ March 1917 does not receive the attention it deserves. Some actors, such as Alexander Kerenskii or even Iosif Stalin, remain marginal figures. The

presentation on the civil war and on the repercussions of the revolution among the national minorities remains sketchy. However, the omissions also leave room for a set of rare objects, such as photographs showing the everyday life of peasants, artistic representations of progress and development in the works of Alexander Afinogenow, Vladimir Lebedev, El Lessitzky or Alexander Rodchenko.

Above all, however, such omissions are necessary to make room for the more original parts of the exhibition, showing the repercussions of the revolution beyond the borders of the Russian Empire. The exhibition reserves a lot of room for the consequences of revolution in Germany, Hungary, Poland, Italy, France and Great Britain. Posters and photographs illustrate how fragile democracy was in most European countries. Old democracies such as France and Great Britain fared better than the young and instable republics in Germany or Hungary. The exhibition does a good job illustrating the deep divisions within these societies, showing photographs of street violence, anti-Semitic and anti-Bolshevik propaganda. While this would already explain the relevance of such an exposition for a German public, the exhibition ends with the story of the migration between Russia and Germany. Nansen passports, photographs, memoirs, letters, photographs and other objects from Russia illustrate the fates of individuals who had to flee. On the other hand, the Soviet Union also became a place of exile and longing for many German leftists such as the painter Heinrich Vogeler or the writer Lion Feuchtwanger. The revolution thus resulted in lasting entanglements between Germany and the new state.

The exhibition received mixed reviews from newspapers. Some hailed it for providing a disengaged picture, as if the events did not happen one hundred, but instead five hundred years ago. Others argued that the exhibition does not only provide the visitors with a German perspective of the events, but instead consciously tries to widen the perspective towards other countries in Europe. On another level it also emphasizes deep societal divisions, counterposing terror and utopia [3]. Nevertheless, other reviewers were more critical, arguing that the exhibition does not adequately represent the negative consequences of revolution. For example, it arguably does not show the way Russia might have taken if the emerging bourgeoisie had been allowed to thrive. The exhibition thus follows an established narrative about the inevitability of revolution, without presenting any historical alternatives. By stopping short of discussing Stalinism, the exhibition would remain incomplete at best, and tendentious at worst [4].

The age of Communism. An Exhibition created by Gerd Koenen

With around 500 exhibits, the history of revolution at the DHM is quite extensive. The poster-exhibition of the Foundation for the Reappraisal of the GDR-dictatorship necessarily takes a different approach. It doesn't use exhibits, but 25 posters that can be sent to different institutions within Germany, Europe and also abroad. The exhibition takes the visitors on a tour de force through one hundred years of not only Soviet history, but also of communist movements throughout the world, including the GDR, China and Latin America. Individual posters on the emancipation of women, on Communist atheist campaigns, and socialist everyday life provide an impression of the all-encompassing ambition of the communist movements.

The exhibition does an excellent job explaining the long-term effects of communism throughout the world. It tries to explain why it appealed not only to leftists of the 1960s, but also to anti-colonial movements around the globe. According to the exhibition, the real "revolutions" did not happen in 1917, but instead in 1989, when the Eastern bloc came tumbling down. The selection of events and episodes also helps to decenter the history of Communism by emphasizing the importance of China as an alternative beyond the 1989 divide.

Inevitably, the exhibition has to focus on selected aspects of communist history. Nevertheless, one omission does seem problematic: It does not even contain one poster on the Soviet effort in the Second World War. Perhaps, one could argue that the inclusion of the Second World War would have gone beyond the scope of an exhibition on "Communism". Nevertheless, it seems problematic to not even mention the fact that it was a socialist country that stopped the fascist (respectively National Socialist) onslaught, genocide and holocaust in Eastern Europe. Also, in a German context it would have been important to at least attempt to explain the context of the creation of the GDR after the Second World War. Without discussing the significance of the Second World War, the exhibition can hardly explain why communism also attracted so many people throughout the world during the Cold War.

Conclusions.

Both exhibitions present the Russian Revolution as a key-event for the history of 20th century Europe. The curators are less interested in old questions, e.g. whether we should call the Bolshevik takeover a coup or a revolution, or how big the influence of foreign powers was during revolution. Instead, both

exhibitions focus on the international repercussions in Poland, Germany, Hungary, Italy, Great Britain, France, and in the case of the poster-exhibition on the rest of the globe. In other words, the makers of the exhibitions do not try to settle old scores between the adherents of different versions of revolutionary history, but instead to raise curiosity for an event that has lost much of its old relevance for a younger generation in Germany and beyond.

If there is a common message, it seems to be that the Russian Revolution was not only a world historical conflict, but also a shared history: The Bolshevik movement was part of the transnational social democratic movement. And although this might be a controversial thought, the exhibitions also argue that rightwing ideologies evolved in reaction to the 1917 revolution. The October revolution thus set the stage for the conflicts of the short 20th century. In a way, then, the exhibitions show how a German public has learnt to deal with the ambivalences of an event that always represented both: Hope and destruction, peace and violence, idealism and pragmatism in history.

Reference.

1. 1917. Revolution, URL: https://www.dhm.de/ausstellungen/1917-revolution.html [7.2.2018].
2. The poster exhibition can be downloaded from the foundation-website. See: Gerd Koenen (ed.): Der Kommunismus in seinem Zeitalter, URL: https://www.bundesstiftung-aufarbeitung.de/uploads/2017-ausstellung/screenversion-de.pdf [7.2.2018].
3. For a positive review see: Andreas Kilb: Von der roten Flut blieb am Ende ein Hut, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 21.10.2017, URL: http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/kunst/historisches-museum-russische-revolution-15252472.html [7.2.2018].
4. Examples of such negative reviews include: Arno Widmann: Das DHM erinnert unkritisch an die Oktoberrevolution vor 100 Jahren, in: Berliner Zeitung, URL: https://www.berliner-zeitung.de/28614454 [7.2.2018]; Sven Felix Kellerhof: Lenins Opfer übersieht man leicht, in: Die Welt, 19.10.2017, URL: https://www.welt.de/geschichte/article169764989/Lenins-Opfer-uebersieht-man-leicht.html [7.2.2018].

ОБРАЗ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ГЛАЗАХ ФРАНЦУЗСКОГО ДИПЛОМАТА МОРИСА ПАЛЕОЛОГА

Андрианов А. А.

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, lapshina.nni2012@yandex.ru

Жорж Морис Палеолог (1859 – 1944 гг.) – французский политик, карьерный дипломат, школьный друг президента Р. Пуанкаре [1: 5] С января 1914 по май 1917 гг. работал на посту посла Франции в России. Посол активно участвовал в укреплении союза России и Франции, так как считал, что только так последняя сможет выполнить свою «историческую миссию» и победить Германию, с которой избежать войны было уже нельзя.

М. Палеолог считал необходимым сохранение царизма в России, но выступал за его превращение в конституционную монархию. Первый аргумент за сохранение царизма сводился к тому, что необходимо как можно быстрее восстановить порядок и обеспечить продолжение участия России в войне. Второй его аргумент заключался в том, что монархия являлась гарантом сохранения целостности страны, так как именно царь представлял собой нить, которая связывала многонациональный народ империи. Для посла не имело значения, кто занимал бы престол, главное, чтобы монархия была сохранена и обеспечивала дальнейшее продолжение войны. Однако М. Палеолог понимал, что царской России необходимы реформы, так как в противном случае она не сможет воевать из-за дезорганизации экономики. Он видел спасение режима в назначении министерства доверия. Считая, что престиж власти слишком низок, французский посол не рекомендовал решать социальные противоречия страны силой.

После гибели монархии в России посол отдавал предпочтение либеральным политическим деятелям Временного правительства – Львову Г.Е., Гучкову А.И., Милюкову П.Н., Шингареву А.И. и пр., понимая, что только они могут обеспечить продолжение военных действий, с другой стороны он отдавал себе отчёт в том, что сила ни на их стороне. Вся мощь была сосредотачена в руках Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов с его виднейшими представителями: «… именно в Совете надо искать людей инициативы, энергичных и смелых… Чхеидзе, Церетелли, Зиновьева и Аксельрода. Вот настоящие герои начинающейся драмы!». [2: 369-

370] Стараясь привлечь на свою сторону Совет, М. Палеолог стремился доказать, что завоевания революции останутся в руках народа только при условии, если он будет продолжать войну до победного конца. Характерной здесь может быть следующая фраза: - «Я не могу лучше почтить русскую свободу, как предложив вам крикнуть вместе со мной: «Да здравствует война»». [2: 348] Очевидно, что революцию в России М. Палеолог рассматривал через призму способности России вести военные действия, поэтому посол не принимал глубоких преобразований существующего строя, так как это могло подорвать боеспособность страны-союзницы. Через французских социалистов

они пытался убедить Петроградский Совет в том, чтобы Россия продолжала выполнять союзнический долг. Неудивительно, что он был разочарован в постановлении Совета Рабочих и Солдатских депутатов о том, что солдаты, участвующие в революции, остаются в Петрограде. Данный указ считался М. Палеологом позорным пятном на русской революции. Посол отзывался о революционном гарнизоне Петрограда следующим образом: «… вид солдатни на улицах вызывает отвращение непристойностью, распущенностью, гнусностью». [2: 366] На страницах мемуаров Палеолога проскальзывают мысли о былом величии монархии и о том, что революция привела некогда могучую империю к краху.

Революция вскрывала всё худшее, что есть в человеке, никто из придворных не вступился за царя во время революции: «Ни один из великих князей… не поднялся на защиту священных особ царя и царицы; один из них не дождался даже отречения императора, чтобы предоставить своё войско в распоряжение… [Временного] правительства». [2: 394] М. Палеолога поражала быстрота, с которой недавно лояльные царской власти войска: гвардия, казаки, императорский полк присягают новой власти: «…офицеры и солдаты, заявляли о своей преданности новой власти, которой они даже названия не знают, как будто они торопились устремиться к новому рабству». [2: 353-354] Опасным ему представлялось для судьбы России также движение за отделение областей: «…нынешнее движение гораздо более сепаратистское, чем областное, скорее сецесионистское, чем федералистское; оно стремится ни больше, ни меньше, как к национальному распаду». [2: 402] Революция освобождала народные желания, которые удерживались так долго государством: право голоса, раздел земли, «анахроничные инстинкты» и возможности предъявить санкции тем, кто так долго пользовался привилегиями, которые были недоступны всему народу.

Революция с самого начала являлась для М. Палеолога незавершённой так как, народ лишь смял монархию и чиновников, но не разрешил проблемы национальные, экономические, социальные и пр. Посол утверждал, что, подойдя к этим вопросам неграмотный народ с хорошо развитым воображением, но плохо понимавший в управлении государством, может лишь разрушить то, что ещё оставалось, но не был готов созидать на месте развалин, что-то новое в отличие от народов Запада: «… у латинских и англосаксонских народов революционные силы обладают иногда изумительным могуществом организации и обновления. Но у народов славянских они могут быть лишь растворяющими и разрушающими: они роковым образом приводят в анархии». [2: 443] В подтверждение этому посол замечал, что идеал славянских революционеров – это «воплощённая неопределённость». [2: 406] По мнению М. Палеолога, предрасположенность русского народа к революционной непредсказуемости была связана, в том числе, и с особенностями его религиозности: «… русский народ гораздо менее

религиозен, чем кажется: он, главным образом, мистичен. Его беспрестанные крестные знамения и поклоны … являются … выражением потребностей его живого воображения. Достаточно немного проникнуть в его сознание, чтобы открыть в нем неопределённую, смутную, сентиментальную и мечтательную веру, очень бедную элементами интеллектуальными и богословскими, всегда готовую раствориться в сектантском анархизме». [2: 374] Важной характеристикой русского народа в глазах представляется его леность, любовь к зрелищам, поголовная неграмотность и стремление к абсолюту, что вкупе давало возможность различным демагогам вроде В.И. Ленина вести его туда, куда они захотят. М. Палеолог считал, что русский народ не может мыслить конструктивно и не видит революцию такой, какая она есть на самом деле. При таких обстоятельствах, невозможно разрушив старый режим, построить, что-то более совершенное. О грядущей судьбе России посол высказывается следующим образом: «предвижу … длинный период анархии. После нее – диктатура». [2: 409]

Дальнейшее развитие революции было для посла равносильно углублению анархии и буйства черни. Очень яркой характеристикой России и революции представляется следующая фраза посла: «Пусть русская революция примет какое угодно знамя, хотя бы даже черное, только бы это была эмблема силы и порядка. Но посмотрите на эту … пурпурную тряпку. Это, действительно, символ новой России: грязная, расползающаяся кусками тряпка». [2: 471] Русская революция была для Мориса Палеолога тра-

гедией отвергающей и разрушающей весь предыдущий опыт развития России и устанавливающей на его месте анархию и дезорганизацию: «То, что похоронили в красных гробах, это - вся византийская и московская трагедия русского народа, это – все прошлое святой Руси...». [2: 413-414] Посол признавал значимость революции для мирового сообщества, но не мог сказать к чему она приведёт: «Это - не революция, это – эпоха» - цитировал он Жозефа де-Местра – французского философа. [2: 452]

Примечание.

1. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. — М.: Междунар. отношения, 1991

2. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. – М.: Издательство политической литературы, 1991

РЕВОЛЮЦИЯ КАК МЕДИЙНОЕ СОБЫТИЕ. НЕМЕЦКИЕ СМИ И 100-ЛЕТИЕ РЕВОЛЮЦИИ

Дирофф Клаус

Университет имени Фридриха-Александра, Эрланген – Нюрнберг, Германия,
moritz.florin@fau.de

Октябрьская революция является одним из ключей к развитию XX века. С этим связано поляризация мира после 1945 года и, конечно же, революция оказала длительное влияние на историю Германии и Европы. Поэтому неудивительно, что немецкие СМИ придают 100-летию Октябрьской революции должное znachenie. Не только телевидение, но и печатные СМИ подробно затронули эту тему в 2017 году.

На мой взгляд, многие немцы, особенно из старшего поколения, очень заинтересованы в российско-советской истории. Конечно, это также связано с трагическими германо-советскими или германо-российскими отношениями. Сравнение между Германией и Россией также играет роль в

субъективном восприятии. В Германии мы смотрим на историю революции с дистанции, и поэтому нам легче обсуждать эту тему.

В этом году мы следили за освещением темы в крупных немецких журналах как например:

- известный журнал новостей DER SPIEGEL (Зеркало),

- еженедельная газета DIE ZEIT (Время),

- национальная ежедневная Газета SÜDDEUTSCHE ZEITUNG (Южно-германская газета)

- региональная газета, ERLANGER Nachrichten.

Страницы других газет так же освешали эту тему. На переднем плане надо отметить Frankfurter Allgemeine Zeitung, FAZ, и газету «DIE WELT», в которой печатались серию статьей о том, что стало бы, если бы революция не состоялась.

Если рассмотреть содержанию статей, то можно выделить темы на следуювие категории:

- *Рецензии на самые важные книги опубилкованные в 2017 году о теме революции:*

Gerd Koenen: Die Farbe Rot. Ursprünge und Geschichte des Kommunismus, München 2017.

- „Rastlose Flucht nach vorn – vorbei? Seid euch da bloß nicht so sicher: Gerd Koenen erzählt die Geschichte der kommunistischen Weltbewegung. „Die Farbe Rot“ ist ein unvollkommenes Meisterwerk der historischen Analyse“ - SZ v. 29.09.17, S. 14

-„Vergesst die Dämonen nicht – Gerd Koenens Meisterwerk über den Kommunismus: „Die Farbe Rot“ - ZEIT Nr. 48 – v. 23.11.17, S. 64

- Karl Schlögel: Das sowjetische Jahrhundert. Archäologie einer untergegangenen Welt, München 2017.

- „Moskaus Duft, minus 49 Grad – Warteschlange, Gemeinschaftswohnung, Datscha, Palmen, Terror, Gorki-Park und Feste: Der Historiker Karl Schlögel entwirft ein imaginäres Museum der Sowjet-Zivilisation“ - SZ v. 10.10.17

- „Wenn Stalin anrief – Wie die Menschen in der Not des sowjetischen Alltags lebten: Karl Schlögels großartiges Porträt einer untergegangenen Welt“ - ZEIT Nr. 43 – v.19.10.17, S. 53

- „Was bleibt? - *Karl Schlögel* zeichnet in *Das sowjetische Jahrhundert* eine Archäologie einer untergegangenen Welt nach.“ - Literatur Spiegel Dezember 2017/Januar 2018 v. 23.11.17 – Beilage zum Spiegel Nr. 48

- *Исторические события и тогдашние германо-российские отношения*

- „RUSSLAND – Vom Zarenreich zur Weltmacht“ – Spiegel Geschichte 6/2016 v. Dezember 2016

- „Der Sturz des Zaren – Vor 100 Jahren: Zweimal Revolution in Russland“ - EN v. 04./05.03.2017

- “Alles geht zum Teufel“ - Die russische Oktoberrevolution gilt als Wendepunkt der Weltgeschichte. Wie erlebte die Bevölkerung in Petrograd den Tag des Umsturzes? Eine historische Rekonstruktion anhand von Tagebüchern und Augenzeugenberichten“ - ZEIT Nr. 41 – v. 05.10.17, S. 19

- „Wer wen? - Deutschland überschätzte seine Rolle in der russischen Oktoberrevolution maßlos. Und seine Versuche, den Bolschewismus für sich zu nutzen, führten in die Katastrophe“ - Gerd Koenen in der SZ v. 07.11.17, S. 18

- *Взгляд России 2017 года на революционный 1917 год*

- „Nicht die Spur einer Utopie – 1917, mitten im Ersten Weltkrieg, ergriffen die Bolschewiki die Macht, und Lenin verwandelte die Marxsche Theorie in eine traumlose, totalitäre Herrschaftspraxis“ - Gerd Koenen in der ZEIT Nr. 43, v. 19.10.17, S. 22

- „Was bleibt vom linken Traum? - Nichts als Millionen Tote, Unterdrückung und Elend? Oder lebt in ihm noch die Hoffnung auf eine bessere Welt? Antworten von Autoren aus drei Generationen“ - ZEIT Nr. 43, v. 19.10.17, S. 23

- „Auf links gedreht – Einst wollten die russischen Bolschewiki die ganze Welt umkrempeln, doch ihre Enkel begnügen sich mit Brauchtumspflege. Die kommunistische Partei Russlands paktiert mit der Kremlpartei – dabei sind die sozialen Gräben im Land tiefer denn je“ - SZ v. 02.11.17, S. 9

- *Сложное отношение Русского государства и Российской общественности к революции*

- Revolution rot-weiß - Verdammte Vergangenheit: Russland plagt sich mit der Erinnerung an das Jahr 1917 – SZ v. 07.02.17

- „Putins verordnete Versöhnung – Wie Russlands Herrscher mit der Erinnerung an die Oktoberrevolution umgeht“ - EN v. 26.10.17, S. 3

- „Macht keinen Aufstand! - Vor 100 Jahren ging das alte Russland in der Oktoberrevolution unter. Die Führung um Wladimir Putin weiß nicht, wie sie den Jahrestag feiern soll. Weil sie auch heute Angst vor Revolutionen hat.“ SPIEGEL 44/2017 – v. 28.10.17, S. 78-85.

- „...sonst brennen die Kinos! - Der Regisseur Alexej Utschitel hat einen Film über Zar Nikolaus II. gedreht: Schon vor der Premiere erregt „Mathilde“ den

Unwillen christlicher Gotteskämpfer in Russland - Hauptdarsteller Lars Eidinger fühlt sich bedroht. In einer Mail schreibt er dem Regisseur Alexej Utschitel, warum er der Premiere fernbleiben will“ - ZEIT Nr. 42 - v. 12.10.17, S. 43
- „Es wird sich alles aufklären – Der stets staatstreue russische Regisseur Alexej Utschitel ist mit seinem Film „Mathilde“ zum Ziel nationalistischer Hetzer geworden. Nun versteht er die Welt nicht mehr“ - SZ v. 30./31.10./01.11.17

Попутно, тоже следует упомянуть, что SÜDDEUTSCHE сообщала о 75-й годовщине немецкого вторжения в Советский Союз в рамках серии статьей. Важную роль в ней играет советская перспектива в рамках интервью с очевидцами и ветеранами войны.

Но мне хотелось бы затронуть другую серию статьей в Süddeutsche Zeitung под заголовком «Голоса 1917 года». Серия началась в январе 2017 года и состоит из 13 статей. В этих статьях переданы разные голоса: Романовы и сторонники царского правления, большевики, дворяне, представители буржуазии, художники, интеллектуалы, крестьяне и т. д. Эти голоса создают яркую картину ситуации того времени. Подлинная и захватывающая «живопись» революционного года объясняется тем, что говорят только очевидцы тогдашних событии.

В первой статье фермер Александр Самараев из Тотьмы, в 700 км к северо-востоку от Москвы, задает вопрос: «Мы счастливо провели первый день года. Пройдет ли кровопролитная война в этом году? Все говорят «да». Судя по тому, что происходит, конец должен быть близок. Многие магазины закрылись в городе ... » Царь Николай II в Царском Селе пишет: «В половине десятого я пошел в церковь с моими дочерьми. После завтрака: прогулялись по парку. Алексий тоже встал и вышел на свежий воздух ... » Царь не говорит ни слова о том, что может принести Новый год. Возникает впечатление, что Царь даже меньше думает о судьбе Родины чем крестьянин Александр Самараев.

Поэтесса Зинаида Гиппиус волнует: «Наши политические разумные верхи ведут свою, чисто оппозиционную и абсолютно безуспешную политику (правый блок), единственный результат которой — их полное отъединение от низов. Поэтому то, что будет, — будет голо — снизу. Будет, значит, крах: бунт, анархия... почем я знаю! Я боюсь, ибо во время войны революция *только снизу* — особенно страшна. Кто ей поставит пределы? Кто будет кончать ненавистную войну? Именно кончать?» [1; 17].

Я цитировал это подробней, чтобы передать вам представление о разнообразии голосов. Все статьи вместе взятые дают чрезвычайно яркую

картину событий 1917 года. В плотных, а иногда и очень эмоциональных повествованиях, сегодняшний читатель испытывает страхи и надежды самых разных людей, условий жизни, экономических трудностей и политических потрясений, интимных мыслей, которые изначально не были предназначены для публики.

Можно сказать, что немецкие СМИ дали 100-летию революции должное внимание. Они не попытались использовать историю для политических целей, а наоборот старались передать разнообразные взгляды. Надо отметить, что в немецких СМИ говорилось, что в России эта тема к удивлению мало освещалась. СМИ объясняли это тем, что в России революция сложная тема, потенциально разделяющая общественность. В этом духе можно сказать, что в Германии революция наоборот потеряла силу разделять общественность. Революция для нас уже стала историей.

Примечание.

1. «Die Stimmen von 1917: Briefe und Tagebücher aus Russland (I)» - SZ v. 07./08.01.17

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИИ ГЛАЗАМИ ДЖОНА РИДА

Исаева А. О.

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, anastasiaololololisaeva@gmail.com

Революция 1917 года в Росси привлекла внимание всего мира, за крахом империи следили с огромным интересом. Огромную ценность имеют источники, написанные современниками, однако больший интерес представляют материалы иностранных граждан, которые явились очевидцами переломных событий в судьбе страны. Ценным источником информации являются сведения американского журналиста Джона Рида, записанные им во время визита в Россию осенью 1917 года и позднее, опубликованные в виде знаменитой книги «10 дней, которые потрясли мир».

Целью работы является рассмотрение событий революции 1917 года в России через призму видения Джона Рида.

Джон Рид родился в 1887 году в семье судьи и с детства проявлял интерес к журналистике. В Гарварде Рид принимал участие в собраниях клуба социалистов. Его заинтересованность социальными проблемами во многом была вызвана знакомством с Линкольном Стеффенсеном – знаменитым американским журналистом, социалистом. Позже, как и сам Рид, Стеффенсен будет восхищаться революционной Россией.

Одной из основных тем, интересовавших Джона Рида, была революция. Впервые был арестован в 26 лет, когда принимал участие в рабочей забастовке. Жестокое подавление выступлений рабочих, а также последовавший за этим краткосрочный арест, сделали взгляды Рида ещё более радикальными. Осенью 1913 года Джон был направлен в Мексику, чтобы подготовить репортаж о Мексиканской революции. Джон Рид глубоко сочувствовал тяжёлому положению повстанцев и был категорически против американской интервенции. Побывав на митингах США пришёл к убеждению, что классовый конфликт в обществе куда серьёзнее, чем казалось ему раньше.

В 1914 г. Рид становится военным корреспондентом, посещает страны Восточной Европы и Россию. Оценка журналистом воюющих сторон была весьма нейтральна- Рид не сочувствовал ни тем, ни другим. В войне он усматривал лишь цель приблизить социальные изменение в обществе. Рид писал: «мы, социалисты, должны надеяться, нет — верить, что из-за этих ужасных кровопролитий и страшных разрушений, произойдут глобальные социальные изменения, и мы ещё на шаг приблизимся к нашей мечте — Миру среди Людей».

Первые сообщения о том, что в России свергнуть царь и установлена республика, Джон встретил с радостью. Но сразу задумался к чему приведет падение самодержавия. У него были все основания полагать, что в Петербурге произошла не народная революция, а всего лишь дворцовый переворот. Постепенно новые события привлекали все более его внимание. Пообщавшись с русскими эмигрантами в США, Рид вскоре пришел к выводу что революция в России имеет массовый, народный характер. Позже Рид напишет: «именно массы народные — рабочие, солдаты и крестьяне определили каждый поворот в ходе революции». Рид подошел к мысли что он должен ехать в Россию, эту идею поддержала его жена Луиза.

17 августа 1917 года Джон Рид с женой отплыли из Нью-Йорка в Европу. Пара прибыла в Петроград сразу после неудачной попытки военного переворота Л. Г. Корнилова. Перед их глазами открылась картина города, заполнившегося людьми в серых шинелях, потертых пальто, рабочих тужурках. Отзываясь о Петрограде того времени Рид писал: «По богатству красок, грозности и величию, это заставляет бледнеть Мексику». Мексиканская революция была ярчайшим событием в истории стран Латинской Америки. Она явилась одной из самых кровопролитных в истории. Рид сравнивает Мексику с Россией, так как революция в Мексике, как и в России была ознаменована борьбой против диктаторских режимов, имела целью решить социальные проблемы- так лидеры обоих революций настаивали на проведении аграрной реформы и предоставлении земли крестьянам.

Находясь в Петербурге Рид не ограничивал себя в общении с определенным кругом лиц. Его видели, как в буржуазных салонах, в гостиных крупных промышленников, так и на массовых митингах и рабочих собраниях. Он беседовал с представителями буржуазии, пролетариата, интеллигенции старой и новой с целью составить общую картину происходящего в стране.

Симпатии Рида, как левого радикала были всецело на стороне большевиков. «Только большевистская партия,- по его мнению, - была способна взять власть в свои руки».

Главным источником Рида был Петербург, кипящей энергией народных масс, сводки из средств массовой информации различных политических сил, а также личные разговоры с представителями всех слоев населения.

Без сомнения, Рид восхищался русской революцией. «Американцам показалось бы невероятным,- писал Джон, - что классовая борьба могла дойти до такой остроты». Русская революция проявляла изумительную жизнеспособность.По мнению Рида, именно в этот момент «огромная Россия вынашивала новый мир, корчась в муках».

Как было отмечено выше, именно большевики, по мнению Рида явились «главной движущей силой революции» и именно большевики привносили в Советы жизненность. Успех большевиков Рид объясняет существованием четкой программы: «Большевики – возглавили движение народных масс,- писал Рид-они взяли простые, неоформленные мечты масс рабочих, солдат и крестьян и на них построили программу своих ближай-

ших действий». А также отмечает и огромный успех большевистской пропаганды.

Интересно описание Ридом отношения к революции имущих слоев населения и интеллигенции, как пишет Рид- «значительная часть имущих классов предпочитала немцев революции - и не колебалась говорить об этом». Рид заостряет внимание на безразличие интеллигенции к происходящим событиям:«повседневная мелочная жизнь города шла своим чередом, стараясь по возможности не замечать революции». По его мнению, многие старались закрыть глаза на революцию: «Поэты писали стихи, — но только не о революции. Художники-реалисты писали картины на темы старинного русского быта — о чём угодно, но не о революции. Провинциальные барышни приезжали в Петроград учиться французскому языку и пению».

Передавая атмосферу города Рид писал: «все знали: что-то должно случиться, но никто не знал, что именно». В Петербурге царила атмосфера беспорядочности и лихорадочности: «газетные столбцы пестрели сообщениями о самых дерзких грабежах и убийствах, а преступники оставались безнаказанными».

По его мнению, правительство с каждым днем становилось беспомощнее, а тем временем «Россию затоплял такой поток живого слова, что по сравнению с ним «потоп французской речи» кажется мелким ручейком. Лекции, дискуссии, речи — в театрах, цирках, школах, клубах, залах Советов, помещениях профсоюзов, казармах. Митинги в окопах на фронте, на деревенских лужайках, на фабричных дворах». Город был настроен нервно и настораживался при каждом резком шуме.На каждом углу, на каждом перекрёстке собирались густые толпы. Горячо спорили солдаты и студенты.

Описывая напряженную атмосферу в городе, Рид также заостряет внимание на социальных проблемах. «За молоком, хлебом, сахаром и табаком приходилось часами стоять в очередях под пронизывающим дождём. Возвращаясь домой с митинга, затянувшегося на всю ночь, я видел, как перед дверями магазина ещё до рассвета начал образовываться «хвост», главным образом из женщин; многие из них держали на руках грудных детей… Подумайте, каково было этим кое-как одетым людям выстаивать целые дни напролёт на скованных и выбеленных морозом петроградских улицах в ужасную русскую зиму»!

Стоит подробно рассмотреть непосредственно отображение событий 25-26 октября. Описывая город 25 октября, Рид пишет так: «На Невский, казалось, высыпал весь город. На каждом углу стояли огромные толпы, окружавшие яростных спорщиков. Пикеты по двенадцати солдат с винтовками и примкнутыми штыками дежурили на перекрёстках, а краснолицые старики в богатых меховых шубах показывали им кулаки, изящно одетые женщины осыпали их бранью. Солдаты отвечали очень неохотно и смущённо улыбались. По улице разъезжали броневики».

Любопытно изображение Ридом Зимнего дворца, занятого солдатами: «Всё помещение было превращено в огромную казарму…На подоконниках были установлены пулемёты, между тюфяками стояли ружья в козлах». Журналист дает представление о грабежах: «красногвардейцы и солдаты набросились на ящики с яростью, разбивая их прикладами и вытаскивая наружу ковры, гардины, белье, фарфоровую и стеклянную посуду. Кто-то взвалил на плечо бронзовые часы. Кто-то другой нашёл страусовое перо и воткнул его в свою шапку».Однако Рид дает представление о том, что не все красногвардейцы были варварами и дикарями: ««Как только начался грабёж, кто-то закричал: «Товарищи! Ничего не трогайте! Не берите ничего! Это народное достояние!» Его сразу поддержало не меньше двадцати голосов: «Стой! Клади всё назад! Ничего не брать! Народное достояние!» Десятки рук протянулись к расхитителям. У них отняли парчу и гобелены. Двое людей отобрали бронзовые часы. Вещи поспешно, кое-как сваливались обратно в ящики, у которых самочинно встали часовые».

Открывшийся 25 октября II Всероссийский съезд Советов «навис над страной как грозовая туча». По мнению Рида, съезд представлял огромную опасность для правительства. Открытие заседания съезда сопровождалось ожесточённой политической борьбой. Рид считает, что именно большевики «придавали совету жизненность» и придает огромное значение роли личности Ленина.

Отношение Рида к Ленину можно понять, сопоставив описание разных политических деятелей. Так Мартов представляется Риду сгорбившимся, смертельно больным, говорящим хриплым еле внятным голосом. Хрипоту же Ленина Рид называет приятной, а его голос громовым. Каждый раз, как пишет Рид, Ленина появлялся на трибуне под громовые овации и приветственные рукоплескания. По мнению Джона, Ленин был великой, самой влиятельной политической фигурой России.

Описывая Ленина, Рид прибегает к таким речевым оборотам: «простой, любимый и уважаемый так, как, быть может, любили и уважали лишь немногих вождей в истории. Необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту, чуждый какой бы то ни было рисовки, не поддающийся настроениям, твёрдый, непреклонный, без эффектных пристрастий, но обладающий могучим умением раскрыть сложнейшие идеи в самых простых словах и дать глубокий анализ конкретной обстановки при сочетании проницательной гибкости и дерзновенной смелости ума». Рид обосновывает веру народа в речи Ленина тем, что его слов веяло спокойствием и силой, глубоко проникавшими в людские души.

Таким образом, Дж. Рид оказался в эпицентре октябрьских событий. Не смотря на субъективность Рида, его мемуары представляют огромную ценность, так как создавая их, Рид опирался на вариативные мнения политических и социальных групп. Большого внимания заслуживает его детальная передача атмосферы революционного Петербурга.

Его крайне субъективная оценка придавала огромную роль большевистской партии и непосредственно личности «Великого Ленина». Обосновывая и оправдывая октябрьские действия большевиков, Дж. Рид говорит о том, что большевики должны были и взяли власть в свои руки, и именно большевики смогли дать народу то, что он хотел. В русской революции – Рид, как и лидеры большевиков, видел пролог к мировой классовой борьбе, именно поэтому он не мог не восхищаться революционной Россией и ее успехами.

РОССИЯ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА ПО МЕМУАРАМ ДЖ. БЬЮКЕНЕНА

Мосина Д. А.

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, dasha.mosina@mail.ru

Прошло сто лет с начала революционных событий 1917 года, но до сих пор являются предметом научных и общественных дискуссий. Чтобы лучше представить атмосферу тех дней, мы уделяем большое значение

изучению источников, оставленных современниками, очевидцами, непосредственными участниками данных событий.

Одним из таких источников являются «Мемуары дипломата» Джорджа Бьюкенена. Джордж Бьюкенен, британский дипломат, посол Великобритании в России в 1910-1918 гг., был свидетелем некоторых крупных политических событий, таких как начало Первой мировой войны, крушение Российской монархии, возникновение и падение Временного Правительства и большевистская революция. Он подробно описывает свое отношение к императору Николаю II и его жене, Александре Федоровне, к членам Временного правительства, к большевикам.

Цель данной работы состоит в том, чтобы изучить оценку Дж. Бьюкененом политической ситуации в России накануне и вовремя Революции 1917 года.

На взгляд дипломата, социальный, политический и экономический кризис в Российской империи стал наблюдаться уже к началу 1917 года. Дж. Бьюкенен отмечал, что уже в 1916 году начало проявляться «чувство недовольства, открыто выражаемого всеми классами населения». Солдаты, офицеры и генералы, по словам Бьюкенена, возвращались с фронта и заявляли, «что пора убрать с дороги всех тех, кто виноват в страданиях армии».

Одну из причин недовольства населения он видел в сокращении «съестных припасов и разрухой, которая уже проникла в Петроград». Другой причиной были потери, понесенные Россией во время войны, и понимание того, что эта война бесполезна. Бьюкенен писал: «принесено в жертву без всякой пользы столь много жизней, что это дало новую пищу тому взгляду, что продолжение борьбы бесполезно, и что Россия, в противоположность Великобритании, ничего не выиграет от продолжения войны».

Еще одну причину усиления революционных настроений Джордж Бьюкенен видел в связях императорской семьи с Григорием Распутиным. Сначала, как отмечал дипломат, влияние Распутина распространялось в большей степени на царицу, нежели на царя, и носило лишь религиозный характер. Однако, пользуясь своим положением в царской семье, он «старался устроить на важных постах православной церкви своих друзей и приверженцев и разжаловать тех священников, которые осмеливались говорить с ним не особенно почтительно». Постепенно влияние Распутина увеличивалось и «он начал играть роль и в политическом отношении»: он

«хлопотал о назначении на то или иное вакантное место министра своего реакционного друга». «Этим он косвенно влиял на царя в выборе министров, а следовательно, и в направлении политики». Бьюкенен также отмечал, что «Распутина обвиняли в шпионстве в пользу Германии». Однако, по словам посла, Распутин был задействован в этом лишь косвенно, поскольку «имел привычку повторять своим друзьям все, что он слышал в Царском [Селе]». «Таким косвенным путем Германия получала много полезных сведений. Не будучи ее постоянным агентом, он все же оказывал ей не мало услуг, дискредитируя царскую власть и тем подготовляя путь революции».

Одной из причин волнений Бьюкенен также считал немецкую пропаганду среди войск на фронте и в Петрограде. По словам посла, «атмосфера вообще была пессимистическая, в обществе постоянно циркулировали преувеличенные слухи о безнадежном положении нашей[британской] армии». Подводя итог внутреннему положению Российской империи в 1916 году, Джордж Бьюкенен отмечал, что уже к концу года оно «ухудшилось почти до последних пределов возможного, так как всеобщее недовольство было еще усилено запрещением съезда Земского Союза в Москве и перерывом сессии Думы с целью предупреждения дальнейшего обсуждения этого воспрещения».

Уже в начале января, по словам Бьюкенена, положение «становилось все более и более угрожающим». «Революция носилась в воздухе, и единственный спорный вопрос заключался в том, придет она сверху или снизу. Дворцовый переворот обсуждался открыто». В связи с этим поднимался другой вопрос: «будут ли убиты и император и императрица или только последняя».

Бьюкенен выражал обеспокоенность тем, что «народное восстание, вызванное всеобщим недостатком продовольствия, могло вспыхнуть ежеминутно». Проблема снабжения продовольствием была связана с отсутствием «координации в работе министерств земледелия и путей сообщения», а также с отсутствием «организованной системы распределения».

Положение, по словам Бьюкенена, ухудшалось из-за недостатка угля, вследствие этого закрывались заводы, и несколько тысяч рабочих осталось без работы. Однако, как он отмечал, положение не было критическим, так как рабочие «получили вознаграждение и не имели повода устраивать бес-

порядки». Ситуация накалилась из-за недостатка хлеба, поскольку правительство было неспособно снабдить им Петроград. Начали вспыхивать волнения, которые только усиливались.

На фоне ухудшения социальной обстановки, всё сильнее оживлялась пропаганда на фабриках и заводах. Движение рабочих за устранение недостатка продовольствия не только усиливалось, но и «приняло теперь политический характер и поставило себе целью свержение правительства».

Бьюкенен считал, что в этой ситуации войска не помогут, а «единственным лекарством является политика уступок и примирения».

Джордж Бьюкенен был приближен к императорской семье и вхож в ее дом. В своих мемуарах он уделил большое внимание описанию качеств Николая, его жены и ее влиянию на императора.

Как отмечал дипломат, Николай не унаследовал от своего отца качеств, необходимых для самодержавного правителя: «властного характера, силы воли и способности к быстрым решениям». На него были возложены большие надежды на переход России к конституционной форме управления, однако он предпочел «следовать по стопам своего отца и оставить вещи такими, какими оставил их ему отец». По мнению Бьюкенена, «его [Николая II] несчастье состояло в том, что он родился автократом, будучи по своему характеру столь неподходящим для этой роли». Он тяготился своим наследственным бременем, не выполнял свои обещания свободы речи, собраний, из-за чего и утратил доверие народа. Основной ошибкой императора было «отсутствие понимания того, что Россия его дней не может быть управляема по тому же способу, как Россия времен Петра Великого». Бьюкенен видел выход только в организации самоуправления.

Джордж Бьюкенен подчеркивал большое влияние императрицы на политику Николая II. Именно она побуждала императора выбирать в министры «людей, на которых она может положиться в том отношении, что они будут проводить твердую политику, причем их способности совершенно не принимаются во внимание». Этим, как отмечал Бьюкенен, она бессознательно содействовала германским агентам. Ее цель состояла в том, чтобы «сохранить самодержавие в неприкосновенности для своего сына».

Джордж Бьюкенен подчеркивал слабость Николая II как императора, но отмечал его твердость в желании продолжать войну. Оценивая такое

решение, Бьюкенен считал, что Россия не в состоянии «встретить четвертую зимнюю кампанию, если настоящее положение будет продолжаться без конца».

Джордж Бьюкенен назвал Николая II «одной из наиболее патетических фигур в истории». «Если бы он жил в классические времена, то история его жизни и смерти послужила бы поэтам древней Греции сюжетом для какой-нибудь великой трагедии. Они бы изобразили его, как жертву, обреченную судьбой, преследуемую на каждом шагу безжалостным фатумом вплоть до последней раздирающей душу сцены, разыгравшейся в подвале дома в Екатеринбурге».

Как отмечал посол Великобритании, сам император считал Временное правительство «единственной надеждой для России» и «приказал войскам оказывать ему полное повиновение».Сам Бьюкенен сначала поддерживал новое правительство лишь с целью удержания России в войне, несмотря на то что он был монархистом и приверженцем сохранения монархии в России.

Особого внимания заслуживает оценка Бьюкененаминистров Временного Правительства. «Впечатление, произведенное на меня новыми министрами, было не таково, чтобы внушить мне большую уверенность в будущем». «Большинство из них уже обнаруживали признаки переутомления», и «казались взявшими на себя непосильную задачу». Бьюкенен отмечал, что они были бы «превосходным министрами в более нормальное время», но в тот момент «требовался человек действия, способный воспользоваться первой благоприятной возможностью для подавления этого соперничавшего и незаконно образовавшегося собрания [Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов]». «В правительстве не было такого человека».

Однако из всех министров Бьюкенен выделил министра юстиции А.Ф. Керенского и министра финансов М.И. Терещенко. «Благодаря своему уменью владеть массами, личному влиянию на товарищей по правительству и отсутствию сколько-нибудь способных соперников, Керенский был единственным человеком, от которого мы могли ожидать, что он сумеет удержать Россию в войне. Министр финансов Терещенко, впоследствии ставший министром иностранных дел, был одним из наиболее обещающих членов нового правительства. Очень молодой, пылкий патриот, с

блестящим умом и с безграничным доверием к Керенскому, он был склонен к излишнему оптимизму. Лично я его очень уважал».

Временное правительство намеревалось вести войну до победного конца, однако уже в апреле Бьюкенен «потерял всякую надежду на успешное русское наступление весною». Также он не придерживался «оптимистических взглядов на ближайшее будущее этой страны». Он считал, что «Россия не созрела для чисто демократической формы правления», и предрекал в скором времени ряд «революций и контрреволюций».

Говоря об итогах революции, он отмечал что она «привела во временное бездействие машину управления, и во многих административных ведомствах царит дезорганизация». Еще одним результатом стало усиление социалистической пропаганды «благодаря прибытию новых анархистов из-за границы». Среди них был Ленин, «приехавший в запломбированном вагоне через Германию».

Ленин отстаивал «быстрое заключение мира без аннексий и контрибуций», побуждал «солдат к дезертирству, к захвату земли и к убийствам». Бьюкенен называл большевиков «пораженцами» из-за их требования «положить каким бы то ни было средствами и какою бы то ни было ценой» конец войне. Партия Ленина призывала солдат «обратить свое оружие» «против реакционных «буржуазных» правительств в своей собственной и других странах».

Бьюкенен следующим образом характеризует большевиков: «Для большевика не было ни родины, ни патриотизма, и Россия была лишь пешкой в той игре, которую играл Ленин. Для осуществления его мечты о мировой революции война, которую вела Россия против Германии, должна была превратиться в гражданскую войну внутри страны; такова была отныне конечная цель его политики».

Несмотря на такую оценку, посол признавал, что большевики были единственной партией, имеющей «определенную политическую программу». «Они более активны и лучше организованы, чем какая бы то ни было иная группа». «Большевики составляли компактное меньшинство решительных людей, которые знали, чего они хотели и как этого достигнуть». «Кроме того, на их стороне было превосходство ума, а с помощью своих германских покровителей они проявили организационный талант, которого у них сначала не предполагали». По оценке Бьюкенена, большевики

«представляют собой единственную партию, имеющую за собой реальную силу» и, возможно, «сохранят за собой власть еще в течение некоторого времени».

Несмотря на то, что большевики, как отмечает Бьюкенен, ввергли страну в нищету, при этом применяя террористические методы, он признавал Ленина и Троцкого необыкновенным людьми: «единственные два действительно сильные человека… были предназначены для того, чтобы довершить ее [России] разорение».

Поскольку большевики выступали за прекращение войны с Германией, то Бьюкенен, нацеленный на удержание России в войне, склонялся к разрыву отношений Великобритании и правительства большевиков и поддерживал вооруженную интервенцию в России. Для него «позволить большевикам упрочить свое положение значило бы позволить их агентам распространять разрушительные коммунистические доктрины в большей части Азии и Европы». Однако позже интервенция была признана британским правительством неудачной.

Таким образом, в 1917 году Джордж Бьюкенен оказался в центре сначала Февральской, а затем и Октябрьской революции в качестве посла Великобритании в России. В своих мемуарах он подробно описал внутренние процессы, происходившие в России и неизбежно ведущие к революции. Он подробно характеризовал Николая II, как слабого правителя, непредназначенного для своего поста, находящегося под воздействием своего окружения. Однако в лице императора он видел союзника в борьбе с Германией и старался не допустить нарастания революции, сообщая Николаю о настроениях населения и советуя пойти на уступки. В глазах Бьюкенена Временное Правительство не было сильной политической властью, способной нормализовать и улучшить ситуацию в стране, а также продолжать войну «до победного конца». Что касается большевиков, то Бьюкенен относился к ним крайне негативно, видел в них «террористов», но признавал за ними ум, силу и власть. Он считал большевиков единственной партией, имеющей четкую программу и способной удержать власть. Миссия по удержанию России в войне, которую он успешно выполнял на протяжении нескольких лет, провалилась с приходом к власти большевиков. В начале января 1918 года Бьюкенен выехал в Великобританию, где отстаивал необходимость вооруженной интервенции в Россию.

100 ЛЕТ РЕВОЛЮЦИИ, 500 ЛЕТ РЕФОРМАЦИИ. ДВА ЮБИЛЕЯ ОКТЯБРЯ 2017 ГОДА

Херцог Михаил

Университет имени Фридриха-Александра,
Эрланген – Нюрнберг, Германия, michael.herzog@fau.de

In December 2016, Lenin and Luther appeared on the front page of a special issue of the German socialist newspaper *neues deutschland*, both celebrating and drinking champagne [1]. This picture referred to the fact that 2017 two anniversaries gathered public attention at roughly the same time – the 100th anniversary of the Russian Revolution and the 500th anniversary of the so-called Protestant Reformation.

This correlation of two events hints at a unique German perspective towards the Russian Revolution in 1917. During the whole year of 2017 a lot of anniversary festivities took place in Germany, but they did not necessarily focus on Russian history. Instead, the event celebrated was the 500 Year anniversary of the Reformation, marking the beginning divide of the Western Christian churches. Nevertheless, despite the fact that the Reformation was considered to be more important, a discussion ensued in Germany about possible links between the two mentioned events.

The following text starts with a brief overview of the 500 Year Reformation anniversary in Germany and the connected festivities. Following this, the German debate about possible connections between both anniversaries will be analyzed, focusing mainly on one particular conference on that topic. The final conclusion afterwards will consist of three questions, which could serve as a starting point for future scholarly research.

On 31st of October 1517, Martin Luther published his 95 Theses in Wittenberg, opposing for example the selling of indulgences by the Roman Church at that time. This set into motion the complex process of Protestant Reformation, which for example had a strong impact on the development of a standardized German language and the future development of German History. For example, the Thirty Years' War from 1618 to 1648 was a consequence of this divide. Its conclusion in the Peace of Westphalia permanently shaped the political landscape in the German states. Contemporaries already realized this, and since then, in the Lutheran areas of Europe so called «Reformationsjubiläen» (English: Reformation-Anniversaries) took place regularly.

The way this was celebrated, especially in 1617, 1717, 1817 and 1917 always tells us a lot about the specific point of view of the respective period. For ex-

ample, in 1817 the idea of – at that point unachieved – German unity was the main topic, and a hundred years later during the First World War Luther as a «German Patriot» stood at the center of attention.

For the 500 Year Anniversary, celebrations already started in 2008 with the so-called Luther-Decade. In 2017 they finally culminated in, among other events, 88 special exhibitions, 26 scientific conferences and 24 plays dedicated to the topic of Reformation [2]. The idea that the Reformation stood at the beginning of the so called «modern age» moved to the center of attention. Referring to this, the official English website of the anniversary states: *«In 2017 we aren't just celebrating 500 years of the Reformation, but we are also reminded of the role the Reformation played in the development of the modern age».* [3] Responsible for the contents of this website is the EKD, the «Evangelische Kirche in Deutschland» (Evangelical Church in Germany) [4]. The 16th century was a time of quick changes, but the actual role the Reformation played in this process, either as a cause or a consequence of the beginning modern age, remains controversial to this day. For example, the special exhibition «Luther, Kolumbus und die Folgen» (Luther, Columbus and the Consequences) 2017 in the Germanic National Museum in Nuremberg, Germany, moved the 16th century into the focus of attention, which helps us to understand the Reformation not as a singular event, but as one of several symptoms of change in that age, as the subtitle of the exhibition «Welt im Wandel» (World in transition) suggests [5].

On a flyer of a conference, organized by the «Evangelische Akademie Tutzing» (Evangelical Academy Tutzing) that took place on 13-15. October 2017 in the so called «Luther-City» Wittenberg, both Luther and Lenin were depicted. Wittenberg in central Germany is considered the starting point of Reformation because there Martin Luther first published his 95 Thesis and later was buried there as well. The title of the conference is quite telling: «Reformation & Russische Revolution … und ihre Erben: Wie Kirche und Welt verändert wurden» (Reformation & Russian Revolution … and their heirs. How the Church and the World were changed) [6]. Again, the two topics of change and the ascend of the modern age can be found in the title.

A press release afterwards summed up the event. It for example stated that *«Religion is political and politics is religious»* [7], which appears to be a rather obvious observation not necessarily establishing a specific link between Reformation and Revolution. Another thought appears to be more substantial, namely that these two events resemble the general aspiration towards a more just world. Both events have in common that this ambition quickly turned into violent action and suffering, thus contradicting the original aim. Of course, this was just a single highlight of the discussion, but it helps to understand different views of a German public on the Russian Revolution and how the anniversary of the Russian Revolution was overshadowed by another.

It is important to note that the simultaneous discussion of these two events appears to be limited to the far left, embedding the events in more general theories of social change, and the Churches themselves, which are trying to support their contemporary relevance. Nevertheless, this leads to three concluding questions:

1. If the German public would not coincidentally commemorate both anniversaries at the same time would there be any discussion about similarities and possible analogies of the two events?

2. How do past «double-anniversaries» (for example 1967 in the GDR) compare to the events of 2017?

3. Generally speaking, how can the two terms "Reformation" and «Revolution» be distinguished and connected?

Especially the perspective on the GDR seems worth researching because there the Reformation anniversary remained a public holiday until 1967 and on 16th of May 1990 it even was reintroduced in the mainly Lutheran eastern German federal states [8].

To conclude, this article has aimed at presenting a brief overview of this special connection of two events. The broader picture of Reformation was targeted as well, because still today Reformation – even though the Churches are struggling in terms of followers – remains a center piece of German identity. Of course, this text just presented some starting points. It remains to be hoped that future historians will develop new, and more thorough perspectives on the double anniversary of 2017.

Reference.

1. Source: http://www.raulsoria.de/reform-revolution/ and: https://www.neues-deutschland.de/artikel/1037025.reform-revolution.html (Last visit: 29.12.2017).
2. Source of the numbers: http://www.tagesspiegel.de/kultur/bilanz-des-reformationsjubilaeums-anbetung-der-grossen-zahl/20517196.html (Last visit: 29.12.2017).
3. Source: https://www.luther2017.de/en/2017/reformation-anniversary/ (Last visit: 29.12.2017)
4. Source: https://www.luther2017.de/rechtliches/impressum/ (Last visit: 3.01.2018)
5. Source: http://weltimwandel.gnm.de/en/ (Last visit: 29.12.2017); It is worth mentioning, that the entire exhibition can also be visited virtually using the link above, even though the special exhibition ended after the main anniversary festivities in November 2017.
6. Source: http://www.ev-akademie-tutzing.de/static/media/attachments/ Reformation_Revolution_2017_web.pdf (Last Visit 28.12.2017).
7. Source: http://www.ev-akademie-tutzing.de/reformation-russische-revolution-und-ihre-erben/ (Last visit: 29.12.2017).
8. Source: https://www.mdr.de/zeitreise/fakten-reformationstag-100.html (Last visit: 7.12.2017).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андрианов Алексей Александрович – студент 4 курса очного обучения Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых.

Афонькина Екатерина Владимировна – старший преподаватель кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых.

Букин Александр Владимирович – педагог-организатор Центра духовно-нравственного воспитания Дворца детского юношеского творчества, магистрант 2 курса очного обучения Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых.

Гужева Дарья Владимировна – студентка 5 курса очного обучения Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых.

Данилова Валерия Юрьевна – к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых.

Дирофф Клаус – студент Университета имени Фридриха-Александра, Эрланген – Нюрнберг, Германия.

Дуров Виктор Иванович – к.и.н., доцент кафедры истории войн и военного искусства Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина».

Ильин Евгений Васильевич – к.и.н., доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Исаева Анастасия Олеговна – студентка 4 курса очного обучения Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых.

Ковалёв Максим Александрович – учитель истории и обществознания МБОУ «СОШ № 29».

Козлов Владимир Петрович – член-корреспондент Российской академии наук, д.и.н., профессор РГГУ.

Котова Наталья Вадимовна – магистрант 2 курса очного обучения Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых.

Красильщикова Татьяна Владимировна – к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых.

Кумпан Екатерина Николаевна – к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета.

Лапшин Александр Геннадьевич – к.и.н., профессор кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых.

Лапшина Ирина Константиновна – д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых.

Ларин Андрей Борисович – к.и.н., научный сотрудник, Института всеобщей истории РАН.

Мосина Дарья Александровна – студентка 4 курса очного обучения Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых.

Никонов Олег Александрович – д.и.н., профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского педагогического государственного университета (МПГУ).

Орлов Сергей Константинович – аспирант кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых.

Парравичини Джованна – научный сотрудник Культурного центра «Духовная библиотека» (г. Москва), зам. председателя Фонда «Христианская Россия» по международным связям (г. Сериате, Италия).

Петровичев Вадим Григорьевич – русский проповедник церкви Михкли

Рогачева Елена Юрьевна – д.пед.н., профессор кафедры педагогики Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых.

Скоробогатых Наталья Сергеевна – к.и.н., старший научный сотрудник Центра изучения стран ЮВА и ЮТР Института востоковедения РАН.

Смыслов Сергей Валентинович – учитель истории МБОУ «СОШ № 45» г. Владимира, магистрант 2 курса очного обучения Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых.

Суслопарова Елена Алексеевна – к.и.н., доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Трунникова Наталья Константиновна – учитель географии МКОУ «Купреевская СОШ» Гусь-Хрустальный район, деревня Купреево.

Усманов Сергей Михайлович – д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета.

Флорин Мориц – доцент Университета имени Фридриха-Александра, Эрланген – Нюрнберг, Германия.

Херцог Михаил – студент Университета имени Фридриха-Александра, Эрланген – Нюрнберг, Германия.

Черноперов Василий Львович – д.и.н., заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета.

Шириков Алексей Александрович – студент 4 курса заочного обучения Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых.

Научное издание

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И РОССИЯ

Материалы VI Международной научно-практической конференции

7 – 8 декабря 2017 г.

Издаются в авторской редакции

За содержание статей, точность приведённых фактов и цитирование
несут ответственность авторы публикаций

Подписано в печать 15.03.18.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 9,30. Тираж 300 экз.
Заказ
Издательство
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600000, Владимир, ул. Горького, 87.